

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 2
2025

ISSN 2079-0295

АВТОНОМНАЯ некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 (62) 2025
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2025

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 (62) 2025

Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49

Подписано в печать 30.06.2025 г. Выход в свет 25.07.2025 г. Формат 70×100 1/16.

Объем 26,28 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2025

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалерева Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межатрасевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации.
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитонова Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process FGBOU IN «Perm State National Research University"

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the FGKOU HE Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalievich**, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.
- Kurmanalieva Asel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Honorary Worker of Higher professional Education of Russia, Honored Scientist of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- Molchanov Alexander Alexandrovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

"Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-Business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В.П. Гостевой дом получил закрепление в законодательстве, но пока в порядке эксперимента 16

Актуальные проблемы современного права

<i>Ротань В.Г., Камышанский В.П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ.....</i>	<i>25</i>
<i>Булатов Р.Б. Нелегальная миграция и миграционная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации.....</i>	<i>60</i>
<i>Зайцев О.В., Серова О.А. Управление инфраструктурными проектами: кампусы мирового уровня как объекты совместного владения и пользования</i>	<i>69</i>
<i>Матыцин Д.Е., Балтутите И.В. Правовые аспекты наследования семейного бизнеса.....</i>	<i>79</i>
<i>Потапенко С.В. Трансформация авторского права от аналогового к цифровому.....</i>	<i>93</i>
<i>Савченко М.С., Кириченко Е.В., Макотер М.И. Противодействие созданию экстремистских материалов с помощью приложений на основе искусственного интеллекта.....</i>	<i>107</i>
<i>Гуркина М.В., Цечоев В.К. О юридической сущности правонарушений, совершаемых в сети интернет.</i>	<i>119</i>
<i>Чевтаев К.А., Цечоев В.К. Правовая система России сквозь призму чистого учения о праве г. Кельзена</i>	<i>129</i>
<i>Чеговадзе Л.А. Гражданско-правовые основания и мера имущественных интересов.....</i>	<i>144</i>
<i>Джумагазиева Г.С., Датука Т.С. Правовые последствия лишения родительских прав в России</i>	<i>162</i>
<i>Закирова С.А., Ковалев В.А. Субсидиарная ответственность супругов и родственников за долговые обязательства в бизнесе</i>	<i>176</i>

Межян С.А., Гринь Е.А. Правовая природа дел, вытекающих из градостроительных правоотношений.....	187
--	-----

Наука и практика стран СНГ

Амангельды А.А. Право интеллектуальной собственности в практике недропользования.....	197
Муртазакулов Д.С., Зайцев О.В. Реформа гражданского законодательства о юридических лицах: сравнительный анализ опыта России и Таджикистана.....	219

Трибуна молодого ученого

Бреев Д.Е. О новом регулировании судебного контроля в уголовном судопроизводстве	228
Варфоломеев Б.В. Сальдо-взыскание как альтернатива реституционным последствиям, применяемым при недействительности возмездных сделок должника, признанного несостоятельным (банкротом).....	241
Волобуева Э.Т. Дифференцированный подход к анализу объективных признаков в статьях 110–110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации	251
Джакипов У.Д. Гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел: проблемы нормативного регулирования и пути их разрешения.....	259
Душа В.В. Становление и развитие современной российской судебной системы.....	271
Еловикова Ю.С. Семья как традиционная ценность и объект уголовно-правовой охраны.....	282
Ильин Е.В. Оценка перспектив использования цифровых финансовых активов и криптовалют для инвестиций.....	301
Карпенко А.А. Понятия «типичный» и «нетипичный» как оценочные категории в гражданском праве	314
Кортяев В.Е. Советское историко-правовое источниковедение Древней Тмутаракани.....	321
Милентенкова Я.В. К вопросу о разграничении мер защиты и мер ответственности в гражданском праве РФ	332

Морозова И.В. Конституционно-правовой статус аппарата правительства субъекта Российской Федерации.....	341
Хохлов А.В. Значение пределов в реализации механизма уголовно-правового воздействия.....	351

Contents

Column of the chief editor

Kamyshansky V. P Guest house has been recognized in legislation, but for now on an experimental basis..... 16

Actual problems of modern law

<i>Rotan V.G., Kamyshansky V.P. Methodology of rational interpretation of civil legislation provisions: a case study of article 401 of the Civil Code of the Russian Federation</i>	<i>25</i>
<i>Bulatov R.B. Illegal migration and migration crime as a threat to the national security of the Russian Federation</i>	<i>60</i>
<i>Zaytsev O.V., Serova O.A. Infrastructure project management: world-class campuses as objects of shared ownership and use</i>	<i>69</i>
<i>Matytsin D.E., Baltutite I.V. Legal aspects of inheritance of a family business</i>	<i>79</i>
<i>Potapenko S.V. The transformation of copyright from analog to digital</i>	<i>93</i>
<i>Savchenko M.S., Kirichenko E.V., Makoter M.I. Countering the creation of extremist materials using applications based on artificial intelligence</i>	<i>107</i>
<i>Gurkina M.V., Tsechoev V.K. On the legal nature of offences committed on the internet</i>	<i>119</i>
<i>Chevtaev K.A., Tsechoev V.K. The russian legal system through the prism the pure doctrine of law by g. Kelsen</i>	<i>129</i>
<i>Chegovadze L.A. Civil law grounds and measure of property interests</i>	<i>144</i>
<i>Djumagazieva G.S., Datskaya T.S. Legal consequences of deprivation of parental rights in Russia</i>	<i>162</i>
<i>Zakirova S.A., Kovalev V.A. The subsidiary liability of spouses and relatives for debt obligations in business</i>	<i>176</i>
<i>Megan S.A., Grin E.A. The legal nature of the cases arising from from urban planning legal relations</i>	<i>187</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Amangeldi A.A. Intellectual property law in the practice of subsurface use</i>	<i>197</i>
<i>Murtuzakulov D.S., Zaytsev O.V. Civil law reform about legal entities: a comparative analysis of the experience of Russia and Tajikistan</i>	<i>219</i>

Tribune of a young scientist

<i>Breev D.E. On the new regulation of judicial control in criminal proceedings</i>	<i>228</i>
<i>Varfolomeev B.V. Balance-recovery as an alternative to the restorative consequences applied in case of invalidity of reimbursable transactions of a debtor declared insolvent (bankrupt).....</i>	<i>241</i>
<i>Volobueva E.T. A differentiated approach to the analysis of objective features in articles 110-110.2 of the Criminal code of the Russian Federation</i>	<i>251</i>
<i>Djakipov U.D. The civil law status of employees of internal affairs bodies: problems of regulatory legal regulation and ways of their resolution.....</i>	<i>259</i>
<i>Dusha V.V. Formation and development of modern the russian judicial system</i>	<i>271</i>
<i>Elovikova Y.S. Family as a traditional value and object of criminal law protection</i>	<i>282</i>
<i>Ilin E.V. Assessment of the prospects of using digital financial assets and cryptocurrencies for investments.....</i>	<i>301</i>
<i>Karpenko A.A. The concepts of «typical» and «atypical» as evaluative categories in civil law</i>	<i>314</i>
<i>Kortyaev V.E. Soviet historical and legal source studies of Ancient Tmutarakan.....</i>	<i>321</i>
<i>Milentenkova Y.V. On the issue of the differentiation of protective measures and measures of responsibility in the civil law of the Russian Federation.....</i>	<i>332</i>
<i>Morozova I.V. Constitutional and legal status of the government apparatus of a constituent entity of the Russian Federation.....</i>	<i>341</i>

*Hohlov A.V. The importance of limits in the implementation of
the mechanism of criminal legal impact.....351*

Колонка главного редактора

**УДК 347.22;
347.21; 347.45/.47
ББК 67.4**

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**ГОСТЕВОЙ ДОМ ПОЛУЧИЛ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НО ПОКА В ПОРЯДКЕ
ЭКСПЕРИМЕНТА**

**GUEST HOUSE HAS BEEN RECOGNIZED IN LEGISLATION, BUT
FOR NOW ON AN EXPERIMENTAL BASIS**

Активное развитие внутреннего туризма предполагает существенное улучшение его инфраструктуры, в том числе средств размещения для туристов в сфере малого и среднего бизнеса. Одним из таких объектов является гостевой дом. Президент России В. В. Путин 7 июня 2025 г.

ГОСТЕВОЙ ДОМ ПОЛУЧИЛ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НО ПОКА В ПОРЯДКЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

подписал долгожданный Федеральный закон № 127-ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов» (далее – Закон № 127-ФЗ), который вступает в силу с 1 сентября 2025 г. Эксперимент будет проведен с 1 сентября 2025 г. по 31 декабря 2027 г., при этом не на территории Российской Федерации (РФ) в целом, а только в ряде регионов. В их числе – Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Крым, Краснодарский (включая федеральную территорию «Сириус»), Приморский и Ставропольский край, Архангельская, Владимирская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Ленинградская, Ростовская и Херсонская области, г. Севастополь.

Этот эксперимент начинает действовать не одновременно с момента вступления в силу Закона № 127-ФЗ, а с момента вступления в силу законов перечисленных субъектов РФ и решения Совета федеральной территории «Сириус» о введении в действие соответствующего эксперимента на их территории. Соответствующие законы и нормативный акт должны быть приняты не позднее чем за год до окончания срока проведения эксперимента, то есть не позднее 30 декабря 2026 г.

В ст. 2 Закона № 127-ФЗ для целей создания механизма специального правового регулирования деятельности по предоставлению услуг гостевых домов, создания благоприятных условий для развития туристской индустрии закреплены следующие основные понятия: гостевой дом, услуги гостевого дома, классификация гостевого дома, собственник гостевого дома.

Гостевой дом – это тип средства размещения, представляющий собой индивидуальный жилой дом или часть индивидуального жилого дома, комнаты в котором используют для предоставления услуг гостевого дома. Под частью индивидуального жилого дома для целей Закона № 127-ФЗ понимают часть индивидуального жилого дома с отдельным входом (выходом) на земельный участок, на котором расположен гостевой дом, и доступом в помещения общего пользования в таком доме.

Индивидуальному жилому дому может быть присвоен тип средства размещения под названием «гостевой дом», если он будет соответствовать определенным требованиям:

– во-первых, индивидуальный жилой дом должен быть размещен на земельном участке, который отнесен к категории

земель населенных пунктов с видом разрешенного использования: индивидуальное жилищное строительство, ведение личного подсобного хозяйства (приусадебный земельный участок), ведение садоводства;

– во-вторых, в отношении индивидуального жилого дома нет решения органов местного самоуправления или суда о сносе самовольной постройки либо решения о приведении самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями;

– в-третьих, индивидуальный жилой дом должен принадлежать на праве собственности только физическому лицу, при этом сведения о государственном кадастровом учете такого дома и государственной регистрации права собственности на него внесены в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН);

– в-четвертых, иным требованиям, установленным Положением о классификации гостевых домов.

Указанный перечень требований к гостевому дому как объекту недвижимости, предназначенному для размещения туристов, не является исчерпывающим. В соответствии с п. 2 ст. 4 Закона № 127-ФЗ органы государственной власти субъектов РФ и представительный орган федеральной территории «Сириус» в целях присвоения индивидуальным жилым домам типа средства размещения «гостевой дом» могут устанавливать дополнительные требования с учетом региональных (местных) особенностей, в том числе требование к дате внесения сведений в ЕГРН.

Несоответствие гостевого дома предусмотренным Законом № 127-ФЗ требованиям, Положению о классификации гостевых домов, дополнительным требованиям к гостевым домам, установленным органом государственной власти субъекта РФ и представительным органом федеральной территории «Сириус», служит основанием для отказа во внесении сведений о гостевом доме в единый реестр объектов классификации в сфере туристской индустрии, предусмотренный Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»¹.

Услуги гостевого дома – это услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в гостевом доме, а также иные услуги по обслуживанию проживающих в гостевом

¹ Далее – реестр классифицированных средств размещения.

доме физических лиц, предоставляемые собственником гостевого дома в соответствии с Положением о классификации гостевых домов, утвержденным Правительством РФ (далее – Положение о классификации гостевых домов).

Запрещено с 1 января 2026 г. предоставление услуг гостевого дома в гостевых домах, сведения о которых не внесены в реестр классифицированных средств размещения. Наряду с этим запрещено размещение информации о предоставлении услуг гостевого дома без указания идентификационного номера гостевого дома, присвоенного в реестре классифицированных средств размещения, и ссылки в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на запись в реестре классифицированных средств размещения, содержащую сведения о гостевом доме. Классификация средств размещения должна соответствовать требованиям, установленным ст. 5.1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Классификация гостевого дома представляет собой присвоение индивидуальному жилому дому типа средства размещения «гостевой дом» на основании оценки соответствия такого дома и предоставляемых в нем услуг требованиям, предусмотренным Законом № 127-ФЗ и Положением о классификации гостевых домов. Согласно ст. 5 Закона № 127-ФЗ классификация гостевого дома включает в себя два этапа:

1) проведение собственником гостевого дома оценки соответствия индивидуального жилого дома установленным законом требованиям к гостевому дому;

2) включение сведений о гостевом доме, а также документов и (или) сведений, подтверждающих соответствие индивидуального жилого дома или части индивидуального жилого дома требованиям к гостевому дому, в реестр классифицированных средств размещения. Основанием для такого размещения служит оценка соответствия жилого дома требованиям гостевого дома в порядке, установленном Положением о классификации гостевых домов.

Положением о классификации гостевых домов с учетом п. 4. ст. 5 Закона № 127-ФЗ установлен ряд требований:

- требования к гостевому дому;
- требования к предоставлению услуг гостевого дома;
- порядок проведения классификации гостевого дома;

– порядок включения сведений о гостевом доме, а также документов и (или) сведений, подтверждающих соответствие индивидуального жилого дома или части индивидуального жилого дома требованиям к гостевому дому, в реестр классифицированных средств размещения;

– порядок проверки достоверности сведений о гостевом доме, а также документов и (или) сведений, подтверждающих соответствие жилого дома или части индивидуального жилого дома требованиям к гостевому дому, установленным настоящим Федеральным законом и Положением о классификации гостевых домов;

– порядок и форма предоставления (отзыва) согласия собственника гостевого дома о внесении сведений о гостевом доме в реестр классифицированных средств размещения;

– порядок и основания внесения изменений в документы и (или) сведения, содержащиеся в реестре классифицированных средств размещения;

– порядок исключения сведений о гостевом доме из реестра классифицированных средств размещения;

– порядок приостановления, возобновления или прекращения действия классификации гостевого дома;

– требования к комнатам гостевого дома, в том числе к их количеству и площади, к иным помещениям гостевого дома, к оснащению, оборудованию гостевого дома;

– иные требования, предусмотренные Законом № 127-ФЗ.

Действие классификации гостевого дома может быть приостановлено для устранения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления действия классификации гостевого дома, но не более чем на 30 дней. Приостановление, возобновление или прекращение действия классификации гостевого дома осуществляется органом государственной власти субъекта РФ, органом публичной власти федеральной территории «Сириус», уполномоченными на осуществление регионального государственного контроля (надзора) в сфере туристской индустрии (далее – уполномоченный орган), в порядке, установленном Положением о классификации гостевых домов. Основания для приостановления действия классификации гостевого дома закреплены в п. 7 ст. 5 Закона № 127-ФЗ.

Собственник гостевого дома в течение срока приостановления действия классификации гостевого дома имеет право продолжить предоставление услуг гостевого дома в

ГОСТЕВОЙ ДОМ ПОЛУЧИЛ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НО ПОКА В ПОРЯДКЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

соответствии с обязательствами, возникшими у него до дня приостановления действия классификации гостевого дома. При этом он обязан проинформировать потребителей предоставляемой им услуги о приостановлении действия классификации гостевого дома.

Если приостановление действия классификации гостевого дома связано с обстоятельствами, которые привели к несоответствию гостевого дома предъявляемым к нему требованиям, устранение которых возможно в период приостановления действия классификации гостевого дома, то собственник обязан приостановить предоставление таких услуг. К тому же собственник обязан приостановить размещение информации о предоставлении услуг гостевого дома со дня приостановления действия классификации гостевого дома, устранить обстоятельства, послужившие основанием для приостановления действия классификации гостевого дома, и уведомить об этом уполномоченный орган в порядке, предусмотренном Положением о классификации гостевых домов.

Действие классификации гостевого дома прекращается с исключением сведений о нем из реестра классифицированных средств размещения в следующих случаях:

1) при неустранении собственником гостевого дома обстоятельств, послуживших основанием для приостановления действия классификации гостевого дома, в установленный срок;

2) по заявлению собственника гостевого дома о прекращении классификации гостевого дома либо в случае отзыва одним из собственников согласия о внесении сведений о гостевом доме в реестр классифицированных средств размещения;

3) прекращение прав собственности собственника гостевого дома на гостевой дом, а в случае, если гостевой дом находится в общей долевой или общей совместной собственности физических лиц, смена собственника и отсутствие его согласия на внесение сведений о гостевом доме в реестр классифицированных средств размещения.

Прекращение действия классификации гостевого дома влечет за собой исключение сведений о гостевом доме из реестра классифицированных средств размещения в порядке и сроки, установленные Положением о классификации гостевых домов. Собственник гостевого дома не вправе предоставлять услуги гостевого дома со дня прекращения действия классификации

гостевого дома и исключения сведений о гостевом доме из реестра классифицированных средств размещения.

Собственник гостевого дома – это только физическое лицо, являющееся собственником индивидуального жилого дома или части индивидуального жилого дома, осуществляющее предоставление услуг гостевого дома в соответствии с требованиями Закона № 127-ФЗ.

Следует иметь в виду, что в отношении отдельного физического лица установлены количественные ограничения на обладание в собственности гостевых домов. Ввиду п. 2 ст. 5 Закона № 127-ФЗ при наличии у физического лица в собственности двух и более индивидуальных жилых домов или частей индивидуального жилого дома в реестр классифицированных средств размещения может быть включен только один индивидуальный жилой дом (или часть индивидуального жилого дома). Право выбора объекта для регистрации в качестве гостевого дома принадлежит физическому лицу.

Если гостевой дом находится в общей долевой или общей совместной собственности нескольких физических лиц, внесение сведений о нем в реестр классифицированных средств размещения осуществляется с согласия всех его собственников. Порядок и форма предоставления согласия собственников гостевого дома о внесении сведений о нем в реестр классифицированных средств размещения, в том числе в случае смены собственников, установлены Положением о классификации гостевых домов.

Таким образом, нами рассмотрено содержание специальных понятий, закрепленных в Законе № 127-ФЗ. Иные понятия, используемые в Законе № 127-ФЗ, применяют в значениях, которые определены другими законодательными актами РФ. Законодатель в данном случае использует своеобразный юридико-технический прием. Специальный понятийный аппарат выделен применительно только к одному федеральному закону, а не к отдельной отрасли законодательства или юридической науки.

Анализ Закона № 127-ФЗ приводит нас к выводу о том, что появилась законодательная основа, позволяющая легализовать деятельность собственников жилых домов, имеющих возможность создать благоприятные условия для развития туризма, в том числе в сельской местности. Это и новые рабочие

места, развитие частной инициативы, благоустройство сельских территорий, поступления в местные бюджеты дополнительных доходов и др. Очень важно, чтобы административный механизм включения индивидуальных жилых домов в реестр классифицированных средств размещения не превратился в непомерную ношу для собственника, а объем требований, предъявляемых к средствам размещения, не достигал требований звездных гостиниц. Это означает, что Положение о классификации гостевых домов не должно содержать излишних требований, выходящих за пределы предусмотренных к жилым помещениям жилищным законодательством.

Нуждаются в дополнительном обосновании и ограничения собственника относительно возможности классифицировать в гостевой дом только один индивидуальный жилой дом или одну часть индивидуального жилого дома. На защите чьих интересов находится это законодательное ограничение? Из текста закона не вполне понятно, каким образом собственник гостевого дома обязан оказывать такие услуги: лично либо сдавать его в аренду лицам, которые будут оказывать услуги гостевого дома в качестве средства размещения туристов. Полагаем, что объявленный эксперимент позволит выявить достоинства и недостатки действующей нормативной базы и выработать предложения по ее совершенствованию.

В. П. Камышанский,
главный редактор журнала «Власть Закона»,
директор НИИ АПСР,
заведующий кафедрой гражданского права
КубГАУ им. И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
заслуженный деятель науки Кубани

Раздел

Актуальные проблемы современного права

УДК 347; 34.03; 347.113
ББК 67.404

В. Г. Ротань
профессор
кафедры гражданского права и
процесса
Севастопольского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Севастополь
rotanvg1942@gmail.com

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**МЕТОДОЛОГИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ
ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА ПРИМЕРЕ СТ. 401 ГК РФ**

**METHODOLOGY OF RATIONAL INTERPRETATION OF CIVIL
LEGISLATION PROVISIONS: A CASE STUDY OF ARTICLE 401 OF
THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

На примере ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации авторами раскрыта методология толкования положений гражданского законодательства и их применения. В

основе методологии находится метод рациональной интерпретации положений действующего гражданского законодательства, выведения норм, логически закрепленных в нем. Авторы не разделяют распространившиеся в течение последних лет попытки поиска права за пределами комментируемых положений законодательства. При толковании закона юрист жестко связан текстами Конституции России, федеральных законов и их логикой, а не интуицией, основанной на органолептической юриспруденции, уходящей историческими корнями в позднее Средневековье Германии. Интуиция и чувство не могут быть исключены при толковании закона, но это сугубо вспомогательные средства. Юрист, толкующий закон, не должен руководствоваться методами иррациональной, интуитивной и органолептической юриспруденции.

Ключевые слова: толкование закона, гражданское законодательство, текст закона, логика закона, рациональная юриспруденция, Конституция РФ, обязательство, основания ответственности за нарушение обязательства, гражданско-правовая ответственность, вина в гражданском праве.

Using Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation as an example, the authors disclose the methodology for interpreting provisions of civil legislation and their application. The methodology is based on the method of rational interpretation of the provisions of current civil legislation and the derivation of norms logically enshrined therein. The authors do not share the attempts that have become widespread in recent years to seek law beyond the provisions of legislation being commented upon. When interpreting the law, a lawyer is strictly bound by the texts of the Constitution of Russia, federal laws and their logic, rather than by intuition based on organoleptic jurisprudence, which has historical roots in the late Middle Ages of Germany. Intuition and feeling cannot be excluded when interpreting the law, but they are purely auxiliary means. A lawyer interpreting the law should not be guided by the methods of irrational, intuitive and organoleptic jurisprudence.

Keywords: interpretation of law, civil legislation, text of the law, logic of the law, rational jurisprudence, Constitution of the Russian Federation, obligation, grounds for liability for breach of obligation, civil liability, fault in civil law.

Прежде всего обратим внимание на обострение в течение последних лет проблемы противостояния рационального правотолкования и свободного поиска права в российской науке гражданского права. Но более соответствующим сложившейся ситуации, возможно, было бы указание не на обострение этой проблемы, а на утверждение в науке гражданского права и практике правоприменения идеи свободного поиска права. Хотя это прямо не признают, даже преднамеренно скрывают. Упомянутую идею наиболее последовательно проводит группа ученых, объединившаяся вокруг А. Г. Карапетова. Указанная группа проводит интенсивные научные исследования, активную издательскую деятельность, распространяет свои научные труды в бумажном виде и на электронном носителе (в последнем случае – бесплатно). Процесс издания этих научных трудов поддерживают крупнейшие и наиболее авторитетные адвокатские объединения, и он осуществляется под девизом глосса.

Глосса – это заметка на полях. И сам по себе этот девиз не указывает на концептуальную направленность соответствующих изданий. Но слово «глосса» в сознании юриста, основательно знающего свою профессию, ассоциируется не просто с заметкой на полях, а с деятельностью юристов, которые известны в истории юридической науки как глоссаторы.

Шведский ученый Э. Аннерс пишет о том, что «ни до, ни после глоссаторов ... юридические тексты никогда не были предметом столь глубокого чисто философского анализа, когда-либо проводившегося учеными, до такой степени доскональности определяющие точное местоположение конкретного правового источника (мы подчеркиваем, именно каждого) в каждом конкретном юридическом тексте. Можно также с полным основанием утверждать, что глоссаторы в своих трудах достигли гораздо больших успехов, нежели классические римские юристы, которые, несмотря на свои до мельчайших тонкостей отшлифованные методы анализа отдельных общих проблем, тем не менее совершенно не стремились к достижению терминологического единства с точки зрения практического смысла – к созданию обобщенного представления о бесчисленном множестве институтов римского права. Именно глоссаторы проделали эту гигантскую работу. Впервые в истории. И именно поэтому школа глоссаторов рассматривается учеными в качестве

основного источника зарождения позднеевропейской правовой науки»¹.

Поэтому девиз глосса был бы уместен не просто при издании комментариев, а при условии, что авторы будут продолжать или хотя бы пытаться продолжать линию глоссаторов на глубокое осмысление юридических текстов. Но такого старания у современных глоссаторов нет. Скорее, они ведут свободный поиск права, к тому же очень и очень часто не в текстах комментируемых законов, а за их пределами.

Полагаем, что ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации (РФ), которая гласит о том, что «суды независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону», имеет не только процессуальное, но и материально-правовое содержание. К тому же она характеризуется признаками высшей юридической силы и прямого действия (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Поэтому юрист, в том числе и ученый, при толковании закона жестко связан текстом закона, а также его логикой. Но история свидетельствует о том, что человек постоянно стремится к тому, чтобы разорвать оковы, которыми его связывают закон и логика. Это относится и к ученым-юристам, которые толкуют закон, и к должностным лицам, которые законы принимают. Но так быть не должно. Конституция РФ указывает другой путь: Конституции и закону нужно подчиняться, а поскольку человек – существо разумное, он должен постигать содержание закона разумно, то есть интерпретировать его рационально. Интуиция и чувство не могут быть исключены, но это сугубо вспомогательные средства, к которым должен обращаться юрист, толкующий закон. Тем самым не должны утверждаться иррациональная, ассоциативная, интуитивная, органолептическая юриспруденция (термин «органолептическая» заимствован нами у К. Цвайгерта и Х. Кетца²).

Полагая актуальным противостояние между подавляюще господствующим в науке гражданского права современной России свободным поиском права и робко защищаемым нами

¹ Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. М.: Наука, 1994. С. 161–162.

² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2000. С. 207.

сугубо рациональным поиском права в пределах закона и логики, предлагаем вниманию цивилистической общественности настоящую статью. Цель исследования предопределена более ранними нашими попытками сформулировать и довести до сведения коллег по цеху теоретические положения о рациональном поиске права в пределах гражданского законодательства и логики его применения. Ученые-цивилисты эти попытки не отвергли. Они их пока не воспринимают и не спешат разделить, хотя бы ввиду того, что власть в России, как правовом государстве, с учетом ст. 1 Конституции РФ должна действовать в соответствии с принятыми законами. Возникла мысль на конкретных законодательных положениях показать, как должен осуществляться рациональный поиск права.

Идея рационального поиска права в юридической науке гражданского права не является новой. Основоположником рациональной юриспруденции, который также осуществил и выходы в сферу рациональной цивилистики, на наш взгляд, должен быть признан Р. ф. Иеринг, который, хотя и приобрел в юридической науке огромный авторитет, хотя и признан классиком мировой юриспруденции, однако основоположником рациональной юриспруденции так и не признан. Главное заключается не в этом признании, а в отказе юридической науки, в особенности науки гражданского права, от дальнейшей разработки иеринговских идей о рациональной юриспруденции. Лишь Е. В. Васьковский сделал крупный шаг в развитии рационального учения о правотолковании гражданских законов. Однако и его постигла такая же судьба, что и Р. ф. Иеринга. Его признали в эпиграфе к предисловию к книге «выдающимся русским ученым-юристом»¹. Академик Т. Я. Хабриева, очевидно, выражая общее мнение, назвала Е. В. Васьковского «классиком юридической мысли»². Вместе с тем на конференции, на которой дана высокая оценка научного творчества Е. В. Васьковского, не было ни одного доклада, в котором бы нашли развитие его рационалистические идеи. Развитие рационалистического учения Р. ф. Иеринга прослеживается в трудах умершего в 2010 г.

¹ *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 7.

² *Залоило М. В., Ибрагимова Ю. Э.* Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 78.

профессора Венского университета Ф. Быдлински¹. К сожалению, мы не имеем оснований назвать других ученых продолжателями учения, которое основал Р. ф. Иеринг. Возможно, среди них представлен Х. Коциоль².

Комментируя ст. 401 Гражданского кодекса (ГК) РФ, рассмотрим прежде всего ее название. Закон не дает оснований для отрицания регулятивного значения названий статей законов. Но в данном случае (в заголовке ст. 401 «Основания ответственности за нарушение обязательств» ГК РФ) законодатель показал, что у него не было задачи выразить свое понимание термина «основания», видимо, полагая, что определенность последнего не имеет существенного практического значения. Поэтому, если в ст. 401 ГК РФ под «основаниями» (ответственности) понимают только вину и простой случай, то в ст. 1064 ГК РФ термин «общие основания ответственности за причиненный вред» подразумевает не только вину и случай (пусть и в виде оговорки «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда»), но и деликт, вред, наличие причинной связи между действиями (бездействием) причинителя вреда и вредом. Да и дискуссия, продолжающаяся в науке гражданского права в течение многих десятилетий, может быть, не отвергла практического значения однозначного понимания терминов «основания» и «условия» (ответственности), но и не привела к выводу о наличии такого значения. Во всяком случае сегодня, как и много лет назад, отсутствует единое понимание оснований и условий гражданско-правовой ответственности. Создается впечатление, что наука от этого не страдает.

Даже если основанием ответственности признан состав правонарушения, то его понимают и как набор юридических фактов (правонарушение, вредный результат, причинная связь,

¹ Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 190; Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 185; Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 240.

² Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? (пер. с нем. Ю. М. Ушковой) // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227.

вина¹⁾, и более широко, включая в него признаки, характеризующие объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону²⁾. Существуют и иные мнения. Например, основанием ответственности признают правонарушение, а другие элементы состава правонарушения – условиями³⁾.

Не будем вникать во все детали, связанные с употреблением термина «основания» в ст. 401 ГК РФ. Важнее, как нам представляется, раскрыть содержание термина «ответственность», упоминаемого в ст. 401 ГК РФ, поскольку он определяет круг общественных отношений, регулируемых указанной статьей. Термин «ответственность», без сомнения, включает в себя обязанность возместить убытки (вред). Это подтверждается многочисленными законодательными положениями, в особенности тем, что глава 25 «Ответственность за нарушение обязательств» ГК РФ начинается со статьи 393 под названием «Обязанность должника возместить убытки».

Обязанность уплатить неустойку – второй вид гражданско-правовой ответственности. Неустойка названа в п. 1 ст. 329 ГК РФ способом обеспечения исполнения обязательств. Законодательный материал, посвященный неустойке, размещен в главе 23 ГК РФ, названной законодателем как «Обеспечение исполнения обязательств». Пункт 2 ст. 330 ГК РФ не допускает взыскания неустойки, если «должник не несет ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства». Неустойка и ответственность при этом поставлены рядом как смежные понятия, а не как родовое (ответственность) и видовое (неустойка). Все это должно было бы исключить признание обязанности уплатить неустойку видом или формой ответственности. Но существуют многочисленные доказательства того, что законодатель все-таки признает обязанность уплатить неустойку мерой ответственности:

1) в ст. 796 ГК РФ, озаглавленной «Ответственность перевозчика за задержку отправления пассажира», речь идет о штрафе (неустойке);

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2023. С. 309; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 452–453.

² Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Статут, 2010. С. 356.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 1999. С. 705.

2) название ст. 13 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» начинается со слова «ответственность», но в ней установлен штраф (неустойка);

3) глава VII Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» названа как «Ответственность перевозчиков, владельцев инфраструктур, грузоотправителей (отправителей), грузополучателей (получателей), пассажиров, операторов морских терминалов», но в ней установлены многочисленные правила, предусматривающие уплату штрафа (неустойки);

4) ст. 34 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного и городского наземного электрического транспорта» имеет заголовок «Ответственность перевозчика, фрахтовщика», но в ней, в частности, установлены правила об уплате штрафа (неустойки).

Нами приведен далеко не исчерпывающий перечень случаев, в которых законодатель признает обязанность уплатить неустойку мерой ответственности. Это дает основание и в науке последовать, по крайней мере, *de lege lata* (с точки зрения действующего закона) законодателю.

Но применительно к задатку мы не находим указания в законе на возможность признания последствий нарушения обеспеченных задатком обязательств видом или формой ответственности. По мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, «нет никаких оснований выделять в качестве самостоятельной меры имущественной ответственности потерю задатка, хотя такой подход для нашей доктрины стал уже традиционным»¹. Далее авторы анализируют обстоятельства дискуссии в контексте этого вопроса при обсуждении проекта Гражданского уложения России. Согласно мнению редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения России, сформированного при его подготовке, задатку следует придать значение законной неустойки, штрафа. Этой позиции в итоге придерживаются М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, утверждая, что «сегодня нет никаких оснований отступать от этой позиции»², то есть считать потерю задатка мерой гражданско-правовой ответственности. Интересен тот факт, что авторы при этом не обращаются к действующему

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 635.

² Там же. С. 636.

законодательству, чтобы уточнить, как с точки зрения буквы закона понимать задаток. Аналогично поступил и О. С. Иоффе. В частности, в своей докторской диссертации он сформулировал общее определение понятия гражданско-правовой ответственности в середине 50-х гг. прошлого века¹.

Полагаем, что при формулировании общего определения гражданско-правовой ответственности целесообразно было бы индуктивно вывести признаки правовой конструкции гражданско-правовой ответственности из положений действующего законодательства, а затем решать вопрос о том, входят ли в содержание этой конструкции те или иные правовые явления, в том числе задаток. Этому нас всех (юристов) учил А. И. Петражицкий: «...Для существования принципа легальности, кроме установления действительного смысла отдельных законов, кроме правильной interpretation, существенное значение имеет так называемая юридическая конструкция, под которою именно разумеют восхождение от частных законов к общим принципам и юридическим понятиям и обратное логическое движение, нисходящее от добытых общих принципов и понятий к выводу частных решений, в частности, к выводу таких положений, которые прямо и непосредственно законом не высказаны»².

Но уроки А. И. Петражицкого не воспринимаются, хотя их содержание составляет элементарная логика, приспособленная к потребностям юриспруденции. Более того, мы столкнулись с категорическим мнением Б. И. Пугинского и Д. И. Сафиулина. Приведем его фрагмент: «Начав “танцевать от нормативной печки”, правоведение оказалось вынужденным и далее обеими руками держаться за эту печку, не могло отступить от нее. Ибо шаг влево или вправо от анализа норм считался отходом к чему-то такому, что правом не является. Сама подобная постановка представляется еретической». Далее ученые продолжают:

¹ Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 194–208.

² Петражицкий А. И. Модные лозунги юриспруденции // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 193–194.

«Правоведение не ограничилось тем, что начало творить для себя картину бытия из текстов закона. Дело пошло дальше...»¹.

Подобной позиции придерживается и С. В. Третьяков. Он пишет: «... Если абстракции (гражданско-правовые понятия) образуются путем индуктивных обобщений (а базисом индукции служит текст закона), то получить и оформить в виде понятия можно лишь то, что уже содержится в тексте закона. Это, в свою очередь, означает невозможность формирования абстракций как раз в тех случаях, когда текст противоречив или пробелен»².

Вряд ли достаточным было критически оценивать индуктивные обобщения, ссылаясь на противоречивость и пробельность закона – явления, хотя и существующие, но периферийные. Да и никто не утверждает, что индуктивные обобщения – единственный путь получения и оформления понятий. Все зависит от избранного ученым аспекта исследования. Даже в исследовании в аспекте *de lege lata* (с точки зрения действующего закона), хотя и в последнюю очередь, могут быть использованы определения понятий, сформулированные за пределами юриспруденции. Если юридическое исследование проводится в аспекте *de lege ferenda* (с точки зрения желательного закона), то заимствование внеюридических понятий должно быть признано не только приемлемым, но и обычным.

Тем не менее С. В. Третьяков продолжает свою антинормативную линию: «Уже в XVIII в. ... стало очевидно, что так называемая дедуктивная модель правоприменения (т.е. модель, представленная в виде силлогизма, большой посылкой которого является норма права, и малой – соответствующий фактический состав) не способна адекватно отразить реальный правоприменительный процесс»³. Насколько это стало очевидным – вопрос, поскольку никто не исследовал причины указанной очевидности. Ею могла стать не только непригодность инструмента, но и профессиональная несостоятельность людей, которые пытались применять дедуктивную модель, так как даже

¹ Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика: проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. С. 61.

² Третьяков С. В. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической догматике // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 27.

³ Там же. С. 33.

и великие ученые иногда выносили на публику свои мысли о вопросах, которые они исследовали недостаточно.

Приведем еще один аргумент С. В. Третьякова: «... Неопределенность текста закона... имманентно присуща любому законотворчеству. Абстрактность нормы права изначально предполагает большую или меньшую семантическую неопределенность, доступность текста различным вариантам интерпретации. Поэтому уяснить юридический смысл отдельной нормы права исходя исключительно из текста невозможно»¹.

«Исключительно из текста» уяснить юридический смысл отдельной нормы, действительно, нельзя. Поэтому в одном из исследований проблем правотолкования содержится раздел «Социологическая составляющая права»². Мы это признаем, но и нашим оппонентам следовало бы признать, что начало и основа юриспруденции вообще и цивилистики в особенности – Конституция РФ и Закон. Место социологической составляющей в гражданском праве, как и судебной практики, нужно искать, и прежде всего на нормативной основе, а не умозрительно.

В этой связи следовало бы вспомнить наставления Р. ф. Иеринга: «С толкования не только повсюду *началась* юриспруденция, но именно оно и должно быть всегда первым приемом, используемым ею по отношению к сырому материалу закона. Чтоб конструировать, она должна сперва интерпретировать, толковать; низшая юриспруденция – необходимая первая ступень к высшей, но она лишь первая ступень, и юриспруденция не должна на ней задерживаться дольше, чем нужно. Только на высшей ступени ее задача и метод становятся специфически юридическими, лишь здесь она приобретает свой своеобразный научный характер, отличающий ее от всех других наук»³.

Современной науке гражданского права ближе мысли Б. И. Пугинского, Д. Н. Сафиуллина и С. В. Третьякова, а не Р. ф. Иеринга. Поэтому их (этих мыслей) апологетикой и занялся В. А.

¹ Третьяков С. В. Указ. соч. С. 34.

² Ротань В. Г., Сонин О. Е., Чертова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 613–707.

³ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 356.

Белов¹. Крайним проявлением такой линии стала мысль В. А. Слыщенко: «Логика и юриспруденция сосредоточены на разных предметах, т.е. правильном мышлении и свободе соответственно. Поэтому логика занимается рассуждениями безотносительно содержания используемых понятий, тогда как юридическое мышление оперирует понятиями о свободе. Вытеснение юридического размышления о законах чисто логически приводит к бесправию. Об этом известно выражение: “Summum jus summa injuria” (Много законного – мало справедливого)»². Вызывает сомнение точность перевода известного латинского изречения. Так, автор-составитель Е. И. Темнов пишет: «Summum jus summa injuria – самый строгий закон есть величайшая несправедливость (в том смысле, что слишком строгое толкование закона порождает несправедливость)»³.

Но, рассуждая о свободе, юрист должен правильно мыслить, то есть подчиняться законам логики. Поэтому к бесправию ведет не следование юриста в своих рассуждениях логике, а непонимание того обстоятельства, что к бесправию ведет игнорирование и законов юридических, и законов логики. Последние должны быть использованы для понимания содержания норм, закрепленных в юридических законах текстуально и логически.

Эти противоконституционные и противозаконные идеи получают и более глубокое теоретическое обоснование. Так, А. М. Бернюков считает, что для познания содержания надлежащего применения акта законодательства судье обычно достаточно имеющихся у него знаний. Но даже судья с целью познания соответствующих правовых норм должен перейти на психологический уровень, на котором судья «должен мыслить метафизически и иррационально». При этом «главным орудием выступает... индивидуальный правовой иррационализм, иначе говоря, степень духовного “погружения” для “ощущения правовой

¹ Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 124.

² Слыщенко В. А. К вопросу о своеобразии английского частного права // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 2. С. 81.

³ Латинские юридические изречения / авт.-сост. Е. И. Темнов. М.: Юрист, 1966. С. 375.

нормы»¹. Автор также констатирует наблюдающийся в современных условиях «уклон в сторону иррациональных интересов правовой науки, общества и человека», сетуя относительно того, что «позитивизм, склонность к формализации и дифференциации социальной жизни еще имеют крепкие позиции»².

Это известная борьба за преодоление позитивизма, якобы оставшегося нам в наследство от советского права. Автор, фрагменты произведения которого нами процитированы, на время публикации был очень молод. Его борьба с позитивизмом вполне могла быть отнесена на счет избытка энергии и недостаточного осмысления проблемы. Но издание, в котором опубликована статья А. М. Бернюкова, содержит предисловие, написанное директором Института государства и права имени В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко. В этом предисловии даны восторженные оценки содержания издания. Очевидно, это относится и к приведенным фрагментам произведения А. М. Бернюкова, что может свидетельствовать о масштабах распространения идеи иррационального подхода к законодательству.

Г. А. Гаджиев в Особом мнении к постановлению Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П обратил внимание на судебное право, развитие которого необходимо «для развития юридической правовой системы в целях преодоления позитивистских подходов».

Индуктивно выведенное из законодательных актов понимание гражданско-правовой ответственности, надлежаще сформулированное, – это правовая норма, дающая субъектам правотолкования и правоприменения соответствующее властное предписание. Данная норма закреплена в законах логически. Она распространяется на сферу гражданского права в целом, а поэтому должна быть признана общей. Как общая, эта правовая норма не может конкурировать с нормой, которая установлена применительно к задатку (признанным законодателем способом обеспечения исполнения обязательств, а не мерой ответственности). Такая специальная правовая норма в сфере

¹ Бернюков А. М. Здійснення правосуддя: герменевтичний підхід // Правосуддя: філософське та теоретичне осмислення: колективна монографія / отв. ред. В. С. Бігун. К.: Інститут держави і права НАН України, 2009. С. 189–190.

² Бернюков А. М. Указ. соч. С. 158.

своего действия исключает применение упомянутой выше общей правовой нормы.

Вместе с тем положения законов, признающие те или иные правовые конструкции мерами ответственности, устанавливают специальные правовые нормы, способные к конкуренции при правоприменении. Полагаем, что индуктивно выведенное из законодательства определение понятия гражданско-правовой ответственности не может противостоять специальным нормам, вытекающим из ст. 723 «Ответственность подрядчика за ненадлежащее качество работы» ГК РФ, в которой описаны такого рода нарушения обязательства подряда, и ст. 475 ГК РФ, в которой предусмотрены последствия передачи продавцом покупателю товаров ненадлежащего качества (эти последствия в п. 5 ст. 723 ГК РФ названы ответственностью). Мы готовы принять любые аргументированные возражения относительно изложенного выше, если они будут основаны на законе и логике, а не заключаться в научной ругани подобно словам «нелепо» и «абсурдно», которые было бы желательно выбросить из научного лексикона.

Нам, конечно, известны указания в ст. 363 ГК РФ на «ответственность» поручителя, которая может быть солидарной и субсидиарной, в п. 2 ст. 377 ГК РФ – на ответственность гаранта перед бенефициаром. Нуждаются в продуманной интерпретации и указания на ответственность учредителей, участников, собственников имущества юридического лица по обязательствам юридического лица (п. 1 ст. 69; ст. 75; п. 1 ст. 82; п. 4 ст. 86.1; п. 1 ст. 87; п. 1 ст. 96; п. 2 ст. 98; п. 2 ст. 106.1; п. 6 ст. 113; п. 2 ст. 123.3; п. 3 ст. 123.8; п. 6 ст. 123.20-4; п. 3 ст. 123.21; п. 4 ст. 123.22; п. 2 ст. 123.23 ГК РФ). В настоящее время мы не готовы предложить разумную интерпретацию приведенных законодательных положений. Мы лишь уверены в том, что толковать слова «ответственность», «отвечает» в отрыве от этих положений нельзя.

Основанием ответственности за нарушение обязательств в соответствии с положением абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ служит вина (умысел или неосторожность). Толкование родового понятия вины и видовых понятий умысла и неосторожности никогда в науке гражданского права не основывалось на законодательстве. Причина этого заключается в отсутствии в гражданском законодательстве определений соответствующих понятий. Вторая причина оторванности толкования вины от

нормативной базы – откровенное нежелание указанную базу искать. В этом смысле хуже ситуация сложилась только с причинной связью. В частности, Е. А. Флейшиц пишет о том, что советские судьи понятие причинной связи успешно раскрывают в своих решениях по мере овладения ими «методологическими основами марксизма-ленинизма, основными началами диалектического материализма»¹. Однако Е. А. Флейшиц не обмолвилась о том, какое же понимание причинной связи вытекает из гражданского законодательства.

К настоящему времени сложился нормативный массив, который вполне может быть признан достаточным при определении понятия вины в гражданском праве для целей правоприменения. Попытаемся раскрыть содержание этого понятия с помощью логического дискурса, включающего в себя ряд логически последовательных суждений. В связи с отсутствием в гражданском законодательстве определений вины, умысла и неосторожности возникает мысль об использовании в целях толкования и применения соответствующих норм гражданского права, определения понятий прямого умысла, косвенного умысла, легкомыслия и небрежности, которые сформулированы в ст. 25 и 26 Уголовного кодекса (УК) РФ. Такую возможность следует обосновать.

Накоплен законодательный опыт, ввиду которого законодатель предписывает понятия и термины одних отраслей законодательства применять при толковании акта другой отраслевой принадлежности (п. 1 ст. 11 Налогового кодекса РФ). Но такого предписания нет относительно возможности применения для целей толкования соответствующих норм гражданского права определений понятий, содержащихся в ст. 25 и 26 УК РФ. Остается попытаться применить эти определения по аналогии закона. Вместе с тем содержание п. 1 ст. 6 ГК РФ допускает возможность применения к гражданским правоотношениям по аналогии закона только гражданского законодательства. Применение законодательства иной отраслевой принадлежности к гражданским правоотношениям по аналогии п. 1 ст. 6 ГК РФ не предусматривает.

Обратим внимание на то, что еще не окончательный вывод. Правовые нормы об аналогии материального закона установлены

¹ Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 382.

также в ч. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ и ч. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ, которые не содержат отраслевых ограничений на применение норм материального права по аналогии закона. Коллизии между п. 1 ст. 6 ГК РФ с одной стороны и ч. 3 ст. 11 ГПК, ч. 6 ст. 13 АПК РФ – с другой разрешаются с учетом следующего. Эти нормы совместимы (могут применяться одновременно), а значит, специальная норма п. 1 ст. 6 ГК РФ не исключает применения общих норм, которые текстуально закреплены в ч. 3 ст. 11 ГПК РФ и ч. 6 ст. 13 АПК РФ.

Вместе с тем в п. 1 ст. 6 ГК РФ логически закреплена правовая норма, которую можно обнаружить в процессе толкования при помощи вывода *a contrario*. В соответствии с этой нормой применение к гражданским правоотношениям иного (кроме гражданского) законодательства не допускается. В научной литературе¹ обоснована мысль о том, что такие правовые нормы, как правило, не способны к конкуренции. Следовательно, коллизии между п. 1 ст. 6 ГК РФ с одной стороны и ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, ч. 6 ст. 13 АПК РФ – с другой должны разрешаться в пользу последних двух статей. Этот вывод открывает возможность применения к гражданским правоотношениям по аналогии закона ст. 25 и 26 УК РФ, определяющих понятия умысла (прямого и косвенного) и неосторожности (легкомыслия и небрежности). Понятия умысла и неосторожности вместе образуют понятие вины. Сделаем акцент на том, что для применения соответствующих норм гражданского права важным видится понимание не только умысла и неосторожности, но и разновидностей этих двух основных форм вины. Понятия легкомыслия и небрежности дают нам главные критерии для квалификации неосторожности лица как грубой, что очень важно в гражданском праве. Даже понятие косвенного умысла может быть использовано при разграничении в гражданском праве умысла и неосторожности.

Например, в случае недопоставки товаров поставщик обычно имеет подлежащие поставке товары. Но их недостаточно для своевременного исполнения обязательств, возникших на основании договоров, заключаемых со всеми покупателями. Соответствующее должностное лицо не желает подтвердить отдельным покупателям, что принимает вполне осознанное

¹ Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Указ. соч. С. 320–325.

решение о задержке отгрузки товаров в их адрес. В бездействии (непоставке товаров в срок) поставщика нет прямого умысла, но прослеживается умысел косвенный. Поэтому условие договора об освобождении должника от ответственности за подобного рода нарушения должно быть квалифицировано как ничтожное в соответствии с п. 4 ст. 401 ГК РФ. Вместе с тем полагаем, что надлежащая квалификация действия (бездействия) поставщика стала возможной только потому, что при ее осуществлении использована по аналогии закона нормативная основа, а именно: ч. 3 ст. 25 УК РФ.

Наши оппоненты могут упрекнуть нас в некорректности: в определениях всех четырех разновидностей вины в ст. 25 и 26 УК РФ неизменно содержится указание на общественную опасность, а гражданское законодательство и наука гражданского права такого понятия не знают. Она (общественная опасность) находится за пределами и гражданско-правового регулирования, и предмета гражданско-правового регулирования, и предмета науки гражданского права. Такие упреки в наш адрес будут преждевременными: мы этим не завершили свой дискурс.

Суть проблемы заключается в том, что вина – явление из области, исследуемой психологией, явление из области сознания и воли. Но *сознание и воля не могут быть подчинены праву*. Вина – отношение психическое, отношение сознания (воли) к чему-то внешнему, выходящему за пределы психики. Человек может противоправно мыслить, он может сформировать в себе цель нарушить закон, но это не может влечь за собой правовые (уголовно-правовые, гражданско-правовые) последствия, пока сознание и воля не проявились в действиях или бездействии, которые имеют, по определениям ст. 25 и 26 УК РФ, признак общественной опасности. Таким образом, это уместно применительно к уголовному праву.

В гражданском праве общественную опасность нужно чем-то заменить. И это половина проблемы. Если речь идет о поиске в аспекте *de lege ferenda* (с точки зрения закона, находящегося в процессе разработки и принятия), то наука и существует для того, чтобы такой поиск осуществлять. Искать решение в таком случае ученый будет, руководствуясь не только логикой, но и целью поиска целесообразного решения. Если речь идет о поиске в аспекте *de lege lata* (с точки зрения норм действующего законодательства), то поиск будет строжайше подчинен действующему закону и логике. Данный поиск осуществляется и

наукой, и судами до момента, если проблему не разрешил законодатель.

Как охарактеризовать такого рода поиск? В прежнее время – это логическое толкование действовавшего ранее законодательного положения (ст. 222 ГК РСФСР 1964 г.), направленного на логическое восполнение (без применения правовых конструкций аналогии закона и аналогии права) неполноты законодательного регулирования. Действительно, указав в ст. 222 ГК РСФСР на умысел и неосторожность, советский законодатель формулирование правовой нормы не завершил и оставил законодательное положение в виде полуфабриката. Его нужно довести до стадии готового продукта. Как это сделать? Очевидно, как в следующем примере. Учитель спрашивает ученика: в этом ряду находятся числа 1, 4, 7, 10. Каким должно быть следующее число? Ученик замечает логику построения ряда: каждое следующее число больше предыдущего на 3. Вывод: следующее число 13. Следовало таким образом поступать и при толковании ст. 222 ГК РСФСР 1964 г. Известны понятия разновидностей вины, хотя и заимствованные из уголовного законодательства. Существует целый ряд норм, регулирующих поведение должника в обязательстве (определяющих надлежащее поведение должника в обязательстве). Следовательно, и находящаяся в этом ряду направленность соответствующих заимствованных понятий разновидностей вины имеет вектор на надлежащее (при отсутствии вины) поведение должника, на исключение ненадлежащего поведения должника.

Как правовые нормы, установленные ст. 25 и 26 УК РФ, направлены на предотвращение общественно опасного поведения людей, на обеспечение этого поведения, которое не содержит признака общественной опасности, так и понятия вины и ее разновидностей в гражданском праве направлены на предотвращение нарушений обязательств. Поэтому абзац второй п. 1 ст. 401 ГК РФ и закрепляет логически обязанность любого должника принимать все меры к надлежащему исполнению обязательства. Если все меры должник не принял, то он считается виновным с вытекающим из этого последствием, то есть ответственностью. Украинский законодатель, ограниченный профессиональным уровнем ведущих ученых-цивилистов

Украины (одна из них заимствовала без ссылок на О. С. Иоффе не только мысли, не только текст (форму), но и запятыел¹), на этом и остановился: «Лицо является невиновным, если оно докажет, что оно приняло все зависящие от него меры к надлежащему исполнению обязательства» (ч. 2 ст. 614 ГК Украины). «Все меры» – это предельно жестко по отношению к должнику. Поэтому объективный критерий вины российский законодатель уточнил: должник обязан принять все меры, но все-таки и не все, а только такие, которые находятся в пределах степени заботливости и осмотрительности, требуемой от должника по характеру обязательства и условиям оборота.

Таким образом, в абзаце втором п. 1 ст. 401 ГК РФ определен объективный критерий наличия (отсутствия) сознания и направленности *воли* на принятие всех мер к надлежащему исполнению обязательств, которые должник обязан принять с учетом характера обязательства и условий оборота. При этом к формулировке объективного критерия неуместно дополнять субъективные признаки поведения: проявление заботливости и осмотрительности. Указание на эти критерии нечетко повторяет гораздо более определенные критерии сознания и воли, которые законодатель предусмотрел, указав в абзаце первом п. 1 ст. 401 ГК РФ на умысел и неосторожность как основания ответственности должника. Поскольку в абзаце втором п. 1 ст. 401 ГК РФ обращено внимание и на субъективные признаки, и на объективный критерий воли, в юридической науке законодателя поняли таким образом, что в этом абзаце сформулировано и закреплено легальное определение *вины*.

Это стали признавать даже ученые, причастные к законодательному процессу. Так, В. Ф. Яковлев пишет: «Понятие вины в ст. 401 ГК РФ дается через определение невиновности»². М. И. Брагинский и В. В. Витрянский утверждают, что «действующий ГК РФ содержит определение понятие вины», цитируя в подтверждение этого абзац второй п. 1 ст. 401 ГК РФ. Далее они пишут: «К сожалению, до настоящего времени в современной юридической литературе практически отсутствует

¹ См.: Забов'язальне право: теорія і практика / за ред. О. В. Дзери. К.: Юрінком Інтер, 1998. С. 8–9, 12; *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 4, 5, 12.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М.: Инфра-М, 1997. С. 653.

теоретический анализ вины как условия гражданско-правовой ответственности, а доктрина гражданского права по инерции продолжает в основном оставаться на прежних позициях, смысл которых заключается в поиске все новых объяснений необходимости применения в цивилистике чуждых ей уголовно-правовых взглядов на вину как один из элементов состава правонарушения, представляющих собой некое гипотетическое психическое отношение правонарушителя к своим действиям и их последствиям»¹.

Наши аргументы в пользу чуждых цивилистике уголовно-правовых взглядов изложены ранее в статье. Дополним лишь следующее. Богатый опыт правоприменительной практики и научной деятельности дают право для любых обобщений и теоретических выводов. Но все-таки авторам не следовало прямо отвергать значение положений действующего законодательства. Законы, устанавливающие нормы гражданского права, не содержат понятий умысла, неосторожности, грубой неосторожности, небрежности. И задача науки – помочь юристам понять, каким образом толковать и применять эти нормы, признающие по существу «некое гипотетическое психическое отношение правонарушителя к своим действиям и их последствиям». В науке разработаны и законодательно признаны разновидности такого отношения и критерии разграничения этих разновидностей.

Возвращение от указанных разновидностей и критериев к оценочным понятиям – мечта и правоприменителя, стремящегося не столько к поиску свободы в правовых нормах для участников спорных правоотношений, сколько к собственной свободе; и нерадивого студента, уклоняющегося от освоения научных положений и полагающегося едва ли не исключительно на свою интуицию; и профессионального кулинара, реально рассчитывающего не только сесть в кресло судьи, но и занять высокую должность в судебной иерархии.

Пункт 2 ст. 401 ГК РФ дает возможность для теоретических обобщений, которые представляют интерес и для юриста-практика, и для ученого, и для студента. Прежде всего следует квалифицировать правовые нормы, закрепленные в этом законодательном положении.

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 582–583.

Текстуально закрепленная в п. 2 ст. 401 ГК РФ правовая норма является процессуальной. Формулировка «отсутствие вины доказывается» текстуально непрямо закрепляет процессуальную обязанность, которая образует элемент содержания соответствующего правоотношения. Этой обязанности (процессуальной) право не корреспондирует. Существует в гражданском праве и противоположное явление: право без корреспондирующей обязанности. Оно тоже существует в правоотношении. В настоящей статье, к сожалению, не имеем возможности подробно изложить аргументы относительно этого. Оставим аргументацию для другой, будущей работы. Вернемся к обязанностям должника, нарушившего обязательство, доказывать свою невиновность. Хотя она и является процессуальной, ее неисполнение влечет материальные (гражданско-правовые) последствия: должник, не исполнивший обязанность, считается виновным. Это – норма гражданского права. Далее следует применять норму гражданского права, установленную п. 1 ст. 401 ГК РФ: если должник виновен в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, он несет ответственность.

Итак, уместно рассмотреть структуру ст. 401 ГК РФ. В положениях абзаца первого п. 1 указанной статьи текстуально закреплена правовая норма, которая является общей, поскольку она распространяется на все виды гражданско-правовых обязательств. Правовая норма, специально закрепленная в п. 3 ст. 401 ГК РФ, является специальной по отношению к указанной общей норме, поскольку ее сфера действия более узка, чем сфера действия общей правовой нормы: специальную норму, установленную п. 3 ст. 401 ГК РФ, применяют, если обязательство нарушено должником при осуществлении предпринимательской деятельности.

По содержанию диспозиций эти правовые нормы тождественны. В соответствии с общей и специальной правовыми нормами должник «несет ответственность». Частично совпадает и содержание гипотез этих правовых норм: они действуют, если должник не исполняет или ненадлежаще исполнил обязательство. В остальной части гипотезы рассматриваемых общей и специальной правовых норм представляются разными. Условием (основанием) применения общей правовой нормы служит наличие в действиях (бездействии) должника признака вины. Поэтому говорят о

виновных действиях (бездействиях) должника и виновности должника. Гипотеза специальной правовой нормы расширяет сферу ее действия, выводит эту сферу за пределы действия общей правовой нормы, что, однако, не исключает соотношения этих правовых норм как общей и специальной. Такое обоснование находим в одном из научных изданий¹. Однако в п. 3 ст. 401 ГК РФ законодатель не уточняет, как именно расширяется сфера действия специальной правовой нормы, а лишь устанавливает, что эта правовая норма не применяется, если исполнение обязательства стало невозможным вследствие непреодолимой силы. К этому участку предмета регулирования п. 3 ст. 401 ГК РФ мы еще вернемся.

Обратимся далее к правовой норме, которая текстуально закреплена в п. 4 ст. 401 ГК РФ и в соответствии с которой «заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно». Это законодательное положение нельзя толковать в отрыве от п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ, а рассуждения о том, какими (оспоримыми или действительными) являются заключенные заранее соглашения об устранении или ограничении ответственности за неумышленное нарушение обязательства, неуместны. Контекст любого законодательного положения при толковании имеет преимущество перед текстом, а специальная норма в сфере действия исключает действие общей правовой нормы.

Правовая норма, текстуально закрепленная в положении абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ, является диспозитивной. Ограничения или пределы на отступление в договоре от диспозиции указанной правовой нормы в п. 1 ст. 401 ГК РФ не установлены. Специальная правовая норма, закрепленная в п. 4 ст. 401 ГК РФ и логически обнаруженная при толковании при помощи вывода от последующего правового явления (ничтожности соответствующих заранее заключенных соглашений) к предыдущему (запрету на заключения таких соглашений), устанавливает ограничение (пределы) диспозитивности нормы, текстуально закрепленной в положении абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ. Эта специальная норма в сфере действия исключает применение общей правовой нормы, текстуально закрепленной в абзаце первом п. 1 ст. 401 ГК РФ.

¹ Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Указ. соч. С. 422–425.

Вопрос о соотношении правовых норм, текстуально закрепленных в п. 3 и 4 ст. 401 ГК РФ, видится более сложным. Во всяком случае эти нормы не соотносятся между собой как общая и специальная, а коллизия между ними не может быть разрешена с помощью правила «*lex specialis derogat generali*» (специальный закон отменяет общий закон), поскольку сфера действия этих правовых норм частично совпадает, а частично сфера действия каждой из них выходит за пределы сферы действия другой. Для разрешения коллизии следует использовать иной методологический инструментарий. Ранее нами обращено внимание на связь контекста п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ с одной стороны и п. 4 ст. 401 ГК РФ – с другой. Вследствие этой связи положения и п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ после указания на возможность установления договором иного можно читать вместе с запретом на заранее заключаемые соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленные нарушения обязательств, который (запрет) логически закреплен в п. 4 ст. 401 ГК РФ. Если это не имеет значения для разрешения коллизии между п. 1 и 4 ст. 401 ГК РФ, поскольку для разрешения такой коллизии известен и другой инструмент, в частности правило «*lex specialis derogat generali*», то учет контекста имеет решающее значение для разрешения коллизии между п. 3 и 4 ст. 401 ГК РФ.

Обратим внимание на то, что п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ содержат оговорку о возможности установления иного законом. Эта оговорка в п. 1 ст. 401 ГК РФ отсылает к п. 3 этой статьи, но не отсылает к ст. 211 ГК РФ (тоже отсылающей к закону, в частности к п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ), не отсылает к п. 2 ст. 1064 ГК РФ. В свою очередь, п. 3 ст. 401 ГК РФ не отсылает к п. 1 этой же статьи, ст. 211, п. 2 ст. 1064 ГК РФ, но отсылает к ст. 538, к п. 1 ст. 777 ГК РФ. В данном случае указаны примеры, а общее правило в этом контексте формулируется следующим образом: оговорка «если иное не установлено законом», дополняющая общую правовую норму, отсылает к специальной норме. Эта же оговорка, дополняющая специальную норму, не отсылает к общей норме.

Если сферы действия двух правовых норм частично совпадают, а частично сфера действия одной из них выходит за пределы сферы действия другой, отсылка в одной из таких норм к закону подлежит применению. Наличие отсылки в обеих таких нормах (примеры в гражданском законодательстве представлены) порождает логически неразрешимые коллизии, вызывает

головокружение, выключает работу интеллекта, но включает интуицию, которая позволяет удержать равновесие, не упасть (и вообще, и в грязь лицом) и сохранить это лицо. К врачам в подобных случаях обращаться не стоит. Стоит подумать только о тех, кто молод и способен освоить основы коллизионного (внутригосударственного) гражданского права, помочь им изучить это право, а лучше – фундаментальные основы рациональной цивилистики вообще.

Вернемся к понятиям, которые законодатель определяет в ст. 401 ГК РФ, или оперирует ими в этой статье, или хотя бы логически признает. Обозначим эти понятия на схеме в виде отрезка прямой линии АЕ:

А._____А1._____В._____В1._____С._____Д._____Е.

На приведенной схеме обозначены:

– вина (виновность должника, виновное поведение должника), определенная в ч. 2 и 3 ст. 25, ч. 2 и 3 ст. 26 УК РФ. Содержание понятия вины, позаимствованное из УК РФ, корректируется в положении абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ нормой, логически закрепленной в этом положении и обнаруживаемой при помощи вывода а contrario. На схеме – отрезок АС;

– отсутствие вины (невиновность должника, невиновное поведение должника). Сфера отсутствия вины определена логически на основании ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ при помощи вывода а contrario и текстуально описана в положении абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ. На схеме – отрезок СЕ;

– умысел, упоминаемый в положении абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ. Его содержание раскрыто в ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ, корректируется в положении абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ для целей уяснения содержания норм гражданского права. На схеме – отрезок АВ;

– прямой умысел, не упоминаемый в ГК РФ, но подлежащий учету в процессе толкования норм, при формулировании которых использован термин «умысел». Его содержание раскрыто в ч. 2 ст. 25 УК РФ, корректируется в положении абзаца второго ч. 1 ст. 401 ГК РФ. На схеме – отрезок АА1;

– косвенный умысел, не упоминаемый в ГК РФ, но подлежащий учету, в особенности для целей разграничения умысла и грубой неосторожности. Его содержание раскрыто в ч. 3 ст. 25 ГК РФ, корректируется положением абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ. На схеме – отрезок А1В;

– неосторожность, многократно упоминаемая в актах гражданского законодательства, определена на основании ч. 2 и 3 ст. 26 УК РФ, корректируется положениями абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ. Использована при толковании положений, содержащих термин «грубая неосторожность», при отграничении косвенного умысла от легкомыслия. На схеме – отрезок ВС;

– легкомыслие – это понятие в гражданском законодательстве не упоминается. Оно определено в ч. 2 ст. 26 УК РФ. Может быть использовано для целей толкования положений, содержащих термин «грубая неосторожность»; разграничения косвенного умысла (и умысла вообще) и неосторожности. На схеме – отрезок ВВ1;

– небрежность – это понятие, которое упоминается в гражданском законодательстве. Оно определено в ч. 3 ст. 26 ГК РФ, корректируется положением абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК РФ. На схеме – отрезок В1С.

Отрезки СД и ДЕ – это, соответственно, случай (простой) и непреодолимая сила. Указанные понятия нуждаются в специальном анализе. Начнем с непреодолимой силы, поскольку она определена текстуально в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Законодатель настолько поверил в правильность этого определения, что дает его также в подп. 1 п. 1 ст. 202 и п. 3 ст. 1250 ГК РФ. Но это определение видится не настолько совершенным, чтобы повторять его в одном и том же нормативно-правовом акте трижды. В нем оценочное понятие непреодолимой силы определено посредством указания на оценочные понятия чрезвычайности и непредотвратимости при данных условиях. Вследствие этого упомянутое определение понятия непреодолимой силы до конца не разрешает вопрос о разграничении непреодолимой силы и случая.

Однако наши попытки индуктивно вывести определение непреодолимой силы из ГК РФ и других законов оказались безрезультатны по причине противоречивости законодательных положений, к которым мы при этом обратились. Так, термин «непреодолимая сила» упоминается применительно к ответственности за отдельные виды нарушений в сфере действия института перевозки (ч. 2 ст. 794 ГК РФ). Но формулировка указанного пункта больше придает неопределенности в понимании непреодолимой силы, нежели что-либо проясняет: признает, что, наряду с непреодолимой силой, существуют «иные явления стихийного характера (пожары, заносы, наводнения)». Из

этого следует, что понятие непреодолимой силы не включает в себя даже наводнения, казалось бы, ее классический пример. Военные действия – также классический пример непреодолимой силы. Но и они выведены в п. 2 ст. 794 ГК РФ за пределы понятия непреодолимой силы.

Изложенное свидетельствует о том, что текст рассматриваемого законодательного положения не продуман, не проработан. Авторы текста, очевидно, упрощенно понимали правотворчество, как и С. С. Алексеев понимал правотолкование, полагая, что юристы «с ходу, полно и точно» способны «толковать какие угодно законы, и иные правовые акты»¹. Удивляет поверхностность, с которой подошел классик советской и российской теории права к правотолкованию. К разработке проблем правотолкования российская наука гражданского права приступила в конце XIX века усилиями Е. В. Васильковского. С тех пор продолжения всесторонней разработки проблем правотолкования не наблюдается. Откуда же могли появиться юристы, способные «с ходу, полно и точно...»?

Возвращаясь к поискам значения термина «непреодолимая сила», упоминаемого в п. 2 ст. 794 ГК РФ, укажем, что нельзя было широкий круг явлений, отражаемых в сознании как фундаментальное понятие цивилистики (понятие непреодолимой силы), ставить рядом с эмпирически наблюдаемыми отдельными явлениями (например, заносами, пожарами), хотя бы они и включались в содержание этого понятия. При определении обстоятельств, освобождающих перевозчика от ответственности за несохранность груза или багажа (ч. 1 ст. 796 ГК РФ) законодатель даже не упомянул понятие непреодолимой силы, действие которой, как правило, освобождает от ответственности за нарушение обязательств, и признал основанием освобождения перевозчика от ответственности обстоятельства, которые «перевозчик не мог предотвратить (это признак непреодолимой силы. – *Авт.*) и устранение которых от него не зависело». Так, если в контейнер, который загружен грузоотправителем и перевозился за пломбами грузоотправителя, заложена бомба и произошло крушение железнодорожного грузового состава, уничтожены (повреждены) грузы, отправленные многими грузоотправителями, то перевозчик мог предотвратить

¹ Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 130.

уничтожение (повреждение) груза всех этих грузоотправителей, отправить данный контейнер в другом составе и исключить обстоятельство, которое повлекло уничтожение (повреждение) грузов указанных грузоотправителей.

Следовательно, и устранение упомянутого обстоятельства от перевозчика зависело. Он должен нести ответственность за несохранность груза. Аналогично и при ограблении автомобиля, в котором перевозчик перевозил груз: от перевозчика зависело устранить это обстоятельство и предотвратить его он мог, нанять для этого вооруженную охрану. Таким образом, в п. 1 ст. 796 ГК РФ законодатель усложнил правоприменение, отказавшись от использования в институте перевозки ст. 401 ГК РФ.

Между тем в ст. 36 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» законодатель общей (применительно к сфере действия этого Федерального закона) правовой нормой признает непреодолимую силу основанием освобождения соответствующих лиц от ответственности. Вместе с тем применительно к несохранности груза или багажа при перевозке устанавливают, что перевозчик освобождается от ответственности, если их утрата, недостача, повреждение (порча) произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить или устранить по не зависящим от него причинам (п. 5, 6 ст. 34 указанного Федерального закона). При этом невозможность предотвращения и невозможность устранения соответствующих обстоятельств в п. 5 и 6 ст. 34 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ соединены союзом «или», в отличие от аналогичного текста п. 1 ст. 796 ГК РФ, в котором они соединены союзом «и».

Приведенные примеры из наших научных поисков свидетельствуют о том, что индуктивное выведение понимания законодателем непреодолимой силы из положений действующего гражданского законодательства вряд ли возможно. Слишком сложноопределяемы и очень противоречивы эти положения. Поэтому поиск юридического понимания этой фундаментальной категории цивилистики продолжим в правовых позициях, сформулированных в судебных актах, на которые в соответствии с положениями процессуальных кодексов возможно ссылаться в судебных решениях, и правовых позициях, несоблюдение которых в соответствии с положениями Кодекса административного судопроизводства РФ, ГПК РФ, АПК РФ

служит основанием для отмены судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Такие правовые позиции сформулированы, в частности, в постановлениях Президиума Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ от 21 июня 2012 г. № 3352 (непреодолимая сила обладает признаком, исходящим из вне), от 20 марта 2012 г. № 14316/11 (непреодолимая сила должна находиться вне разумного контроля должника). Указанные правовые позиции считаем существенными для применения норм гражданского права. Они не позволяют квалифицировать как непреодолимую силу:

- внезапную утрату сознания водителем транспортного средства;
- сбой производственного ритма на предприятии вследствие неисправности электропроводки, пожара, аварии, которые вызваны внутренними причинами;
- действия третьих лиц, несущих обязанности перед должником, относительно которого поставлен вопрос об ответственности;
- разрыв трубопроводов, от магистральных нефтепроводов, газопроводов и до систем подачи топлива в двигатели внутреннего сгорания.

Вместе с тем критерии, сформулированные Президиумом ВАС РФ, позволяют отнести любые стихийные бедствия, кроме таких, вредные последствия действия или действие которых соответствующее лицо могло предотвратить (последствия действия урагана, наводнения, о приближении которых предупредила соответствующая служба, действие молнии), забастовки, которые лицо не могло предотвратить или остановить, массовые беспорядки, действия властей (наложение эмбарго, запрет на перевод валюты, противоэпидемиологические мероприятия), военные действия.

Все-таки остаются явления, применительно к которым трудно определить, относятся ли они к понятию непреодолимой силы или не относятся. Речь идет о преступных действиях третьих лиц, повредивших предмет аренды. Такие действия обладают признаками чрезвычайности, непредотвратимости, они исходят извне, находятся вне разумного контроля должника (арендатора). Интуиция, однако, противится признанию таких обстоятельств относящимися к понятию непреодолимой силы. Интуитивные догадки находят свое логическое, то есть сугубо рациональное, подтверждение.

Итак, в начале этого дискурса мы ссылались на п. 3 ст. 401 ГК РФ, продолжили дискурс обращением к правовым позициям судов, которым закон придает значение источников права. Пришли к выводу о том, что содержание непреодолимой силы в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ и правовыми позициями Президиума ВАС РФ включает в себя стихийные действия, забастовки, народные волнения, военные действия. Действия злоумышленников, которые уничтожили или повредили объект аренды и лишили арендатора возможности исполнить свою обязанность по возврату объекта аренды арендодателю в состоянии, в котором он его получил, выходят за пределы признаков непреодолимой силы, указанных в п. 3 ст. 401 ГК РФ, и упомянутых правовых позиций. Они и не могут быть поставлены в один ряд с перечисленными выше пятью видами обстоятельств, относящихся к понятию непреодолимой силы: действия злоумышленников не имеют признака масштабности, который присущ пяти упомянутым видам обстоятельств. Но, поскольку эти пять видов обстоятельств обладают признаком масштабности, то логичным будет сделать вывод о том, что он должен быть присущ всем обстоятельствам, относящимся к понятию непреодолимой силы. С учетом этого можно заключить, что в приведенном выше случае действия злоумышленников не относятся к категории непреодолимой силы.

Таким образом, мы удовлетворительно, как нам представляется, охарактеризовали все явления, обозначенные на приведенной ранее в статье схеме, кроме одного – отрезка СД. От определения понятия, отражающего указанное явление в сознании, уклонился и законодатель. Он даже не обозначил его тем или иным словом из языка повседневного общения. Тем не менее мы это явление осознаем. Из контекста п. 3 ст. 401 ГК РФ можем вывести логически закрепленную в этом законодательном положении правовую норму, в соответствии с которой при наличии явления, отраженного на нашей схеме как отрезок СД, соответствующий должник не является виновным, но ответственность за нарушение обязательств несет, как и при виновном нарушении обязательства. Постигание этой правовой нормы дается цивилистам с трудом. В частности, при рассмотрении дела по иску арендодателя к арендатору о возмещении убытков, причиненных повреждением нежилых помещений (объекту аренды), суды трех судебных инстанций пришли к выводу о том, что помещения повреждены (выгорели) в

результате действий неустановленных третьих лиц, то есть повреждены случайно, а риск такого повреждения несет собственник, то есть арендодатель (в соответствии со ст. 211 ГК РФ).

Президиум ВАС РФ сделал вывод о том, что для правильного разрешения спора следовало установить, не допустил ли арендатор небрежности при исполнении арендного обязательства в аспекте обеспечения сохранности арендованного имущества. Между тем указанное обстоятельство (наличие или отсутствие вины арендатора) находилось за пределами предмета доказывания, поскольку арендатор пользовался помещениями в процессе осуществления предпринимательской деятельности и отвечал за сохранность арендованного имущества и при наличии вины, и при ее отсутствии. Лишь непреодолимая сила освобождала арендатора от ответственности за необеспечение сохранности арендованного имущества.

Явление, обозначенное на схеме отрезком СД, в науке назвали случаем или простым случаем, поскольку существует еще и случай квалифицированный, то есть непреодолимая сила. Видимо, к понятию случая (простого) относятся размышления Р. ф. Иеринга. Он утверждал: «Выработанные понятия являются не простыми составляющими данных правовых положений... еще большая выгода заключается в предоставлении этим возможности приращения права из самого себя, роста его изнутри. Посредством комбинации различных элементов наука может образовывать новые понятия, новые правовые положения; понятия производительны, они совокупляются и производят новые»¹.

Вместе гибель и повреждение имущества в результате простого случая и непреодолимой силы в ст. 211 ГК РФ обозначили как случайную гибель или случайное повреждение имущества. В. А. Белов думает иначе, полагая, что ст. 211 ГК РФ на случаи гибели и повреждения имущества вследствие действия непреодолимой силы не распространяется².

Желая пояснить пределы понятия непреодолимой силы, законодатель в п. 3 ст. 401 ГК РФ указывает на то, что к

¹ Иеринг Р. ф. Указ. соч. С. 58.

² Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации части первой / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 454.

обстоятельства непреодолимой силы относятся чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства, но «не относятся, в частности, нарушения обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств». Сложность для интерпретации последнего, взятого в кавычки законодательного положения обусловлена тем, что законодатель отказался дать определение понятия «простой случай». Он даже не стал упоминать это слово. Но соответствующее явление в ст. 401 ГК РФ логически обозначено.

Если общая правовая норма, текстуально закрепленная в п. 1 ст. 401 ГК РФ, признает вину должника, нарушившего обязательство, основанием его ответственности, а логически закрепленная в этом же законодательном положении правовая норма, которую можно обнаружить в процессе толкования при помощи вывода а *contrario*, исключает ответственность должника, то соответствующие общественные отношения, обозначенные нами ранее на схеме отрезком АЕ, оказываются полностью урегулированными. Потребность в п. 3 ст. 401 ГК РФ в таком случае исчезает ввиду урегулированности общественных отношений общей правовой нормой.

Обратим внимание на то, что законодатель в ст. 401 ГК РФ включил п. 3. Это имело смысл только при условии, что между виной и непреодолимой силой существует явление, на которое законодатель текстуально не указывает, но которое признано наукой, названо термином «простой случай» и которое на схеме, приведенной нами в настоящей статье ранее, обозначено как отрезок СД. Это явление понятием вины не охватывается, а охватывается понятием невиновности, которое по общему правилу освобождает должника от ответственности.

Если бы законодатель к этому явлению применил определенный термин, он бы получил возможность оперировать таким термином в дальнейшем, при определении последствий нарушения обязательств вследствие «нарушения обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствия на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствия у должника необходимых денежных средств». Но он этого не сделал. Ему пришлось оперировать терминами, которые он в ст. 401 ГК РФ использовал, указав, что обстоятельства, перечисленные нами ранее в настоящей статье (в кавычках), не относятся к обстоятельствам непреодолимой силы. Но это становится очевидным, исходя из

содержания понятий вины, невиновности и непреодолимой силы, раскрытых нами ранее в тексте. Определить соотношение указанных обстоятельств с понятием простого случая законодатель не смог, поскольку он не оперирует термином, обозначающим названное понятие.

Тем не менее явление «простой случай» существует, и в п. 3 ст. 401 ГК РФ логически закреплены две правовые нормы, определяющие последствия нарушения обязательства вследствие случая. Одна из них служит частью правовой нормы, которая логически закреплена в положении абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ (обнаружить ее можно в процессе толкования при помощи вывода *a contrario*) и которая, по общему правилу, освобождает должника от ответственности при отсутствии его вины (в том числе при нарушении обязательства вследствие простого случая). Другая из упомянутых двух правовых норм логически закреплена в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Она является специальной, и обнаружить ее можно при помощи логического дискурса, который имеет особенности, предопределяющие способность этой нормы к конкуренции при правоприменении.

В этом пункте законодатель разграничил непреодолимую силу и обстоятельства, которые в соответствии с положением абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ свидетельствует о наличии в действиях должника признаков вины. Тем самым допущена ошибка. У законодателя много власти. Поэтому он может отступить от логики в угоду целесообразности. И это не лишит соответствующее законодательное положение регулятивного значения и юридической силы. Но он не может сделать то, чего не может сделать никто. В п. 3 ст. 401 ГК РФ законодатель, образно говоря, разграничил два земельных участка, которые не являются смежными. Тем не менее они разграничены третьим земельным участком, который расположен между этими двумя участками. Поскольку в п. 3 ст. 401 ГК РФ законодатель допустил логическую ошибку, дающую основание отнести «нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для использования товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств» к понятию случая, что привело к коллизии между п. 3 ст. 401 ГК РФ и положением абзаца первого п. 1 ст. 401 ГК РФ. Эту коллизию следует разрешить в пользу последнего законодательного положения.

Из этого следует вывод о том, что перечисленные в п. 3 ст. 401 ГК РФ обстоятельства не включены в понятие непреодолимой

силы не столько ввиду прямого указания в тексте этого пункта, сколько с учетом определения вины в п. 1 ст. 401 ГК РФ и определения непреодолимой силы в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Ввиду этих же определений указанные обстоятельства не отнесены и к понятию случая, как нами указано выше. Его значение вытекает из п. 1 и 3 ст. 401 ГК РФ. Они не могут быть размещены на отрезке СД нашей схемы, приведенной нами в настоящей статье. Они находятся на отрезке ВС этой схемы, но не являются смежными с явлением, обозначенным на схеме отрезком ДЕ (непреодолимой силой). Надобности в указании в п. 3 ст. 401 ГК РФ на три обстоятельства, не отнесенных к понятию непреодолимой силы, не было.

Способствовало бы правовой определенности указание в тексте закона на то, что эти обстоятельства не включены в понятие случая. Однако это невозможно, поскольку закон не знает понятия случая, которое было бы смежным по отношению к понятию непреодолимой силы. Если в ст. 401 ГК РФ появится понятие случая, можно будет сделать пояснение о том, что понятие случая не включает в себя три обстоятельства, приведенные в п. 3 ст. 401 ГК РФ и подобные им.

Завершая статью, посвященную методологии рационального правотолкования на примере толкования ст. 401 ГК РФ, выражаем надежду на то, что предлагаемое нами исследование найдет своего читателя. Возможно, он будет готов присоединиться к ученым-цивилистам, усилия которых направлены на разработку рационального учения о толковании гражданского законодательства.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 720 с.
2. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Статут, 2010. 494 с.
3. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. М.: Наука, 1994. 397 с.
4. Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 124–160.
5. Бернюков А. М. Здійснення правосуддя: герменевтичний підхід // Правосуддя: філософське та теоретичне осмислення:

колективна монографія / отв. ред. В. С. Бігун. К.: Інститут держави і права НАН України, 2009. С. 148–206.

6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 1999. 848 с.

7. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 190–241.

8. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 185–226.

9. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе (перевод с немецкого) // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 240–271.

10. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.

11. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2023. 448 с.

12. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. 958 с.

13. Забов'язальне право: теорія і практика / за ред. О. В. Дзери. К.: Юрінком Інтер, 1998. 912 с.

14. Залоило М. В., Ибрагимова Ю. Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 78–95.

15. Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.

16. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.

17. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.

18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М.: Инфра-М, 1997. 778 с.

19. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? (пер. с нем.

Ю. М. Ушковой) // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227–288.

20. Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М.: Юристъ, 1966. 400 с.

21. Петражицкий А. И. Модные лозунги юриспруденции // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 191–208.

22. Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации части первой / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 1301 с.

23. Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика: проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. 238 с.

24. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 792 с.

25. Слыщенко В. А. К вопросу о своеобразии английского частного права // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 2. С. 81–108.

26. Третьяков С. В. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической догматике // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 22–43.

27. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. 720 с.

28. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2000. 480 с.

Р. Б. Булатов

профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, доцент,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации
Россия, г. Санкт-Петербург
bulatovrash@mail.ru

**НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ
ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ILLEGAL MIGRATION AND MIGRATION CRIME AS A THREAT TO
THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье исследованы актуальные тенденции роста количества нелегальных мигрантов и мигрантов-преступников. Даны определения понятий «нелегальная миграция» и «миграционная преступность». Проанализированы законодательные нововведения в сфере борьбы с нелегальной миграцией. Сделан вывод о том, что рост нелегальной миграции и миграционной преступности может стать существенной угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Поэтому необходимо совершенствовать меры по предупреждению и пресечению такой угрозы. Требуется усиление контроля за мигрантами, прибывающими в нашу страну, проведение мер профилактики правонарушений среди них. Борьба с нелегальной миграцией и искоренением преступности среди мигрантов должны стать приоритетной задачей российского государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, миграционная политика, миграция, иностранный гражданин, миграционное законодательство, мигрант, нелегальная миграция, контроль за мигрантами, миграционная преступность.

The article examines current trends in the increasing numbers of illegal migrants and migrant offenders. It provides definitions for the concepts of "illegal migration" and "migration-related crime". The author analyzes recent legislative changes in combating illegal

migration and concludes that the growth of illegal migration and migration-related crime may pose a significant threat to the national security of the Russian Federation. Therefore, it is necessary to improve measures to prevent and counter this threat. Strengthening control over migrants entering the country and implementing preventive measures against offenses among them are required. Combating illegal migration and eradicating crime among migrants should become a priority task for the Russian state.

Keywords: national security, migration policy, migration, foreign citizen, migration legislation, migrant, illegal migration, migrant control, migration-related crime.

В течение последних лет вопросы миграции стали очень актуальной темой для всех стран мира, особенно для России. За 2024 г. в Российскую Федерацию (РФ) прибыли около 6,3 млн мигрантов, из них свыше 50 % – с целью трудоустройства¹. Как следует из доклада Росстата, по итогам 2024 г. миграционный прирост в нашей стране (по сравнению с 2023 г.) увеличился в 2,8 раза², что стало номинальным миграционным рекордом с 1995 г. Статистика свидетельствует о том, что количество мигрантов, прибывающих в Россию, растет очень быстро. Это, в свою очередь, порождает ряд проблем, связанных с правовым регулированием их положения, а также контролем за их нахождением в России.

Одна из таких проблем – нелегальная миграция. Данный термин имеет ряд противоречий в трактовке и видится дискуссионным. К примеру, многие ученые спорят о моменте становления мигранта нелегалом, другие считают, что нелегалами являются лишь мигранты, которые пересекают границу незаконно, третьи отождествляют термины «нелегальная миграция» и «незаконная миграция». Согласно позиции В. А. Лянного, нелегальная миграция представляет собой процесс, при котором иностранные граждане и лица без гражданства въезжают на территорию РФ, перемещаются внутри страны и

¹ В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов // РБК. 2025. 19 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685462a59a7947b576ab8f87> (дата обращения: 15.06.2025).

² Виноградова Е., Ткачев И. Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года // РБК. 2025. 5 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b?ysclid=maz8g8bfi196692285> (дата обращения: 15.06.2025).

находятся на ее территории с нарушением миграционного законодательства, независимо от целей и продолжительности их пребывания¹. Ю. Ю. Бышевский, в свою очередь, рассматривает это явление как нарушение российского законодательства при въезде, пребывании и выезде с территории РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства, включая сопутствующие правовые вопросы². И. С. Власов трактует нелегальную миграцию как пересечение границы без соответствующих документов, преследующее цель получения незаконного дохода и последующего постоянного проживания на территории России³.

Нарушение действующего миграционного законодательства РФ, будь то при въезде в страну, во время пребывания на ее территории или при превышении разрешенных сроков нахождения, автоматически квалифицирует мигранта как нелегального. Главный критерий нелегальной миграции – несоблюдение норм миграционного законодательства. Не имеет принципиального значения тот факт, когда именно произошло нарушение закона; если допускается нарушение действующего законодательства в сфере миграции, то это становится моментом приобретения мигрантом статуса нелегала.

Сегодня законодателем предприняты меры по предупреждению и пресечению нелегальной миграции. Так, в Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ предусмотрено крайне актуальное и необходимое для стабилизации миграционной ситуации в стране изменение, а именно: введение ст. 31.2 в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵, которая предусматривает создание

¹ Лянной В. А. К вопросу об определении понятия «нелегальная миграция» // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 65.

² Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 67.

³ Власов И. С., Голованова Н. А. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: ИЗиСП, 2012. С. 7.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4956 (Ч. I).

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

реестра контролируемых лиц. Указанная мера направлена на борьбу с нелегальной миграцией путем внесения в данный реестр лиц, которые находятся на территории РФ, не имея для этого законных оснований. Предпринятые меры позволили усилить контроль за мигрантами, прибывающими в Россию, стабилизировать миграционную ситуацию.

Еще одним значимым правовым актом стал Указ Президента РФ В. В. Путина от 30 декабря 2024 г.¹, также направленный на борьбу с нелегальной миграцией. Он установил, что иностранные граждане, находящиеся на территории РФ и подлежащие включению в реестр контролируемых лиц, обязаны либо самостоятельно покинуть территорию России, либо урегулировать свое положение. Термин «урегулировать» предполагает то, что они обязаны соблюсти все требования Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ², тем самым узаконив свой правовой статус (речь идет о сдаче экзамена по русскому языку, прохождении медицинского освидетельствования, дактилоскопии и иных процедурах). Срок «легализации» определен с 1 января по 30 апреля 2025 г., но продлен до 1 сентября 2025 г. в связи с большим наплывом мигрантов, желающих узаконить свой правовой статус, и ввиду того, что подразделения МВД России, осуществляющие миграционный учет, не имеют возможности принять всех желающих в установленные сроки.

Ключевым стало внесение изменений в ч. 2 ст. 3.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях³. Теперь сотрудники полиции имеют право самостоятельно принимать решение о выдворении иностранных граждан из страны за некоторые административные правонарушения. Ранее такие решения принимал только суд. Это позволит сотрудникам МВД России оперативно пресекать случаи нарушения закона мигрантами.

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки: указ Президента РФ от 30 декабря 2024 г. № 1126 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 1. Ст. 1.

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4944 (Ч. I).

Процедура принятия решения о депортации судами замедляет процесс и создает «бумажную волокиту», что тормозит работу правоприменителей и приводит к загроможденности в спецприемниках, в которых размещают мигрантов до момента принятия решения о депортации.

Современная миграционная политика (в частности, изменения, вносимые в миграционное законодательство) сфокусирована на борьбе с нелегальной миграцией. Однако существует не менее важная проблема. Речь идет о миграционной преступности. Сегодня она стремительно растет и создает ряд угроз не только правовой стабильности государства, но и национальной безопасности России в целом.

Председатель Следственного комитета РФ, видный ученый-правовед А. И. Бастрыкин постоянно обращает внимание на тему миграционной преступности в своих выступлениях и докладах. Так, выступая с докладом на состоявшемся в Санкт-Петербурге юридическом форуме (19–21 мая 2025 г.), он сообщил, что с начала 2025 г. наблюдается резкий рост количества преступлений, совершенных мигрантами. За первые три месяца (с января по март) 2025 г. рост количества таких преступлений составил 15%¹. А. И. Бастрыкин также сделал акцент на том, что ключевые направления миграционной преступности – это половые преступления (в том числе в отношении несовершеннолетних), незаконный оборот наркотических средств, террористическая деятельность. Он высказал ряд интересных предложений о совершенствовании миграционного законодательства с опорой на контроль за мигрантами, прибывающими в нашу страну. По его словам, основная цель миграционной политики – повышение экономических показателей страны за счет привлечения иностранной рабочей силы, и государство должно извлекать выгоду из работы трудовых мигрантов, а не тратить средства на борьбу с нелегальной миграцией.

Миграционная преступность – противоречивое понятие, и многие ученые предлагают свою трактовку этой дефиниции. Например, М. В. Королева определяет преступность среди мигрантов на основании такой характеристики субъекта

¹ Дыбин А. Бастрыкин: Число преступлений мигрантов выросло на 15 процентов в 2025 г. // Комсомольская правда. 2025. 20 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27701/5090292/> (дата обращения: 18.06.2025).

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

преступления, как его перемещение через границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на время, либо периодически возвращаясь обратно¹. Данная трактовка обусловлена тем, что преступления могут совершать не только иностранные граждане, но и внутренние мигранты. С. А. Харитонов полагает, что «преступность среди иностранцев – это органическая совокупность (система) преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации иностранцами и в отношении иностранных граждан, объединенных общностью криминальной среды»². В этом случае субъектом преступления является только иностранный гражданин.

Нам близок подход к пониманию миграционной преступности через общий термин «преступность». В Большой российской энциклопедии приведено следующее определение преступности: «это социально-правовое, исторически изменчивое, негативное массовое явление, слагающееся из всей совокупности совершаемых в тот или иной период в государстве (регионе, мире) преступлений»³. Н. Д. Моисеев и Р. Р. Шерхов считают, что преступность – наиболее опасная часть правонарушений⁴. Речь идет о гражданских, трудовых, административных, уголовных и других правонарушениях. Относительно преступности в миграционном аспекте можно утверждать, что в данном случае особенностью служит субъектный состав.

Подводя итог, попытаемся сформулировать собственное понятие миграционной преступности, исходя из субъектной составляющей термина «преступность». Миграционная преступность – это социально-правовое, исторически изменчивое, негативное массовое явление, слагающееся из совокупности наиболее опасных правонарушений (преступлений), совершаемых на территории РФ мигрантами и (или) в отношении мигрантов.

¹ Королева М. В. Преступность мигрантов // Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 2002. С. 799.

² Харитонов С. А. Преступность среди иностранцев: учеб. пособие. Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. С. 34.

³ Лунеев В. В. Преступность // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2023. 31 мая. URL: <https://bigenc.ru/c/prestupnost-266c60/?v=7407150> (дата обращения: 18.06.2025).

⁴ Моисеев Н. Д., Шерхов Р. Р. Понятие преступности и ее криминологические характеристики // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 117.

Преступления совершают чаще именно мигранты. Как утверждает А. И. Бастрыкин, большинство прибывающих иностранцев не желают интегрироваться в российское общество и занимаются незаконной деятельностью¹. Формирование преступных группировок по национальному признаку, пропаганда идей радикального ислама и подготовка террористических актов, незаконный оборот оружия и наркотиков – это проблемные направления, которые необходимо искоренять, а также обеспечивать предупреждение вербовки в эти группы прибывших мигрантов.

Проведение специальной военной операции на Украине и складывающаяся обстановка в мире создают опасную миграционную угрозу. Мигранты – наиболее экономически нестабильная группа лиц, которые подвержены вербовке спецслужб Украины. В частности, произошедшие недавно террористические акты с участием мигрантов (теракт в концертном зале «Крокус Сити Холл», убийство генерала Кириллова и др.) продемонстрировали, что контроль за миграционной ситуацией в России является приоритетным направлением для государства, которому следует уделить особое внимание. Эта проблема находит отражение в трудах ряда российских исследователей².

Таким образом, на современном этапе важнейшей задачей российского государства становится борьба с нелегальной миграцией и искоренением преступности среди мигрантов. Обеспечение национальной безопасности страны невозможно представить без стабилизации миграционной ситуации и предупреждения угроз со стороны мигрантов-преступников. Усиление контроля за мигрантами и профилактика правонарушений среди них – это главные направления, которые необходимо продолжать развивать для обеспечения безопасности государства и его дальнейшего успешного социально-экономического развития.

¹ Дыбин А. Указ. соч.

² Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. 2025. № 2. С. 2; Булатов Т. Р. Миграционные процессы в современной России: состояние и тенденции развития // Юридический мир. 2024. № 2. С. 54; Булатов Т. Р. Миграционная политика Российской Федерации в современных условиях: направления совершенствования ее реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 3.

Библиографический список

1. Булатов Т. Р. Миграционная политика Российской Федерации в современных условиях: направления совершенствования ее реализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 3–7.
2. Булатов Т. Р. Миграционные процессы в современной России: состояние и тенденции развития // Юридический мир. 2024. № 2. С. 54–58.
3. Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 214 с.
4. Виноградова Е., Ткачев И. Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года // РБК. 2025. 5 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b?ysclid=maz8g8bfi196692285> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Власов И. С., Голованова Н. А. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: ИЗиСП, 2012. 496 с.
6. В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов // РБК. 2025. 19 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685462a59a7947b576ab8f87> (дата обращения: 15.06.2025).
7. Дыбин А. Бастрыкин: Число преступлений мигрантов выросло на 15 процентов в 2025 г. // Комсомольская правда. 2025. 20 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27701/5090292/> (дата обращения: 18.06.2025).
8. Королева М. В. Преступность мигрантов // Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 2002. С. 799–810.
9. Лунеев В. В. Преступность // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2023. 31 мая. URL: <https://bigenc.ru/c/prestupnost-266c60/?v=7407150> (дата обращения: 18.06.2025).
10. Лянной В. А. К вопросу об определении понятия «нелегальная миграция» // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 64–65.
11. Моисеев Н. Д., Шерхов Р. Р. Понятие преступности и ее криминологические характеристики // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 117–119.

12. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. 2025. № 2. С. 2–5.

13. Харитонов С. А. Преступность среди иностранцев: учеб. пособие. Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. 139 с.

УДК 347.1; 347.2/.3; 347.22
ББК 67.4

О. В. Зайцев

декан Высшей школы
правоведения
Института государственной
службы и управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Москва
ov.zaytsev@migsu.ranepa.ru

О. А. Серова

первый проректор Псковского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Псков
olgaserova1974@mail.ru

**УПРАВЛЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ:
КАМПУСЫ МИРОВОГО УРОВНЯ КАК ОБЪЕКТЫ
СОВМЕСТНОГО ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ**

**INFRASTRUCTURE PROJECT MANAGEMENT: WORLD-CLASS
CAMPUSES AS OBJECTS OF SHARED OWNERSHIP AND USE**

В статье проведен анализ соотношения задач правового обеспечения создания и эксплуатации передовых инфраструктурных проектов, в частности кампусов мирового уровня, и требований к ограниченным имущественным правам образовательных организаций. Выделены особенности комплексного подхода к управлению кампусами международного уровня. Обоснована необходимость разработки особого правового режима совместного использования имущества образовательными организациями. Их инициатива при создании университетских кампусов признана неотъемлемым условием. Но система выстраиваемых взаимосвязей, по мнению авторов, сложнее, чем в традиционной конструкции реализации правомочия пользования переданным учредителем имуществом. Передовые задачи создания университетских кампусов вступают в противоречие с правовым режимом права оперативного управления. Сделан вывод о необходимом новом правовом

режиме совместного использования объектов, вовлеченных в процесс подготовки кадров и проведения научных исследований.

Ключевые слова: кампусы мирового уровня, инновационная образовательная среда, имущественный комплекс, правомочия собственника, права ограниченного хозяйственного ведения, управление, объект гражданских прав, право собственности.

The article analyses the correlation between the objectives of legal support for the creation and operation of advanced infrastructure projects, particularly world-class campuses, and the requirements for limited property rights of educational institutions. The specific features of an integrated approach to managing international-level campuses are highlighted. The necessity of developing a special legal regime for the joint use of property by educational institutions is substantiated. Their initiative in establishing university campuses is recognised as an essential condition. However, according to the authors, the system of interrelations being built is more complex than in the traditional framework of exercising the right to use property transferred by the founder. The advanced objectives of creating university campuses conflict with the legal regime of operational management rights. The conclusion is drawn about the need for a new legal regime for the joint use of facilities involved in personnel training and scientific research.

Keywords: world-class campuses, innovative educational environment, property complex, owner's authority, rights of limited economic jurisdiction, management, object of civil rights, ownership rights.

Одним из ключевых проектов последних лет Правительства Российской Федерации (РФ), а именно Министерства науки и высшего образования РФ (Минобрнауки России), стало строительство кампусов международного уровня¹.

¹ О реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовка кадров» национального проекта «Наука и университеты»: постановление Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108060026> (дата обращения: 17.05.2025); Об утверждении Порядка определения инвестиционных проектов, реализация которых осуществляется в соответствии с Положением о реализации проекта по созданию инновационной образовательной среды (кампусов) с применением механизмов государственно-частного партнерства и концессионных соглашений в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» национального проекта «Наука

УПРАВЛЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ:
КАМПУСЫ МИРОВОГО УРОВНЯ КАК ОБЪЕКТЫ
СОВМЕСТНОГО ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ

Кампус мирового уровня – это современное пространство с учебными и жилыми корпусами, лабораторными комплексами и технопарками, которое образует единую среду для студентов, ученых и технологических предпринимателей¹.

В настоящее время создание кампусов реализуется в рамках федерального проекта «Создание сети современных кампусов» национального проекта «Молодежь и дети». Целеполагание при создании подобных проектов имеет четкие основания: формирование специализированной инфраструктурой среды, позволяющей существенно повысить привлекательность российского высшего образования, научно-образовательного пространства для приобретения конкурентных преимуществ. Российское высшее образование должно иметь фундаментальную основу привлечения не только российских абитуриентов, но и молодых кадров для выбора академической карьеры, а также талантливых иностранных абитуриентов для положительного принятия решения о выборе России как места учебы, исследований и дальнейшей профессиональной карьеры. Подобных масштабных проектов в современной России в сфере образования еще не было, равно как и отсутствует возможность сравнения с советским периодом, при котором подобные цели такого объема тиражирования также не ставили.

Создание кампусов осуществляется на конкурсной основе и на базе таких инвестиционных инструментов, как государственно-частное партнерство и концессионное соглашение. Представляется, что на этом этапе существенных правовых вопросов, тем более вопросов доктринального характера, не должно возникнуть. Относительно следующего этапа – эксплуатации кампусов с позиции норм вещного и обязательственного права – вопросы возникают. Большинство из них связаны с краеугольными проблемами правовой науки.

Следует оценить определение кампуса, приведенного в постановлении Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268. Под кампусом понимают совокупность функционально связанных объектов недвижимого имущества и движимого имущества,

и университетов», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2021 г. № 1268: приказ Минобрнауки России от 1 октября 2021 г. № 906 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201240021> (дата обращения: 17.05.2025).

¹ Кампусы // Система «Прокампус». Официальный ресурс Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://прокампус.рф/campus/index> (дата обращения: 17.05.2025).

технологически связанного с таким недвижимым имуществом и предназначенного для его эксплуатации, объединенных назначением по комплексному обеспечению образовательной, инновационной, научной, научно-технической деятельности, представленных в том числе для проживания, отдыха и туризма, занятий физической культурой и спортом, организации питания, культурной деятельности, удовлетворения иных потребностей обучающихся, педагогических, научных и других работников образовательных организаций высшего образования и (или) научных организаций¹. Анализ приведенного определения позволяет выделить важные признаки кампуса:

- имущественный комплекс;
- целевое назначение;
- выгодоприобретателями выступают образовательные и (или) научные организации.

Кампус не относится к предприятию в рамках определения, сформулированного в ст. 132 Гражданского кодекса (ГК) РФ. Создаваемый имущественный комплекс представляет собой инфраструктурный проект, направленный на стимулирование развития науки, инноваций, образования в пределах региона или страны в целом. Понятие инфраструктурного проекта, прочно вошедшего в обиход в связи с реализацией национальных проектов в России, не имеет четкого правового определения². В постановлении Правительства РФ от 28 июля 2021 г. № 1268 дано определение инвестиционного проекта, связанного со строительством кампусов, под которым понимают ограниченный по времени и ресурсам комплекс мероприятий по созданию (строительству и (или) реконструкции) и использованию (эксплуатации) кампуса, реализуемых на основании соглашения в целях развития инфраструктуры образовательных организаций высшего образования и научных организаций, направляемых в том числе на развитие социальной инфраструктуры муниципальных образований.

Структура межсубъектных связей выгодоприобретателей таких проектов носит различный характер. Во-первых, часть

¹ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2021 г. № 1268: постановление Правительства РФ от 26 июля 2023 г. № 1213 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307260032?index=1> (дата обращения: 17.05.2025).

² Попов М. С. Понятие инфраструктурных проектов и специфика их правовой природы // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 6. С. 50.

кампусов создают для одного университета. Например, кампус «Кантиана» на базе Балтийского федерального университета в Калининграде¹. Второй вариант, когда кампус создают для нескольких университетов. Например, вузами-бенефициарами проекта «Межвузовский ИТ-кампус мирового уровня в г. Нижний Новгород»² стали ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева»; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»»; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»; ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»; ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет»; ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова»; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет». Группа вузов – бенефициары проекта «Межуниверситетский кампус мирового уровня Челябинской области»³.

Кроме того, существуют определенные «скрытые» бенефициары таких проектов: индустриальные партнеры, некоммерческие организации, выстраивавшие взаимодействие с университетами, муниципалитеты, которые получают ряд преимуществ от появления таких объектов, иные образовательные организации, школы и организации, уровня среднего профессионального образования, учащимся и

¹ Кампус ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» – «Интеллектуальное пространство будущего «Кампус Кантиана»» // Система «Прокампус». Официальный ресурс Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://прокампус.рф/campus/view?id=2> (дата обращения: 17.05.2025).

² Межвузовский ИТ-кампус мирового уровня в г. Нижний Новгород. 1 очередь // Система «Прокампус». Официальный ресурс Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://прокампус.рф/campus/view?id=3> (дата обращения: 17.05.2025).

³ Межуниверситетский кампус мирового уровня Челябинской области // Система «Прокампус». Официальный ресурс Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://прокампус.рф/campus/view?id=9> (дата обращения: 17.05.2025).

сотрудникам которых может потребоваться доступ к услугам и инфраструктуре кампусов. Университетский кампус в случае создания как базы для нескольких образовательных организаций должен находиться на балансе самостоятельной организации. Соглашение о создании кампусов должно предусматривать четкий механизм по управлению таким имущественным комплексом и содержать в себе модель обеспечения доступа неопределенного круга лиц к движимому и недвижимому имуществу кампуса в соответствии с его целевым назначением. Подобной практики коллективного использования имущественных комплексов в сфере высшего образования еще не было. И эффективность создаваемой модели управления будет связана с достижением целей, которые вкладывали в данный проект.

Термин «управление» не является в прямом смысле правовой категорией. Это общее обозначение, встречающееся во многих науках, рассматривающих проблемы социального характера, а также вопросы, относимые к техническим проблемам. Ф. И. Шамхалов пишет: «Управление представляет собой универсальный феномен, поскольку оно имеет место во всех системах социального мира»¹. Управление необходимо для достижения запланированных целей путем выбора необходимых и достаточных способов, средств и воздействий. Поскольку имущественный комплекс представляет собой сложную систему, состоящую из различных элементов, технических и социальных, то управление требуется для обеспечения и сохранения структуры в целом, поддержания определенного режима деятельности. И, самое главное, что управление как процесс организации целенаправленного воздействия на объект управления должен удовлетворить потребности субъекта, который взаимодействует с этим объектом, то есть выгодоприобретателя (бенефициара) проекта.

Д. А. Керимов относил к базовым признакам любого управления «поддержание определенного порядка и ритма в совместной деятельности людей, согласование индивидуальной и коллективной деятельности»². Однако в рамках текущей деятельности образовательных организаций как учреждений

¹ Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: власть и бизнес. М.: Экономика, 2005. С. 38.

² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. С. 484.

такого согласования в аспекте использования имущественного фонда иными субъектами ранее не осуществлено. Организационно-правовая форма учреждения позволяла уравновесить индивидуальное и коллективное внутри организации, выстраивая иерархическую систему управления и соответствие цели деятельности учреждения, ограниченные возможности использования переданного учредителем имущества. Термин «управление» в гражданском праве применительно к этой категории лиц закреплен в качестве права оперативного управления как ограниченного вещного права юридического лица на хозяйствование с имуществом собственника.

Использована и такая категория, как коллективное управление интеллектуальными (авторскими) правами. В этом случае речь идет о специфической области деятельности, связанной с необходимостью защиты интересов авторов и иных правообладателей при массовом использовании различных произведений. Индивидуально контролировать данную ситуацию крайне сложно. Поэтому повсеместно стали создавать организации, призванные решить задачи коллективного управления авторскими правами. И. А. Близнец пишет: «Основной функцией коллективного управления является сбор и распределение авторских отчислений к равной выгоде всех членов соответствующих обществ»¹.

Применительно к кампусам поставлена задача определить организационные условия доступа широкого круга лиц (определяемого лишь принадлежностью к целевому назначению имущественного комплекса), обязывая университеты принимать на себя дополнительные условия по развитию сферы науки и образования в регионе, выстраивая экосистему межузовского технологического предпринимательства или имущественный комплекс сети исследовательских лабораторий. Такой тип управления невозможно разграничить в зависимости от частноправового или публично-правового регулирования². Рассматриваемые общественные отношения носят комплексный характер. Развитие комплексного характера отношений

¹ Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 15.

² Иванова С. А. Частное и публичное право: вопросы классификации // Вестник Финансового университета. 2012. № 1. С. 42.

управления связано с развитием правоотношений в целом, в том числе правоотношений, складывающихся в процессе самоорганизации и самоуправления субъектов предпринимательской деятельности.

Е. Г. Дорохина утверждает: «Ряд функций государственного управления на уровень саморегулирования участников профессиональной и предпринимательской деятельности»¹. Элементы саморегулирования сохраняют в себе воздействие публичных норм. По сути, саморегулирование является новой формой государственного регулирования общественных отношений в частной сфере. Поэтому не представляется возможным поддержать вывод о том, что «управление в частном праве отличается от управления в публичном праве сферой существования, а также принципами деятельности, что в целом соответствует и критериям проведения границ между частным и публичным правом. Иерархия в частном праве обладает особыми свойствами – основана на началах координации и самоуправления. Управление в гражданском праве осуществляется в рамках принципа юридического равенства и автономии воли сторон»². При создании университетских кампусов инициатива образовательных организаций признана необходимым условием. Но система выстраиваемых взаимосвязей оказывается сложнее, чем в традиционной конструкции реализации правомочия пользования переданным учредителем имуществом. И правовое положение Минобрнауки России в данной ситуации не связано с реализацией функции собственника имущества.

Общие функции управления объективно присутствуют в любом процессе управляющего воздействия; с их помощью решаются задачи, имеющие отношение ко всем участникам управленческих отношений. Ввиду этого они свойственны любому органу государственного управления. К ним относятся:

- 1) информационно-аналитическая деятельность;
- 2) планирование и прогнозирование (разработка оперативных и долгосрочных программ, обеспечение их материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами и т. п.);

¹ Дорохина Е. Г. Управление в системе банкротства: частноправовые и публично-правовые аспекты правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 3.

² Харитонов Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11.

3) организация (формирование структуры системы управления, назначение работников, определение порядка их взаимоотношений и т. п.);

4) руководство (установление правил и нормативов, координация и т. п.);

5) регулирование (оперативное распоряительство);

6) контроль (изучение и оценка действий в сфере управления);

7) учет и оценка эффективности¹.

В случае с университетскими кампусами как инновационной образовательной средой Минобрнауки России не выполняет перечисленные выше публичные функции в полном объеме. При сохранении контролирующей функции речь идет о совмещении частноправовых и публично-правовых управленческих действий (полномочий). Управление может быть рассмотрено в данном случае через призму социального феномена, обладающего способностью к «самоорганизации, саморазвитию»².

Передовые задачи создания университетских кампусов вступают в противоречие с правовым режимом права оперативного управления, при котором учреждения владеют, пользуются этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и, если иное не установлено законом, распоряжаются этим имуществом с согласия собственника такого имущества (п. 1 ст. 296 ГК РФ).³ Требуется разработка нового правового режима совместного использования объектов, вовлеченных в процесс подготовки кадров и проведения научных исследований. В настоящее время эта задача может быть реализована на уровне договорного регулирования (п. 11.7 приказа Минздрава России от 30 июня 2016 г. № 435н)⁴. Однако с учетом масштаба создаваемой

¹ Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

² Сметанкина Л. В. Управление как социальный феномен в современном российском обществе: концептуализация понятия и социальные практики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 16.

³ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 312.

⁴ Об утверждении типовой формы договора об организации практической подготовки обучающихся, заключаемого между образовательной или научной организацией и медицинской

инфраструктуры требуется внедрение системных механизмов правового регулирования совместного использования имущества различными субъектами.

Библиографический список

1. Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 50 с.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. Дорохина Е. Г. Управление в системе банкротства: частноправовые и публично-правовые аспекты правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.
4. Иванова С. А. Частное и публичное право: вопросы классификации // Вестник Финансового университета. 2012. № 1. С. 42–48.
5. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
6. Попов М. С. Понятие инфраструктурных проектов и специфика их правовой природы // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 6. С. 50–60.
7. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 320 с.
8. Сметанкина Л. В. Управление как социальный феномен в современном российском обществе: концептуализация понятия и социальные практики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012. 43 с.
9. Харитонов Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 68 с.
10. Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: власть и бизнес. М.: Экономика, 2005. 712 с.

организацией либо организацией, осуществляющей производство лекарственных средств, организацией, осуществляющей производство и изготовление медицинских изделий, аптечной организацией, судебно-экспертным учреждением или иной организацией, осуществляющей деятельность в сфере охраны здоровья: приказ Минздрава России от 30 июня 2016 г. № 435н // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

УДК 347.6
ББК 67.404.5

Д. Е. Матыцин

ведущий научный сотрудник
Волжского института
экономики, педагогики и
права, профессор кафедры
предпринимательского
и международного частного
права Кубанского
государственного
университета,
профессор кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета,
доктор юридических наук,
кандидат экономических наук
Россия, г. Волжский
Россия, г. Краснодар
dmatytsin@ya.ru

И. В. Балтутите

научный сотрудник Волжского
института экономики,
педагогики и права,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Волжский
u938om@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДОВАНИЯ
СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА¹**

LEGAL ASPECTS OF INHERITANCE OF A FAMILY BUSINESS²

В статье проанализированы правовые аспекты наследования семейного бизнеса в соответствии с законодательством Российской Федерации. Исследованы основные способы передачи семейного бизнеса по наследству, включая составление завещания, заключение наследственного договора и корпоративных соглашений. Особое внимание уделено правам обязательных наследников, вопросам налогообложения и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00129 «LegalTech в семейном бизнесе как драйвер устойчивого развития: экономико-правовая инфраструктура».

² The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00129 «LegalTech in family business as a driver of sustainable development: economic and legal infrastructure».

особенностям управления семейным бизнесом после смерти владельца. Раскрыты механизмы защиты интересов наследников и способы минимизации рисков, связанных с возможными конфликтами между ними. Обоснован вывод о том, что необходимо обеспечение баланса применения норм гражданского, корпоративного и семейного законодательства с целью сохранения семейного бизнеса при передаче его пережившему супругу в рамках наследственных правоотношений. Четкое юридическое оформление и соблюдение правовых норм помогают минимизировать риски, сохранить гармонию в отношениях между членами семьи и обеспечить долгосрочное развитие бизнеса.

Ключевые слова: семейный бизнес, брак, наследование, наследственный договор, правопреемство, завещание, обязательные наследники, налогообложение наследства, управление бизнесом.

The article analyzes legal aspects of family business succession under Russian Federation legislation. It examines primary methods of business transfer through inheritance, including testamentary disposition, inheritance agreements, and corporate arrangements. Particular attention is given to compulsory heirs' rights, taxation issues, and post-succession business management specifics. The study reveals mechanisms for protecting heirs' interests and minimizing conflict risks among beneficiaries. The author substantiates the necessity of balancing civil, corporate, and family law provisions to ensure business continuity when transferring assets to surviving spouses through inheritance. Proper legal formalization and regulatory compliance are shown to mitigate risks, maintain family harmony, and secure long-term business sustainability.

Keywords: family business, marriage, inheritance, inheritance agreement, succession, will, compulsory heirs, inheritance taxation, business management.

Важность темы семейного бизнеса определена несколькими наиболее значимыми факторами, которые существенно влияют на экономический и социальный ландшафт. Семейные предприятия выполняют огромную роль в

экономике, предоставляя возможности трудоустройства, создавая ценность и способствуя устойчивому экономическому росту¹. Многие известные компании в России начинали как семейные предприятия, но сегодня они сталкиваются с проблемой передачи управления следующему поколению. Современный семейный бизнес включает в себя не только материальные активы, но и нематериальные активы, в частности интеллектуальную собственность, финансовые инструменты и доли в других компаниях. Такая сложность структуры собственности усложняет процесс наследования, требуя тщательного рассмотрения юридических аспектов во избежание конфликтов и обеспечения непрерывности деятельности. Законодательство о наследовании в России постоянно развивается, адаптируясь к изменяющимся обстоятельствам. Изменения в процедурах наследования, налогах и корпоративных соглашениях ставят новые задачи перед владельцами семейного бизнеса. Чтобы защитить свои интересы и интересы будущих поколений, владельцам необходимо знать эти изменения и соответствующим образом корректировать свои стратегии².

Конфликты часто возникают, если речь идет о наследовании семейного бизнеса. Расхождения в ожиданиях и устремлениях наследников могут привести к расторжению брака, если не будут приняты надлежащие меры для урегулирования наследственных споров. Правильно составленные завещания, соглашения и документация помогают минимизировать риски. Многие собственники задумываются о передаче своего имущества по наследству, чтобы обеспечить преемственность поколений, а их планы подразумевают не только юридические вопросы, но и психологические, образовательные и организационные аспекты, направленные на сохранение семейных ценностей и традиций. В условиях глобализации многие семейные предприятия выходят за пределы национальных границ, что усложняет вопросы наследования, требуя учета различий в законах и налогах в разных странах. В результате растущего спроса на специализированные услуги

¹ Бердегулова Л. А. Совместное завещание супругов: актуальные вопросы правоприменения // Наследственное право. 2023. № 4. С. 22; Попова Л. И., Подольская А. С. О правовом регулировании совместного завещания в российском праве // Право и практика. 2020. № 2. С. 122.

² Волков Д. А. Мотивационные аспекты преемственности в семейном бизнесе // Российское предпринимательство. 2013. № 16. С. 89.

появились консалтинговые фирмы и эксперты-юристы, которые помогают семейным предприятиям грамотно управлять процессом передачи активов следующему поколению.

В семейном бизнесе юридические аспекты наследования продолжают играть важную роль, поскольку они необходимы для обеспечения соблюдения законов и разработки эффективных стратегий передачи имущества. Владельцы бизнеса осознают значимость этих вопросов и стремятся найти наилучшие решения для сохранения и развития своего дела, чтобы передать его в надежные руки будущим поколениям. Наследственное право в семейном бизнесе включает в себя планирование передачи бизнеса по наследству для того, чтобы избежать споров между наследниками и справедливо распределить имущество. Следует учитывать очереди наследования, установленные законом, и особые правила для несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, супруга или родителей.

Как известно, на современном этапе развития наследственного законодательства, главными инструментами наследственного планирования в наши дни выступают договор и завещание. При этом наличие зарегистрированного брака позволяет прорабатывать сценарий наследственного планирования супругов, то есть составить совместное завещание, заключить наследственный договор с особыми условиями, если его сторонами выступают супруги.

Завещание – единственный способ распорядиться имуществом на случай смерти, который остается востребованным у граждан. Завещательные правомочия супругов, желающих совместно определить правовую судьбу принадлежащего им имущества, значительно расширены введением в ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) института совместных завещаний с 1 июня 2019 г. Ранее совершить завещание было допустимо только единолично.

Конструкция совместного завещания супругов интересна с точки зрения расширения завещательных правомочий наследодателя. Вместе с тем конструкция совместного завещания супругов многообразна жизненными вариациями как объективного, так и субъективного характера, что создает

сложности в правовом понимании и правоприменении положений о совместном завещании супругов¹.

Согласно Семейному кодексу РФ имущество, нажитое во время брака, является общей собственностью. В случае смерти одного из супругов, второй имеет право на долю в общем имуществе в размере 50 %, которая не входит в состав наследства. Нужно оценить имущество, которым наследодатель владеет напрямую и опосредованно, а также имущество, которое планируется приобрести в будущем. Как правило, наследники несут ответственность по долгам наследодателя в пределах стоимости переданного им по наследству имущества. При наследовании семейного бизнеса нужно учитывать очередность наследования, установленную ГК РФ, а также особое положение несовершеннолетних и нетрудоспособных иждивенцев, супругов и родителей². Данные нормы важны для правильного планирования наследственных процессов и предотвращения потенциальных конфликтов.

ГК РФ устанавливает семь очередей наследников, каждая из которых вступает в права, если предыдущая очередь отсутствует или отказывается от наследства. Первая очередь наследования включает в себя детей, супруга и родителей наследодателя. Вторая очередь – братьев и сестер, дедушек и бабушек наследодателя. Третья очередь – дядей и тетей наследодателя. Далее идут последующие очереди, вплоть до седьмой, в эту категорию входят дальние родственники. Если ни один из наследников предыдущей очереди не принимает наследство, оно переходит к государству.

Некоторые категории наследников имеют преимущественное право на получение части наследства, независимо от содержания завещания, в частности несовершеннолетние дети; дети-инвалиды, достигшие совершеннолетия, но не способные самостоятельно обеспечивать себя; нетрудоспособные родители, если они находились на иждивении наследодателя. Если брак официально зарегистрирован, супруг имеет право на половину совместно

¹ Иншакова А. О., Квициния Н. В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 99.

² Горелик А. П. К вопросу о наследовании бизнеса в России // Закон и право. 2015. № 8. С. 31.

нажитого имущества, а также на обязательную долю в оставшейся части наследства¹. Размер обязательной доли составляет не менее половины доли, которую наследник получил бы по закону, если бы не было завещания. Иными словами, даже если наследодатель предусмотрел в завещании иной порядок распределения имущества, наследники имеют право на свою обязательную долю².

Обеспечение стабильности ведения семейного бизнеса после ухода основателя требует тщательного планирования и использования ряда инструментов для минимизации рисков и гарантии непрерывности деятельности компании. Так, если семья обладает значительным состоянием, могут быть созданы семейные фонды для консолидации активов и управления ими на долгосрочной основе. Фонды могут быть организованы как некоммерческие организации или как частные инвестиционные компании. К их преимуществам относятся централизованное управление активами, упрощающее принятие решений; долгосрочное сохранение капитала и его передача последующим поколениям; возможность устанавливать строгие правила управления фондом, исключающие влияние внешних факторов. Доверительное управление предполагает передачу контроля над частью или всеми активами семьи профессиональному управляющему (попечителю). Этот инструмент особенно полезен, если наследники не обладают достаточными знаниями или опытом для самостоятельного управления бизнесом. Преимуществами доверительного управления служат профессиональный подход к управлению активами, снижение риска неправильных управленческих решений, сохранение активов в целости и сохранности до тех пор, пока наследники не приобретут необходимые компетенции³.

Правовые аспекты наследования семейного бизнеса регулируются, в частности, следующими нормативно-правовыми актами. Глава 63 ГК РФ устанавливает восемь очередей

¹ *Илюшина М. Н.* Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 298.

² *Левушкин А. Н., Надысева Э. Х.* Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 12.

³ *Календжян С. О., Волков Д. А.* Семейное предпринимательство: анализ российской практики // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 9. С. 17.

наследования согласно степеням родства. Права на имущество после смерти собственника переходят к родственникам на основании закона, если он не составил завещание и не заключил наследственный договор. Даже при наличии завещания некоторые категории наследников (несовершеннолетние или нетрудоспособные дети, супруг, родители) имеют право на обязательную долю в наследстве, равную как минимум половине доли, которую они получили бы в случае наследования по закону. Наследники должны принять наследство в течение шести месяцев со дня открытия наследства (смерти наследодателя). Суд восстанавливает пропущенный срок, если причины пропуска будут признаны уважительными. Наследник вправе отказаться от наследства в пользу другого наследника или без указания конкретного лица. Отказ возможен в течение срока принятия наследства. Если наследодатель не указал в завещании конкретных долей, имущество делят поровну между наследниками одной очереди. Глава 63 ГК РФ устанавливает четкую систему наследования по закону, основанную на степени родства. Процедуру применяют, если наследодатель не оставил завещания или не заключил наследственный договор¹. Однако даже при наличии завещания определенные категории наследников сохраняют право на обязательную долю в наследстве.

Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» содержат ряд положений о правовом статусе компаний и управлении ими, что имеет большое значение при наследовании семейного бизнеса. Рассмотрим ключевые аспекты этих законов применительно к вопросам наследования. Согласно ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью возможен двумя способами. В порядке наследования наследники способны получить часть компании, если в уставе компании не указаны иные условия. Однако для вступления в члены требуется согласие других участников, если в уставе компании не указано иное. При продаже доли, если участники не согласились на допуск наследников, наследники

¹ Камышанский В. П. О юридической сущности наследственного договора // Власть Закона. 2020. № 4 (44). С. 12.

запрашивают выплаты фактической стоимости доли. Статья 29 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ гласит о том, что акции акционерного общества переходят к наследникам автоматически, поскольку они являются ценными бумагами. Наследники становятся полноправными акционерами и получают соответствующие права и обязанности. Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ и Федеральному закону от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ отведена огромная роль в наследовании семейного бизнеса. Именно указанные законы определяют правила передачи акций и паев наследникам, устанавливают требования к получению согласия участников и регулируют иные значимые аспекты управления компанией.

Например, человек оставил свое имущество одному из взрослых детей. Но у него есть несовершеннолетний ребенок, и он имеет право на часть наследства. Размер этой части определяют, исходя из общей стоимости наследства в целом, включая бизнес, который завещан другим детям. Однако существует ограничения на размер обязательной доли. Суд способен уменьшить ее или отказать в ее предоставлении в определенных случаях, если наследник, имеющий право на обязательную долю, фактически не пользовался этим имуществом. Предоставление обязательной доли сделает невозможным выполнение завещательных распоряжений таким образом, чтобы удовлетворить всех наследников (например, раздел предприятия). Эти решения принимает только суд, и они требуют веских оснований.

Обязательная доля важна для защиты социально уязвимых групп населения (детей, инвалидов, пенсионеров). В контексте семейного бизнеса это означает, что, даже если владелец бизнеса хочет передать его конкретному человеку или группе людей, закон ограничивает его свободу выбора, защищая интересы наиболее нуждающихся родственников. Это обстоятельство заставляет задуматься о правильном планировании наследования, включая составление завещания и корпоративных договоров, чтобы минимизировать возможные конфликты, максимально учитывая интересы всех заинтересованных сторон¹. Норма об обязательной доле в наследстве направлена на защиту

¹ Лобутев А. В. О некоторых проблемах определения наследственной массы при наследовании бизнеса // Гражданское право. 2007. № 4. С. 15; Попова Л. И., Костенко О. С. Право наследования на товарные знаки и знаки обслуживания // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 116.

интересов социально уязвимых категорий граждан. Хотя вышеуказанная мера ограничивает свободу завещателя, она служит для обеспечения социальной справедливости и защиты прав наиболее уязвимых членов семьи.

Договор доверительного управления помогает сохранить наследуемое имущество на время передачи наследства и помогает бизнесу нормально функционировать. Учредителем доверительного управления выступает нотариус (ст. 1173 ГК РФ). Договор доверительного управления позволяет временно передать управление имуществом профессиональному управляющему, что помогает сохранить активы и обеспечить нормальное функционирование бизнеса до завершения процедуры наследования. Согласно ст. 1012 ГК РФ под доверительным управлением понимают передачу имущества (включая доли в бизнесе) во временное управление другому лицу (доверительному управляющему) с целью управления этим имуществом в интересах выгодоприобретателей (например, наследников). Управляющий действует в рамках договора, который оговаривает условия и цели управления. Учредителем доверительного управления в случае наследования может выступать нотариус, как это предусмотрено ст. 1173 ГК РФ. Доверительное управление имуществом, в особенности в контексте наследования семейного предприятия, представляет собой значимый инструмент, обеспечивающий непрерывное функционирование организации и защиту интересов наследников. Создание доверительного управления нотариусом в соответствии с нормами ГК РФ дает возможность оперативно и профессионально урегулировать возникающие вопросы, связанные с передачей бизнеса следующему поколению.

Семейный бизнес функционирует в различных организационно-правовых формах, каждая из которых имеет особенности в контексте владения и передачи имущественных прав после смерти владельца имущества. Индивидуальные предприниматели владеют своим бизнесом лично, а активы индивидуальных предпринимателей принадлежат владельцу компании¹. После смерти владельца имущество передают по наследству в соответствии с законодательством РФ. Наследники продолжают свою деятельность, регистрируясь в качестве новых

¹ Назарова Т. Современные реалии развития семейного бизнеса в России и за рубежом // Предпринимательство. 2007. № 6. С. 6.

индивидуальных предпринимателей, либо продают или ликвидируют бизнес. Общество с ограниченной ответственностью (ООО) представляет собой юридическое лицо, его участники владеют долями в уставном капитале. В случае смерти одного из участников его доля должна быть передана наследникам. Однако такая передача возможна только при согласии остальных участников, если иное не предусмотрено уставом организации. В случае отсутствия согласия наследник получает компенсацию стоимости доли.

Акционеры – это владельцы акций акционерного общества, являющихся ценными бумагами общества. В случае смерти акционера акции переходят к его наследникам, которые становятся новыми акционерами компании. Порядок передачи акций определен уставом акционерного общества и корпоративными соглашениями. Вместе с тем передача прав собственности на семейный бизнес зависит от юридической формы владения и установленных корпоративных соглашений.

Завещатель способен определить порядок распределения своего имущества, включая бизнес, между наследниками. Однако существуют ограничения, такие как обязательная доля в наследстве для определенных категорий лиц (например, несовершеннолетних детей). Устав и корпоративные соглашения содержат положения, регулирующие передачу акций или долей после смерти участника/акционера, включают в себя необходимость получения согласия других участников или правила преимущественного приобретения акций¹.

Уставы обществ с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерных обществ (АО), а также корпоративные соглашения играют важную роль в регулировании процесса передачи акций или долей участия после смерти участника или акционера. Попытаемся раскрыть этот вопрос. Устав служит основным документом, регулирующим внутренние отношения между участниками компании (или акционерами), он содержит положения о порядке передачи акций в случае смерти участника или акционера. Устав предусматривает, что другие участники имеют право преимущественной покупки акций умершего до того, как они станут доступны третьим лицам. Механизм гарантирует, что контроль над компанией остается в руках

¹ Симоненко С. И. Операция «преемник» // Управление человеческим потенциалом. 2010. № 1. С. 36.

нынешних участников рынка. В определенных случаях устав запрещает передачу акций третьим лицам, включая наследников. В таких случаях наследники имеют право на компенсацию, но не участвуют в управлении компанией.

Уставы компаний часто содержат положения, запрещающие передачу акций по наследству. В этих случаях наследник имеет право на получение фактической стоимости акций по наследству. Если устав компании не содержит ограничений на наследование или если другие акционеры согласны на вступление наследника в компанию, наследник принимает решение продать свою долю в компании. Однако, если с момента вступления в наследство прошло менее пяти лет, наследник будет обязан уплатить налог на доходы физических лиц (НДФЛ) с полной продажной цены акций.

Если предметом наследования служат награды или иные льготы за использование научных, литературных, художественных произведений, патентов и т. д., созданных умершим автором, то любые регулярные выплаты, получаемые наследником (авторские гонорары, доходы от авторских прав и т. д.), также облагают НДФЛ. Доход, полученный компанией в форме наследования, как правило, подлежит налогообложению. Компания обязана платить налог со всех таких доходов¹. Однако, если в завещании четко определен состав активов, передаваемых по наследству, этот доход может не считаться целевым доходом и, следовательно, не облагаться налогом. Тем не менее налог на доходы физических лиц будет удержан и выплачен с доходов, полученных из наследственных фондов, обычным способом. В соответствии с п. 2 ст. 18 Налогового кодекса РФ доходы, полученные в результате наследования, освобождаются от уплаты НДФЛ независимо от способа наследования (по закону или завещанию), степени родства между умершим и наследником или налогового статуса любой из сторон (резидент или нерезидент).

Помимо устава, участники компании способны заключить дополнительные корпоративные соглашения, в которых оговариваются условия передачи акций или паев компании. Соглашения часто используют для регулирования отношений между ключевыми участниками бизнеса. В соглашении оговариваются условия, при соблюдении которых наследники получают право стать членами компании. Например, существует

¹ Солдатова В. И. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития // Право и экономика. 2021. № 6. С. 11.

требование пройти специальное обучение или иметь определенный опыт работы¹. Соглашение также предусматривает возможность назначения временного управляющего для управления делами компании до тех пор, пока наследники не вступят во владение правами компании.

Преимущества регулирования с помощью подзаконных актов и корпоративных соглашений заключаются в том, что участники заранее знают, какие условия будут применены в случае смерти одного из них, что снижает вероятность конфликта интересов. Возможность ограничить доступ третьих лиц к управлению компанией помогает поддерживать стабильность и целостность бизнеса компании. Четко сформулированные условия компенсации позволяют избежать неопределенности и обеспечить справедливое вознаграждение наследникам семьи. Если устав и корпоративные соглашения не содержат четких положений о передаче акций или паев, это может привести к следующим проблемам. Без механизмов защиты участники рискуют потерять контроль над компанией, если акции будут переданы нежелательным лицам. Неожиданная смена владельца оказывает негативное влияние на деятельность и репутацию компании. В результате надлежащее оформление устава и заключение корпоративных соглашений являются важными инструментами обеспечения устойчивого развития семейного бизнеса и предотвращения негативных последствий в случае смерти одного из участников компании.

В заключение укажем, что вопрос о наследовании семейного бизнеса становится особенно актуальным в современных экономических условиях с учетом роста количества семейных предприятий и усложнения процедур передачи управления и активов от одного поколения к другому². В статье исследованы ключевые юридические аспекты, связанные с наследованием семейного бизнеса, включая правовую базу, корпоративные соглашения, стратегии наследования и налоговые вопросы. Анализ показал, что эффективное наследование семейного бизнеса требует комплексного подхода, сочетающего знания гражданского, корпоративного и налогового

¹ *Топильская О. В.* Применение норм наследственного права при наследовании бизнеса в России // Культура. Наука. Образование. 2022. № 1. С. 68.

² *Ужакина Ю., Рыжова А.* Планирование преемственности внутри компании // Управление человеческим потенциалом. 2010. № 2. С. 88.

законодательства. Особенно важна роль завещаний, корпоративных актов и трастовых структур, которые помогают минимизировать риски конфликтов и обеспечивают безопасность, развитие бизнеса компании.

Важность планирования законного наследования также обусловлена необходимостью учета социальных и семейных факторов, таких как защита интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников, соблюдение принципа равенства между наследниками. Взаимодействие с профессиональными консультантами и юристами становится неотъемлемой частью успешного процесса передачи семейного бизнеса. Изучение правовых аспектов наследования семейного бизнеса демонстрирует необходимость системного подхода к решению вопросов наследования и правопреемства. Грамотное применение правовых инструментов позволяет владельцам бизнеса уверенно смотреть в будущее, зная о том, что их бизнес останется в надежных руках и продолжит развиваться в интересах грядущих поколений.

Библиографический список

1. Бердегулова Л. А. Совместное завещание супругов: актуальные вопросы правоприменения // Наследственное право. 2023. № 4. С. 22–24.
2. Волков Д. А. Мотивационные аспекты преемственности в семейном бизнесе // Российское предпринимательство. 2013. № 16. С. 89–96.
3. Горелик А. П. К вопросу о наследовании бизнеса в России // Закон и право. 2015. № 8. С. 31–34.
4. Илюшина М. Н. Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 294–304.
5. Иншакова А. О., Квициния Н. В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 99–110.
6. Календжян С. О., Волков Д. А. Семейное предпринимательство: анализ российской практики // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 9. С. 17–29.

7. Камышанский В. П. О юридической сущности наследственного договора // Власть Закона. 2020. № 4 (44). С. 12–18.

8. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.

9. Лобутев А. В. О некоторых проблемах определения наследственной массы при наследовании бизнеса // Гражданское право. 2007. № 4. С. 14–20.

10. Назарова Т. Современные реалии развития семейного бизнеса в России и за рубежом // Предпринимательство. 2007. № 6. С. 6–10.

11. Попова Л. И., Подольская А. С. О правовом регулировании совместного завещания в российском праве // Право и практика. 2020. № 2. С. 122–126.

12. Попова Л. И., Костенко О. С. Право наследования на товарные знаки и знаки обслуживания // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 116–122.

13. Симоненко С. И. Операция «преемник» // Управление человеческим потенциалом. 2010. № 1. С. 34–39.

14. Солдатова В. И. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития // Право и экономика. 2021. № 6. С. 11–14.

15. Топильская О. В. Применение норм наследственного права при наследовании бизнеса в России // Культура. Наука. Образование. 2022. № 1. С. 67–76.

16. Ужакина Ю., Рыжова А. Планирование преемственности внутри компании // Управление человеческим потенциалом. 2010. № 2. С. 87–95.

УДК 347.78
ББК 67.404.31

С. В. Потапенко

декан юридического факультета
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
Россия, г. Краснодар
potapenkosv@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА ОТ АНАЛОГОВОГО К ЦИФРОВОМУ

THE TRANSFORMATION OF COPYRIGHT FROM ANALOG TO DIGITAL

В статье проведен концептуальный анализ процесса цифровой трансформации авторского права, обуславливающего его переход от традиционной аналоговой формы к цифровой. Аргументирован тезис о фундаментальном характере сдвига в правовом регулировании интеллектуальной собственности при ее адаптации к цифровой среде. Особое внимание уделено идентификации и систематизации актуальных проблем правовой охраны произведений в условиях свободного доступа и быстрого распространения цифрового контента. Обоснована необходимость формирования инновационного правового инструментария, включая концепцию цифровой экосистемы авторского права, способного адекватно реагировать на вызовы современности. Полученные результаты позволяют констатировать завершенность процесса первичной трансформации авторского права и открывают перспективы для дальнейшего совершенствования его теоретических основ и правоприменительной практики.

Ключевые слова: авторское право, цифровое авторское право, интеллектуальные права, цифровизация, цифровая трансформация, объекты авторского права, цифровая среда, защита авторских прав, цифровые права, результат интеллектуальной деятельности.

The article presents a conceptual analysis of the digital transformation process in copyright law, marking its transition from traditional analog forms to digital paradigms. The study

substantiates the fundamental nature of this shift in intellectual property regulation as it adapts to the digital environment. Particular focus is given to identifying and systematizing contemporary challenges in protecting creative works amid conditions of open access and rapid digital content dissemination. The research demonstrates the necessity for developing innovative legal mechanisms, including the concept of a digital copyright ecosystem capable of adequately addressing modern challenges. The findings indicate the completion of copyright law's primary transformation phase while revealing prospects for further refinement of its theoretical foundations and enforcement practices.

Keywords: copyright law, digital copyright, intellectual property rights, digitalization, digital transformation, copyrightable works, digital environment, copyright protection, digital rights, intellectual creations.

Авторское право занимает центральное место в системе интеллектуальных прав, будучи регулятором общественных отношений, связанных с созданием, использованием, охраной и защитой произведений науки, литературы и искусства.

Принято различать авторское право в объективном и субъективном смыслах. Относительно авторского права в объективном смысле можно указать, что, например, Э. П. Гаврилов рассматривает его как систему правовых норм, регулирующих отношения, которые связаны с использованием произведений науки, литературы и искусства¹. Другие авторы трактуют авторское право в объективном смысле с похожих позиций, то есть как институт гражданского права² или как «... совокупность правовых норм, которые регулируют отношения по созданию и использованию произведений литературы, науки и искусства»³.

¹ Гаврилов Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. С. 3.

² Позднякова Е. А. Авторское право: учеб. и практикум для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 15.

³ Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Н. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. С. 15.

Авторское право в субъективном смысле понимают как совокупность субъективных прав (полномочий), которые возникают у авторов при создании и использовании произведений науки, литературы и искусства, включая «право авторства, право на имя, исключительное право, право на обнародование и другие права, правовая природа и содержание которых определяются законодателем отдельно по каждому из них»¹. Как и любое субъективное гражданское право, субъективное авторское право с момента возникновения этого права является регулятивным, а с момента его нарушения или оспаривания – охранительным, если у автора произведения как субъекта авторского права возникает право требовать принудительного осуществления своего авторского права.

М. Н. Малеина обращает внимание на то, что такие нематериальные блага, как авторство, авторское имя, свобода определения судьбы произведения, автономия целостности произведения, прикреплены и к субъекту-автору, и к определенному результату интеллектуальной деятельности, который может иметь вещественную форму². В этой связи представляется обоснованной правовая позиция М. А. Федотова о роли автора как «правового элемента, который оказывается смысловым связующим звеном во всем многообразии прав, касающихся интеллектуальной собственности...», поскольку «в отсутствие автора не может возникнуть никакой результат творческой деятельности уже в силу того, что отсутствует субъект такой деятельности»³. Заслуживает поддержки предложение М. А. Федотова отказаться от традиционного в отечественном законодательстве понятия «результат интеллектуальной деятельности» в пользу более точного понятия «результат творческой деятельности»⁴.

В послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (РФ) особый акцент сделан на важности внедрения цифровых технологий, а также

¹ См., напр.: Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография. М.: Статут, 2022. С. 28.

² Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 41.

³ Федотов М. А. Введение в концепт Общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. 2019. Т. 35. № 4. С. 52.

⁴ Там же. С. 57.

использования технологий искусственного интеллекта¹. Это имеет непосредственное отношение и к авторским правам в цифровой среде.

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, технологическое лидерство определены в указе Президента страны как национальные цели развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.² С учетом того, что цифровизация – доминирующий тренд, то переход интеллектуальных прав и авторского права в цифровую сферу становится не просто тенденцией, а фундаментальным сдвигом, определяющим их современное развитие. Однако следует иметь в виду, что авторское право – это право создателя на свое произведение. Связанные с авторским правом цифровые права – это лишь инструментарий, обеспечивающий обнародование авторского произведения в цифровой среде. По мнению В. Д. Зорькина, цифровые права – это право на доступ, создание, публикацию цифровых произведений, а также право на использование электронных устройств и сети Интернет³.

Современная цифровая среда привела к радикальным изменениям в сфере авторского права, поскольку произошел переход от аналогового к цифровому авторскому праву, связанный с расширяющимся применением цифровых технологий, нормативным закреплением цифровых прав, появлением цифровых правоотношений, что в итоге придает особую актуальность вопросам, связанным с цифровым авторским правом. Наиболее отчетливо это проявляется при размещении объектов авторского права в цифровой форме в сети Интернет. Основная причина изложенного – «простота получения доступа к произведениям в цифровой форме, в том числе в сети Интернет...»⁴, что существенно усложняет охрану и защиту цифровых авторских прав.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 05.06.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Российская газета. 2024. 11 мая.

³ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

⁴ Пушков А. М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 1.

Действительно, интернет при всей его прогрессивности усугубляет проблему защиты авторских прав вследствие скорости и масштаба распространения искаженного контента, что приводит к быстрому и значительному моральному и репутационному ущербу для автора. Традиционные подходы к защите авторского права в данном случае менее эффективны, поэтому требуется разработка нового, адекватного правового инструментария, учитывающего цифровые особенности использования объектов авторского права.

Несмотря на активное использование в нормативно-правовых актах и научной литературе термина «цифровизация», его определение в законодательстве РФ не приведено. Сравним, например, с Республикой Беларусь, в которой действует стандарт «Цифровая трансформация. Термины и определения» (далее – Стандарт). Под цифровизацией в этом стандарте понимают «новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления»¹, в основе которого находится не просто накопление информации, а ее активное использование в целях прогнозирования и оптимизации.

В юридической литературе представлена точка зрения, согласно которой цифровизация – это перевод соответствующих отношений в цифровую среду, что представляет собой переход из материального мира в мир нематериальный и цифровой². Целесообразно рассматривать цифровизацию в контексте внедрения в деятельность участников гражданского правоотношения информационных технологий и применение этих технологий в том числе к объектам гражданского оборота³, включая произведения науки, литературы и искусства как объекты авторского права.

С. 38.

¹ Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020: утв. и введен в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 8 декабря 2020 г. № 9 // Национальная академия наук Беларуси. URL: <http://nmo.basnet.by/documents/normative/standarts.php> (дата обращения: 06.06.2025).

² См.: Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М.: Проспект, 2022. С. 52.

³ Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9.

В отличие от цифровизации, цифровая трансформация охватывает более широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, так как ориентирована на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и использование цифровых возможностей для создания новых ценностей и достижения конкурентного преимущества¹. Как справедливо пишет В. Д. Зорькин, развитие информационных технологий за два последних десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности, поэтому «прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации», «зарождается новое право – “право второго модерна”, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта»².

М. И. Иноземцев с полным основанием полагает, что развитие цифровой экономики и формирование информационного общества детерминируют эволюцию цифрового права, выполняющего функцию инструмента регулирования общественных отношений в информационно-телекоммуникационных сетях, а также отношений по поводу оборота цифровых объектов (данных и знаний). Однако уникальные характеристики цифровой среды часто ограничивают возможность автоматического переноса (транспозиции) на нее действующих правовых норм и институциональных моделей, требуя формирования адекватного правового инструментария³.

В настоящее время существуют все основания утверждать, что современные цифровые технологии постепенно привели к трансформации авторского права из аналоговой в цифровую форму. Производство в электронной форме не становится равнозначным производству в цифровой форме, как иногда

¹ См.: Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, Р. В. Амелин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2020. С. 10; Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / А. В. Минбалеев, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова [и др.]. Саратов: Амирит, 2022. С. 34.

² Зорькин В. Д. Указ. соч.

³ Иноземцев М. И. Цифровое право: в поисках определенности // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 1. С. 8.

пишут в юридической литературе¹. Например, электронная книга даже в интерактивной форме – это произведение в письменной форме, то есть в электронной аналоговой форме в виде записи на электронный носитель, который может быть подарен или продан.

В отличие от этого, произведение в цифровом формате оторвано от материального носителя². Следовательно, цифровая форма объектов авторских прав видится оптимальной для передачи в компьютерных сетях, что делает возможным существование объектов авторских прав в цифровой форме не только на стационарных носителях, но и на локальных или сетевых устройствах³.

Если, как обоснованно утверждает М. А. Рожкова, в аналоговом авторском праве «...результаты интеллектуальной деятельности для восприятия должны быть выражены в объективной форме, которая достигается посредством материализации ... в фиксации нематериального объекта на материальном носителе»⁴, то следует согласиться с В. С. Коляса полагающим, что при переходе «в цифровой формат преобразования, охраняемые авторским правом результаты интеллектуальной деятельности получают дополнительные ценностные свойства при своей реализации на рынке товаров и услуг. Указанные ценности заключаются в удобстве использования электронного формата и мгновенного приобретения таких объектов из любой точки доступа сети Интернет»⁵.

¹Болдырев С. И. Авторские права в современном информационно-телекоммуникационном пространстве РФ: гражданско-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. С. 12; Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 42.

²Рахматулина Р. III. Объекты авторского права в цифровом пространстве и формы их выражения // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет. 2018. № 1. С. 77.

³Атанасов С. Объекты интеллектуальной собственности в цифровой форме // Библиотека интернет-индустрии I2R.ru. URL: https://i2r.ru/static/504/out_23440.shtml (дата обращения: 07.06.2025).

⁴Рожкова М. А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 6.

⁵Коляса В. С. Авторское право и цифровизация в Российской Федерации – актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 171.

А. Карцхия пришел к выводу о том, что процесс цифровизации привносит в повседневную жизнь государства и общества новый механизм воздействия – цифровой императив¹. Для авторского права это влечет за собой необходимость перехода из материального (аналогового) носителя информации в цифровой, который более удобен в использовании. Например, оцифрованное произведение можно разместить в облачном хранилище информации, что будет надежной гарантией подтверждения авторского права на произведение при возникновении спора об авторстве.

По мнению Е. А. Кирилловой и соавторов, «цифровые объекты – это самостоятельная правовая категория, представляющая собой криптографический код, который дает владельцу цифрового объекта право осуществлять с ним любые действия – владеть, распоряжаться, отчуждать, совершать сделки и иные действия, не запрещенные законом»². Думается, что предложенное определение «цифровых объектов» как «самостоятельной правовой категории», которая представляет собой «криптографический код», наделяющий владельца квазивещными правами («владеть, распоряжаться, отчуждать»), требует критического осмысления с точки зрения устоявшейся правовой доктрины.

Включение в ст. 128 Гражданского кодекса (ГК) РФ таких имущественных прав, как цифровые права, и введение в действие новой ст. 141.1 ГК РФ, закрепляющей их понятие и признаки, позволили законодателю урегулировать различные отношения, возникающие в условиях стремительной цифровизации гражданского оборота³. В этой связи необходимо четко определить, каким образом предложенное понятие «цифровой объект» соотносится с «цифровыми правами» и объектами интеллектуальных прав (произведениями в цифровой форме). Является ли «цифровой объект» синонимом цифрового права, его носителем или чем-то иным?

¹ Карцхия А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17.

² Кириллова Е. А., Зульфазарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 245.

³ Паценко И. Ю., Потапенко С. В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 36.

Представляется, что сведение «цифрового объекта» исключительно к «криптографическому коду» сужает его потенциальное содержание. Цифровой контент (например, текст или изображение) сам по себе выступает кодом, но не обязательно криптографическим в узком смысле. Данное определение, вероятно, ориентировано на специфические объекты, такие как токены (особенно NFT или утилитарные токены), применительно к которым криптография играет ключевую роль в идентификации и обеспечении оборота. Существующая категория «цифровые права» в ГК РФ классифицируется как *иные* имущественные права, что указывает на их специфику.

Включение в сферу «цифрового права» вопросов безопасности персональных данных и сохранности цифровых активов также корректно отражает комплексность регулирования. М. А. Рожкова рассматривает цифровое право как совокупность правовых норм и институтов, регламентирующих общественные отношения в сфере имплементации и применения цифровых технологий, представляющих собой комплексное (межотраслевое) правовое образование, не обладающее единым методом правового регулирования и включающее в себя нормы, относящиеся к различным отраслям права ¹.

Мы такой подход разделяем, поскольку характеристика «цифрового права» как комплексного (межотраслевого) образования, лишенного единого метода регулирования и включающего в себя нормы различных отраслей права, соответствует преобладающему в современной юриспруденции подходу. Цифровизация пронизывает все сферы общественных отношений, что неизбежно требует комплексного правового ответа, интегрирующего нормы частного и публичного права. Эта позиция адекватно отражает сложность и многогранность регулируемых отношений.

А. В. Кузьмин и Е. А. Коваленко пришли к выводу о том, что цифровое право включает в себя значительный блок норм гражданско-правового характера, регулирующих отношения в цифровой среде. К ним относятся правоотношения,

¹ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_so_otnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 06.06.2025).

возникающие по поводу доступа к цифровым благам (ресурсам, активам, контенту) и их использования, с обязательным учетом режима интеллектуальной собственности, а также отношения в сфере обеспечения безопасности хранения и использования персональных данных и сохранности цифровых активов¹.

Приведенный подход конкретизирует содержание «цифрового права», справедливо указывая на значимость гражданско-правового блока. Принципиально значим тезис о необходимости регулирования доступа и использования цифровых благ (включая контент) «с обязательным учетом режима интеллектуальной собственности». Это указание имеет фундаментальное значение. Оно свидетельствует о том, что развитие регулирования цифровых активов и отношений в цифровой среде не должно происходить в отрыве от прав интеллектуальной собственности. Цифровой контент, будучи объектом авторского или смежных прав, сохраняет свой правовой статус и в цифровой форме. Любые нормы «цифрового права» относительно оборота такого контента должны гармонизировать с нормами авторского права.

Ученые-юристы обоснованно ставят вопрос о незащищенности контента в цифровой среде². Действительно, это отражает одну из наиболее острых проблем современного интеллектуального права. Цифровая среда ввиду своих технологических особенностей (легкости копирования, трансграничности, скорости распространения, сложности контроля) создает беспрецедентные вызовы для традиционных механизмов охраны и защиты авторских и смежных прав. Эта «незащищенность», точнее повышенная уязвимость, служит катализатором для поиска новых правовых и технологических решений.

С учетом констатируемой неадекватности действующих правовых норм и институциональных моделей в цифровой среде

¹ Кузьмин А. В., Коваленко Е. А. К вопросу понимания цифрового права в юридической науке // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2022: сб. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук (Гатчина, 27–28 мая 2022 г.): в 2 т. Т. 1 / ред. О. В. Заборовская, Т. О. Бозиев. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, С. 124–126.

² Гордеева М. А., Новикова А. А. Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3. С. 42.

существует объективная необходимость в разработке нового, специфического правового инструментария для цифрового авторского права. Этот инструментарий должен учитывать уникальные характеристики цифровой среды и обеспечивать баланс интересов авторов, пользователей и общества в целом. Например, А. Н. Орлова предлагает принять специальный нормативный правовой акт федерального уровня, «который бы полностью был посвящен регламентации авторского и смежных с ним прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет»¹.

По мнению Е. В. Гоц и И. А. Близнеца, «цифровая экосистема авторского права и смежных прав должна интегрировать в себя как сервисы, используемые авторами для создания своих произведений, так и цифровые инструменты их публикации»². Идея упомянутых авторов о необходимости интеграции сервисов создания и инструментов публикации произведений в единую «цифровую экосистему» представляется концептуально важной. Она отражает потребность в комплексном подходе к управлению авторскими правами в цифровой среде, включающем в себя жизненный цикл произведения от его замысла до обнародования и последующей защиты.

Таким образом, существуют все основания для того, чтобы констатировать, что в современных условиях в авторском праве происходит трансформация формы из аналоговой в цифровую.

Библиографический список

1. Атанасов С. Объекты интеллектуальной собственности в цифровой форме // Библиотека интернет-индустрии I2R.ru. URL: https://i2r.ru/static/504/out_23440.shtml (дата обращения: 07.06.2025).

2. Болдырев С. И. Авторские права в современном информационно- телекоммуникационном пространстве РФ: гражданско-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2017. 212 с.

¹ Орлова А. Н. Охрана авторских и смежных прав в интернете: организационно-правовой аспект // Цивилист. 2024. № 1. С. 55.

² Гоц Е. В., Близнец И. А. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 10. С. 25.

3. Гаврилов Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. 224 с.

4. Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Н. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. С. 15–28.

5. Гордеева М. А., Новикова А. А. Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3. С. 42–51.

6. Гоц Е. В., Близнец И. А. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 10. С. 25–30.

7. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

8. Иноземцев М. И. Цифровое право: в поисках определенности // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 1. С. 8–28.

9. Карцхия А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17–26.

10. Кириллова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 245–256.

11. Кобыляцкий Д. А. Правовая охрана произведений в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 196 с.

12. Коляса В. С. Авторское право и цифровизация в Российской Федерации – актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 171–175.

13. Кузьмин А. В., Коваленко Е. А. К вопросу понимания цифрового права в юридической науке // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2022: сб. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф, приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук (Гатчина, 27–28 мая 2022 г.): в 2 т. Т. 1 / ред. О. В. Заборовская, Т. О. Бозиев. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, С. 124–126.

14. Малеева М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

15. Орлова А. Н. Охрана авторских и смежных прав в интернете: организационно-правовой аспект // Цивилист. 2024. № 1. С. 55–61.

16. Пашенко И. Ю., Потапенко С. В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 36–45.

17. Позднякова Е. А. Авторское право: учеб. и практикум для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 238 с.

18. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / А. В. Минбалеес, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова [и др.]. Саратов: Амирит, 2022. 338 с.

19. Пушков А. М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 38–41.

20. Рахматулина Р. Ш. Объекты авторского права в цифровом пространстве и формы их выражения // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет. 2018. № 1. С. 77–82.

21. Рожкова М. А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 5–11.

22. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_im_uschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 06.06.2025).

23. Тумаков А. В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // Гражданское право. 2024. № 6. С. 9–12.

24. Федотов М. А. Введение в концепт Общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. 2019. Т. 35. № 4. С. 48–60.

25. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография. М.: Статут, 2022. 256 с.

26. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеес, Р. В. Амелин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2020. 340 с.

27. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М.: Проспект, 2022. 464 с.

УДК 351.75
ББК 67.408

М. С. Савченко

заведующий кафедрой государственного
и международного права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
savchenkoa@bk.ru

Е. В. Кириченко

старший преподаватель кафедры государственного и
международного права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина
Россия, г. Краснодар
lbcs@yandex.ru

М. И. Макотер

студент юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина
Россия, г. Краснодар
mmakoter@yandex.ru

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ
МАТЕРИАЛОВ С ПОМОЩЬЮ ПРИЛОЖЕНИЙ НА ОСНОВЕ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**COUNTERING THE CREATION OF EXTREMIST
MATERIALS USING APPLICATIONS BASED ON
ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

В статье раскрыта проблема противодействия созданию экстремистских материалов при помощи так называемых генеративных нейросетей. Обоснована актуальность этой проблемы, приведены статистические данные, примеры правонарушений и возникших угроз для молодежи. Указаны недостатки действующего правового регулирования, охарактеризован зарубежный опыт. Авторы предлагают внести

изменения в законодательство о противодействии экстремизму, направленные на борьбу с созданием экстремистских материалов с помощью приложений на основе искусственного интеллекта и на предотвращение их распространения в молодежной среде. Сделан вывод о целесообразности закрепления обязательной маркировки искусственно сгенерированного контента и разработки механизма уведомления производителей генеративных нейросетей о необходимости дополнять, оперативно совершенствовать фильтры, ограничивающие создание материалов экстремистского характера.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, молодежная среда, нейронные сети, экстремистские материалы, сеть Интернет, защита молодежи, искусственный интеллект.

The article addresses the problem of countering the creation of extremist materials using so-called generative neural networks. It substantiates the relevance of this problem, provides statistical data, examples of offenses, and emerging threats to youth. The shortcomings of current legal regulation are identified, and foreign experience is characterized. The authors propose amendments to anti-extremism legislation aimed at combating the creation of extremist materials using artificial intelligence applications and preventing their dissemination among youth. The conclusion is made about the advisability of introducing mandatory labeling of artificially generated content and developing a mechanism to notify generative neural network developers about the need to supplement and promptly improve filters that restrict the creation of extremist materials.

Keywords: extremism, countering extremism, youth environment, neural networks, extremist materials, Internet, youth protection, artificial intelligence.

Тема генерации контента при помощи специально предназначенных для этого нейронных сетей становится все более актуальной. По данным компании «Яндекс», интерес к нейросетям за последние три года возрос более

чем в 15 раз¹. На основе результатов других онлайн-опросов можно заключить, что более 88 % респондентов из представителей молодежи 18–25 лет использовали нейросети хотя бы раз и 61 % используют их регулярно, в том числе для создания новых материалов, как текстов, так и изображений или видео².

Вместе с тем даже среди опрошенных, которые самостоятельно и активно пользуются нейросетями для личных или рабочих целей, существует запрос на расширение правового регулирования их работы. Половина опрошенных поддерживает введение законопроектов, ограничивающих использование нейросетей в отдельных сферах, больше трети – сторонники ограничений развития технологий искусственного интеллекта. Это связано с тем, что некоторые видят в искусственном интеллекте конкурента за рабочие места, другие негативно оценивают влияние на процесс обучения школьников и студентов, что также вызывает опасения и потенциал использования генеративных нейросетей для массового создания контента экстремистской направленности.

Создание экстремистского контента при помощи нейронных сетей видится актуальной угрозой общественной безопасности. Еще в 2023 г. компания ActiveFence, специализирующаяся на защите пользователей от вредоносного контента в интернете, опубликовала отчет об угрозах связанных с генеративным искусственным интеллектом, делая акцент на многочисленных случаях создания при помощи нейросетей вредоносного контента, подстрекающего к насилию или пропагандирующего расизм, национализм, религиозную и культурную нетерпимость³.

В качестве одного из самых ярких примеров можно привести случай распространения созданного при помощи

¹ Яндекс. Использование генеративного ИИ в России (июнь 2024 года) // ICT.Moscow. URL: <https://ict.moscow/analytics/ispolzovanie-generativnogo-ii-v-rossii-iюн-2024-goda/> (дата обращения: 15.05.2025).

² 56 % зумеров использует нейросети в учебе // Анкетолог. 2025. 14 апреля. URL: <https://iom.anketolog.ru/2025/04/11/zumery-i-nejroseti> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Generative AI is the new attack vector for platforms, according to ActiveFence threat intelligence // ActiveFence. May 18. 2023. URL: <https://www.activefence.com/generative-ai-is-the-new-attack-vector-for-platforms-according-to-activefence-threat-intelligence> (дата обращения: 15.05.2025).

искусственного интеллекта аудиофайла, имитирующего речь известного британского репортера, в котором содержались инструкция по приобретению оружия и призывы к вооруженному восстанию против действующей власти. В последнем отчете этой же организации, составленном 13 мая 2025 г., упоминаются целые медиаподразделения, созданные в различных организациях, признанных запрещенными в Российской Федерации (РФ). Деятельность таких медиаподразделений направлена на использование генеративных нейросетей для создания материалов, призванных завербовать этим организациям новых сторонников, разжечь вражду и ненависть к отдельным этническим и религиозным группам, а также к государственным институтам. Упоминается даже Руководство по использованию искусственного интеллекта, выпущенное на английском и арабском языках, содержащее в себе учебный и идеологический материал, разъясняющий методы использования нейронных сетей для создания экстремистских текстов, изображений и видеоматериалов¹. Российские эксперты обращают внимание на возникновение «высокотехнологичного» экстремизма, опирающегося на последние научные достижения и самые современные методы²³.

Угрозы, связанные с использованием возможностей искусственного интеллекта экстремистами и террористами, не исчерпываются необходимостью борьбы с резко возросшим потоком пропагандистского контента. Существующие в распространенных и популярных среди пользователей нейросетях механизмы недопущения создания потенциально опасной информации имеют ряд недостатков, и недобросовестные пользователи, эксплуатируя найденные уязвимости, могут получить доступ к данным и сведениям, которые затем будут ими использованы в противозаконных целях. Речь идет не только о

¹ Marzuk A., Green R. AI through the lens of ISIS: A terrorist organization's guide to AI tools // ActiveFence. May 13. 2025. URL: <https://www.activefence.com/blog/isis-genai-abuse-guide> (дата обращения: 15.05.2025).

² Бычков В. В., Прорвич В. А. Научные основы государственной программы борьбы с киберэкстремизмом. М.: Альпен-принт, 2024. С. 19.

³ Гедгафов М. М. Меры противодействия кибертеррористическим угрозам в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 114.

несанкционированном доступе к банковской или медицинской тайне, но и сведениях, которые особенно опасны в руках радикально настроенных потенциальных преступников. Так, согласно экспериментам, проведенным группой пользователей и верифицированными научными сотрудниками Университета Кентукки, при правильно составленных запросах популярная в мире генеративная нейронная сеть ChatGPT предоставит пользователю точные инструкции по созданию самодельных взрывных устройств из минеральных удобрений и других компонентов, которые могут быть приобретены в обычных магазинах без специальных разрешений и другого контроля¹. Могут возникать сложности и в связи с отрегулированной выдачей искусственным интеллектом информации. В частности, российские пользователи популярных нейросетей нередко сталкиваются с тем, что ответы на их запросы могут содержать информацию, противоречащую законодательству РФ, но являющуюся официальной позицией государств, в которых нейросети разработаны. Например, речь может идти о государственной принадлежности отдельных территорий или правового статуса конкретных лиц и субъектов. Отсутствие эффективного механизма взаимного признания и исполнения судебных решений между Россией и странами, с которыми связаны нейросети, также усложняет ситуацию². Глава Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В. Фадеев утверждает, что такая информация получается отцензурированной и противоречит духу ст. 29 Конституции РФ³. Иностранные интернет-платформы используют нейросетевые алгоритмы для осуществления цензуры в отношении российских юридических лиц, и у этой проблемы до

¹ *Franceschi-Bicchierai L.* Hacker tricks ChatGPT into giving out detailed instructions for making homemade bombs // TechCrunch. September 12. 2024. URL: <https://techcrunch.com/2024/09/12/hacker-tricks-chatgpt-into-giving-out-detailed-instructions-for-making-homemade-bombs/> (дата обращения: 15.05.2025).

² *Юткевич Е. А.* Роль признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации // Еромен. Global. 2023. № 43. С. 180.

³ *Емельяненко В.* СПЧ: Нейросети через фильтр дают пользователям цензурированную информацию // Российская газета. 2025. 8 апреля.

сих пор нет выработанного эффективного механизма противодействия¹.

В России основным нормативным правовым актом, направленным на защиту граждан и общества от экстремизма, принято считать Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»². Данный закон преимущественно сосредоточен на противодействии распространению экстремистских материалов, в нем немного внимания уделено механизмам, призванным препятствовать их созданию. Его положения дополнены Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации, которая и определяет направления противодействия в области государственной информационной политики, включающие в себя противодействие в сети Интернет, мониторинг СМИ и разработку автоматизированных программных комплексов, позволяющих выявлять противоправный контент³.

Административная ответственность за производство экстремистских материалов предусмотрена ст. 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁴. Ответственность наступает, если материалы производились именно с целью их массового распространения. Ряд других предусмотренных указанным Кодексом составов, также подразумевает публичность использования СМИ или другие условия, связанные именно с распространением информации. Таким образом, например, автор нейронной сети, сознательно созданной для генерации экстремистских материалов, не подпадает даже под административную ответственность, пока не будет доказано, что подразумевалось дальнейшее массовое распространение

¹ Дискан Е. И. Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 596.

² О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

сгенерированных материалов. Неоднозначная ситуация складывается и вокруг ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» Уголовного кодекса РФ¹. Часть 3 этой статьи предусматривает уголовную ответственность за пособничество в совершении террористического акта, захвата заложников организованной группой, организации незаконного вооруженного формирования. УК РФ разъясняет, что под пособничеством понимается в том числе умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации. Авторы программных продуктов, основанных на технологиях искусственного интеллекта, которые не собирались оказывать содействие экстремистам и террористам при разработке своих программ, выведены в итоге из-под действия этой статьи в связи с отсутствием умысла, даже если их продукт оказался эффективен именно в руках экстремистов. Это логично и соответствует принципам уголовного права. Но возникает вопрос об ответственности авторов или лиц, поддерживающих функционирование такого программного продукта, например генеративной нейронной сети, создающей изображения экстремистского характера по запросам злоумышленников, если продукт уже работает и им стало достоверно известно о таком его использовании. Еще один вопрос связан с тем, можно ли считать создание алгоритма, предоставляющего информацию, дающего указания и советы, действием, попадающим под определение «содействие советами, указаниями, предоставлением информации».

Проблемой, связанной с привлечением к ответственности, видится то, что в России к уголовной ответственности могут быть привлечены только физические лица, а продукты, основанные на искусственном интеллекте, – это зачастую результат работы больших корпораций или групп энтузиастов. Поэтому установить, какие именно лица отвечали за функционал, который приводит к распространению экстремистских материалов, практически невозможно, а привлекать к ответственности весь коллектив недопустимо.

Прямые блокировки популярных нейросетей, если в их ответах на запросы пользователей будут содержаться экстремистские материалы, представляются путем

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

нецелесообразным и неэффективным. Новые программные продукты на основе искусственного интеллекта появляются постоянно, как и новые методы преодоления ограничения доступа к какой-либо информации в сети Интернет.

Рассмотрим зарубежный опыт. В Китайской Народной Республике (КНР) действует «Закон о сетевой безопасности»¹, на основе которого разработаны правила использования генеративного искусственного интеллекта, включающие в себя, в том числе, требования по маркировке любых материалов, созданных нейросетями. Сознательное удаление такой маркировки перед распространением материалов влечет за собой привлечение к ответственности². В Евросоюзе действует «Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте»³, принятый в марте 2024 г. Он классифицирует все приложения, созданные на основе искусственного интеллекта, подразделяя их на приложения с недопустимой степенью риска, которые должны быть запрещены, приложения с высокой степенью риска, которые должны находиться под государственным контролем, и все остальные приложения, которые ограничены только добровольными кодексами поведения, самостоятельно принимаемыми разработчиками. Существует и ряд международных актов, таких, например, как Декларация Блетчли по безопасному применению искусственного интеллекта, которые могут быть внедрены в российскую правовую систему при согласовании их с целями национальной стратегии развития искусственного интеллекта⁴.

¹ О кибербезопасности: закон Китайской Народной Республики (принят на 24-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва 7 ноября 2016 г.) (на кит. языке) // Портал Центрального народного правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm (дата обращения: 15.05.2025).

² Администрация киберпространства Китая и три других ведомства выпустили «Положения об администрировании глубокого синтеза информационных интернет-услуг» (на кит. языке) // Администрация киберпространства Китая. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm (дата обращения: 15.05.2025).

³ The act texts // EU Artificial Intelligence Act. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Камышанский В. П. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Власть Закона. 2020. № 1 (41). С. 14; Ткаченко С. Д., Юткевич Е. А.

Вместе с тем искусственный интеллект может быть использован и для противодействия распространению информации в сети Интернет. Это, например, возможность создания чат-ботов с привычным для молодежи интерфейсом, которые будут оперативно предоставлять информацию для людей, столкнувшихся с экстремистскими материалами в Сети, оказывать им поддержку¹. Основной способ использовать нейронные сети – это выявление экстремистских материалов. Специально подготовленная нейросеть, обученная на грамотно подобранных данных, способна анализировать огромные объемы информации, указывая на потенциально опасную. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций уже использует систему «Окулус», предназначенную для анализа графических изображений и «Веппр», адаптированную для работы с текстом². Современные алгоритмы могут определить тональность текста, опираясь на то, что похожие слова и выражения используют в похожих контекстах³. Кроме того, потенциально искусственный интеллект может быть применен и для подтверждения подлинности материалов или определения их первоисточника, что может иметь существенное значение для поиска не только распространителей экстремистских материалов, но и их изготовителей⁴.

Роль международного договора в Российской правовой системе // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2024. С. 221.

¹ Баранов В. В. Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 253.

² Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 122.

³ Березина О. Б. Искусственный интеллект и противодействие экстремизму // Актуальные вопросы образования. 2023. № 3. С. 214.

⁴ Черкесов А. Ю. Искусственный интеллект в противодействии террористическим угрозам в глобальном информационном пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 168.

Молодежь – наиболее уязвимая социальная группа к угрозам, создаваемым возможностями генеративных нейросетей. В первую очередь это связано с тем, что именно молодые люди активно их используют и проводят значительное количество времени в сети Интернет, в которой все больше сгенерированного контента. Во вторую, с тем, что молодежь легче радикализируется, острее воспринимает экстремистские послы, чаще переходит к действиям, создавая прямую угрозу себе и обществу. Для обеспечения безопасности российской молодежи в современных условиях представляется целесообразным внести изменения в действующее законодательство, адаптировав его к новым угрозам.

Таким образом, с учетом характера возникших угроз, зарубежного опыта и сложившейся практики можно предложить несколько рекомендаций по усовершенствованию правового регулирования искусственного интеллекта. Следует закрепить обязательную маркировку искусственно сгенерированного контента цифровым способом и установить административную ответственность за устранение этой маркировки. Целесообразно разработать механизм уведомления производителей генеративных нейросетей о необходимости дополнять и оперативно совершенствовать фильтры, ограничивающие создание материалов экстремистского характера, включающие в себя сроки, в течение которых должны быть внесены соответствующие изменения и формат отчета об их внесении. Аналогичные механизмы сегодня в России регулируют ответы поисковых онлайн-сервисов, ограничивая выдачу пользователям информации, нарушающей законодательство. Необходимо обязать компании, выпускающие программные продукты, основанные на использовании искусственного интеллекта, указывать ответственного за работу фильтров и ограничений, регулирующего процесс обучения нейронных сетей. Следует прямо закрепить, что создание программных продуктов на основе искусственного интеллекта, предназначенных для получения сведений и информации специально в целях осуществления террористической деятельности, является уголовно наказуемым деянием.

Правовое регулирование новых сфер общественных отношений в условиях, если требуется устанавливать запреты и ограничения, всегда нуждается в сохранении баланса между свободой и безопасностью. Особенно в случае, если эти

отношения преимущественно входят в сферу интересов социально активных молодых граждан страны. Поэтому требуется, с одной стороны, оперативно реагировать на возникшую угрозу, с другой – действовать не путем установления запретов и ограничений, а дополняя механизмы контроля и ответственности, чтобы, не ограничив в возможностях добросовестных пользователей новых технологий, не допустить возможности их безнаказанного применения в противоправных целях.

Библиографический список

1. Баранов В. В. Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 252–255.
2. Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128.
3. Березина О. Б. Искусственный интеллект и противодействие экстремизму // Актуальные вопросы образования. 2023. № 3. С. 212–215.
4. Бычков В. В., Петрович В. А. Научные основы государственной программы борьбы с киберэкстремизмом. М.: Альпен-принт, 2024. 572 с.
5. Гедгафов М. М. Меры противодействия кибертеррористическим угрозам в условиях глобализации информационного пространства // Проблемы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 112–115.
6. Дискин Е. И. Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 584–603.
7. Емельяненко В. СПЧ: Нейросети через фильтр дают пользователям цензурированную информацию // Российская газета. 2025. 8 апреля.
8. Камышанский В. П. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Власть Закона. 2020. № 1 (41). С. 13–17.

9. Ткаченко С. Д., Юткевич Е. А. Роль международного договора в Российской правовой системе // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2024. С. 216–222.

10. Черкесов А. Ю. Искусственный интеллект в противодействии террористическим угрозам в глобальном информационном пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 166–170.

11. Юткевич Е. А. Роль признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации // Еромен. Global. 2023. № 43. С. 177–183.

12. Generative AI is the new attack vector for platforms, according to ActiveFence threat intelligence // ActiveFence. May 18. 2023. URL: <https://www.activefence.com/generative-ai-is-the-new-attack-vector-for-platforms-according-to-activefence-threat-intelligence> (дата обращения: 15.05.2025).

13. Marzuk A., Green R. AI through the lens of ISIS: A terrorist organization's guide to AI tools // ActiveFence. May 13. 2025. URL: <https://www.activefence.com/blog/isis-genai-abuse-guide> (дата обращения: 15.05.2025).

14. Franceschi-Bicchierai L. Hacker tricks ChatGPT into giving out detailed instructions for making homemade bombs // TechCrunch. September 12. 2024. URL: <https://techcrunch.com/2024/09/12/hacker-tricks-chatgpt-into-giving-out-detailed-instructions-for-making-homemade-bombs/> (дата обращения: 15.05.2025).

**УДК 343.03
ББК 67.07**

М. В. Гуркина
соискатель кафедры
гражданского права и процесса
факультета экономики
управления и права
Ростовского государственного
университета
путей сообщения
Россия, г. Ростов-на-Дону
g.maria.v@mail.ru

В. К. Цечоев
профессор кафедры
гражданского права и процесса
факультета экономики
управления и права
Ростовского государственного
университета
путей сообщения
Россия, г. Ростов-на-Дону
cechvk53@mail.ru

**О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**ON THE LEGAL NATURE OF OFFENCES
COMMITTED ON THE INTERNET**

В статье проведен анализ юридической сущности правонарушений, совершаемых в сети Интернет. Раскрыто понятие исследуемых правонарушений, выявлены их отличительные признаки. Представлены новые подходы к классификации этих правонарушений, которые, согласно авторской позиции, постоянно видоизменяются и носят комплексный характер, что порождает проблемы с их пресечением. Освещена также проблема установления

юридической процедуры выявления правонарушения в сети Интернет и государственного реагирования на него. Представлен авторский анализ причин возникновения правонарушений в цифровой среде, охарактеризована юридическая процедура совершаемых из них чаще всего. Авторы приходят к выводам о необходимости трансформации правового регулирования в условиях стремительно развивающихся цифровых технологий и увеличения темпов роста совершаемых правонарушений, поскольку существующие правовые инструменты борьбы с ними недостаточно эффективны. Выделены такие явления, как анонимность пользователей и доступность сетей в качестве главных причин роста правонарушений, создающих препятствия для эффективной защиты прав и интересов граждан, стабильного развития российского общества и правовой системы.

Ключевые слова: сеть Интернет, цифровое пространство, пользователи, общественные отношения, правовое регулирование, правонарушения, ответственность, юридическая процедура.

The article analyzes the legal nature of offenses committed on the Internet. The concept of the studied offenses is revealed, and their distinctive features are identified. New approaches to the classification of these offenses are presented, which, according to the author's position, are constantly evolving and have a complex nature, creating problems with their suppression. The problem of establishing a legal procedure for detecting offenses on the Internet and the state's response to them is also highlighted. The author provides an analysis of the causes of offenses in the digital environment and characterizes the legal procedures most commonly associated with them. The authors conclude that there is a need to transform legal regulation in the context of rapidly developing digital technologies and the increasing rate of offenses, as existing legal tools to combat them are insufficiently effective. Such phenomena as user anonymity and network accessibility are identified as the main causes of the increase in offenses, creating obstacles to the effective protection of the rights and interests of citizens, as well as the stable development of Russian society and the legal system.

Keywords: Internet, digital space, users, public relations, legal regulation, offenses, responsibility, legal procedure.

Возрастающее влияние цифровых технологий на развитие современного российского общества несет в себе как положительные аспекты (улучшение государственного управления¹, экономических процессов² и др.), так и негативные (киберриски³, киберпреступность⁴ и др.). В настоящее время каждое третье преступление совершено в информационно-коммуникационной сфере или с применением соответствующих технологий.

Согласно статистическим данным, за последние пять лет наблюдается рост зарегистрированных киберпреступлений (с 294,4 тыс. в 2019 г. до 677 тыс. в 2023 г.)⁵. Противоправные действия в сети Интернет представляют угрозу для современного общества, поскольку активное использование интернет-ресурсов членами российского общества видоизменило закрепленные в законодательстве правонарушения, что, в свою очередь, закономерно породило проблемы, связанные с установлением ответственности и мер государственного реагирования. О необходимости внесения изменений в действующее российское законодательство ученые писали неоднократно. Но мы считаем, что для успешной борьбы государства с правонарушениями, совершаемыми в сети Интернет, прежде всего следует определить их юридическую сущность. Перечисленные обстоятельства подтверждают актуальность исследования. Этим обусловлена его цель – выявить и раскрыть сущность правонарушений, совершаемых в сети Интернет. Таким образом, новизна и практическая значимость настоящего исследования заключается

¹ Пасмурцева Н. Н., Дурандина О. А. Эффективность государственного управления и деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой экономики: современные подходы и показатели // *Kant*. 2022. № 3 (44). С. 56.

² Ушакова Е. В., Воронина Е. В., Фугалевич Е. В., Михайлова М. В. Цифровизация экономики как тенденция развития России // *Экономика и управление*. 2021. № 3 (185). С. 178; Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2021. № 1. С. 12; Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // *Власть Закона*. 2019. № 1 (37). С. 14; Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2019. № 4. С. 13.

³ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // *Управленческое консультирование*. 2023. № 7 (175). С. 32.

⁴ Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // *Вестник ННГУ*. 2022. № 4. С. 108.

⁵ Кузьмин В. Доля цифровых преступлений в России выросла за пять лет до 34,8 % // *Российская газета*. 2025. 9 января.

в анализе правонарушений в сети Интернет с точки зрения их юридической сущности.

Правонарушение, совершаемое в сети Интернет, можно определить как общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное в виртуальной среде, противоречащее нормам права, регулирующим поведение пользователей в сети Интернет, и наносящее вред обществу, государству или отдельным лицам, влекущее за собой юридическую ответственность. В целом нами дано классическое определение, но дополнены существенные признаки, которые отражают специфику этого явления: «совершенное в виртуальной среде» и «противоречащее нормам права, регулирующим поведение пользователей в сети Интернет».

Несмотря на закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (РФ) такого нового объекта гражданских прав, как цифровые права, российское законодательство нуждается в дальнейшей модернизации ввиду социальных изменений, вызванных влиянием сети Интернет. В этой связи следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что «закрепление такого объекта гражданского права обусловлено необходимостью подготовить ГК РФ к последующему принятию законов о цифровых финансовых активах (например, криптовалюте и токенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки)»¹.

Среди наиболее распространенных противоправных действий, совершаемых на интернет-ресурсах, можно выделить следующие: различные схемы мошенничества, распространение вредоносных программ, хакерские атаки, кибербуллинг, нарушение авторских прав, нарушения политики конфиденциальности, продажа запрещенных законодательством товаров. Особую опасность представляют правонарушения, совершенные в отношении социально уязвимых групп населения. В итоге возрастает роль реализации государством основных функций. Поэтому стоит согласиться с мнением В. К. Цечоева и А. Р. Швандерова о том, что «рост преступности заставляет государство своевременно предпринимать серьезные практические действия по усилению борьбы с ней, выявлению и

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. С. 173.

устранению причин и условий, которые ее порождают»¹. Правонарушения, совершаемые в сети Интернет, возможно классифицировать по различным общепринятым в юридической науке и практике основаниям. Так, в Будапештской конвенции по борьбе с киберпреступностью указана следующая классификация правонарушений²:

1. Преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем.

2. Правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств.

3. Правонарушения, связанные с содержанием данных.

4. Правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Стремительное распространение цифровых технологий и сети Интернет, как одной из их разновидностей, трансформирует общественные отношения. С учетом данного факта следует признать, что указанная в Будапештской конвенции по борьбе с киберпреступностью классификация правонарушений нуждается в дополнении, поскольку не в полной мере отражает современное состояние. Именно поэтому в последнее время появляются новые подходы к классификации рассматриваемых правонарушений. Например, классификация в зависимости от субъектов совершения правонарушений: «совершаемые лицами, имеющими специальные знания в сфере компьютерных наук, техники и информационных технологий, и совершаемые лицами, таких знаний не имеющими»³.

Прежде всего обратим внимание на причины возникновения и дальнейшего роста правонарушений в сети Интернет. По нашему мнению, анонимность пользователей является первопричиной, поскольку тайность нахождения на различных площадках Всемирной сети позволяет правонарушителю оставаться неидентифицированным. Как правило, анонимность выражена в использовании псевдонимов и

¹ Цецоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 74.

² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/4089723/#friends> (дата обращения: 28.12.2024).

³ Сысенко А. Р., Горденко А. С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2. С. 229.

уникальных имен. Но с конца XX в. перечень способов сокрытия настоящего имени правонарушителя расширен. Например, появился специальный сервер под названием «Ремейлер». Его назначение – отправка электронных сообщений, в результате которой информация об отправителе текста не доходит до получателя сообщения. В начале XXI в. появляются программные методы для обеспечения анонимности в сети Интернет, которые применяют и сегодня. К их числу можно отнести «Чесночную маршрутизацию», прокси-серверы и различные сетевые протоколы.

К следующей, не менее значимой причине возникновения правонарушений в сети Интернет целесообразно отнести низкую стоимость использования сетей различного характера (мобильный интернет, Wi-Fi). Общественные сети представляют большую опасность, поскольку могут быть как защищенными, так и незащищенными. При подключении к незащищенной сети возникает ряд рисков. К ним можно отнести получение информации о пользователе сети, в том числе его персональные данные, истории запросов и различные пароли. Существуют и специальные программы «снифферы», с помощью которых злоумышленники получают доступ к информации через исходящий трафик соединения с интернетом. Общедоступность сетей несет за собой риск незащищенности, что необходимо учитывать каждому пользователю. Одна из характеристик сети Интернет – высокоскоростное подключение и быстрое распространение информации, что влечет риск, выраженный в оперативности проводимых противоправных действий. Насчитывается много информационных ресурсов, не поддающихся контролю¹. Кроме того, достоверность сведений зачастую проверить не представляется возможным. Всемирная сеть охватывает широкий круг пользователей, что позволяет обмениваться информацией, несмотря на время и территориальные границы между пользователями. Таким образом, ключевые характеристики сети Интернет несут не только позитивные последствия для пользователей, но и создают

¹ Шобей А. Г., Григорьев К. Е., Чернова П. А. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 190.

благоприятные условия для развития правонарушений различного характера и масштаба.

Для выяснения правонарушений, возникающих в сети Интернет, попытаемся раскрыть вопрос о правовом регулировании общественных отношений в рассматриваемой области. В настоящее время этому вопросу посвящено немало научных работ. Исследователи анализируют государственную политику по урегулированию общественных отношений в информационной среде¹, представляют развернутую характеристику о способах правового регулирования², систематизируют знания в отдельных учебниках³. По итогам их анализа и обобщения приходим к выводу о том, что среди основных обстоятельств, вызывающих проблемы правового регулирования общественных отношений в сети Интернет, можно выделить следующие:

1. Отсутствие отдельного нормативно-правового акта.
2. Расхождение в способах и средствах защиты различного рода информации.
3. Значимая латентность правонарушений в рассматриваемой сфере жизни общества, стимулирующая правонарушителей на совершение новых неправомерных поступков.
4. Множественность способов и средств совершения неправомерных поступков.
5. Проблемы в доказывании вины совершенного деяния, вызванные специфическими качествами функционирования сети Интернет.

Переходя к анализу юридической сущности правонарушений, возникающих в сети Интернет, укажем, что в настоящее время на законодательном уровне отсутствует стабильная юридическая процедура, учитывающая специфику рассматриваемых общественных отношений⁴. Следует

¹ Лапина М. А., Николаенко В. С. Информационная функция государства в сети Интернет // Информационное право. 2013. № 4. С. 13.

² Талалпина Э. В. О возможностях правового регулирования Интернета // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). С. 64.

³ Бачило И. А. Информационное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 312.

⁴ Жуков А. З. Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 282.

констатировать, что сегодня отсутствуют эффективные юридические средства пресечения противоправных поступков. В основную группу правонарушений в сети Интернет входят некоторые категории. Так, при распространении незаконных сведений экстремистского содержания возникают проблемы не только в фиксировании факта противоправного деяния, но и в представлении его с помощью материального носителя уполномоченным органам. По-прежнему актуальна тема распространения наркотических средств и психотропных веществ. Как правило, с помощью сети Интернет злоумышленники пропагандируют и рекламируют средства и вещества среди одной из социально уязвимых слоев населения – подростков.

Сложности юридической процедуры состоят в использовании специальных мессенджеров при общении продавца с потенциальным покупателем, обеспечивающих быстрое общение и отсутствие доказательств такого общения. Ввиду этого в 2016 г. внесены изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» относительно сроков хранения сообщений различного формата (текстовых, графических, голосовых, иных).

На современном этапе также наиболее распространены нарушения авторских прав в сети Интернет. Не существует различий в использовании объектов авторского права в зависимости от его формы выражения (материальной или виртуальной)¹. При нарушении прав автора в цифровой среде существуют различные способы определения виновного лица. Юридическая процедура состоит в обращении автора к провайдеру с целью удаления информации². На основании судебного решения о признании незаконного доступа у провайдера возникает прямая обязанность ограничить использование доступа или заблокировать его.

Подвод итог, укажем, что стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий требует особого внимания с точки зрения государственного урегулирования

¹ Гайсин Ф. Ф. Проблема нарушения авторских прав в сети Интернет // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 2 (10). С. 52.

² Бойченко О. В., Смирнова О. Ю. Правовые аспекты существования интеллектуальной собственности в сети Интернет // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 1 (74). С. 74.

общественных отношений. Трудности, связанные с правовым регулированием общественных отношений в сети Интернет, вызывают рост правонарушений, которые приобретают новые формы и тем самым выступают как угроза для стабильного и безопасного развития общества и государства. Проблемы, с которыми сталкиваются уполномоченные органы при собирании доказательственной базы вины злоумышленника, различны, в зависимости от объекта посягательства. Это, в свою очередь, требует выработки грамотной государственной политики, специальных способов и средств раскрытия и дальнейшего предупреждения совершения правонарушений, учитывая продолжающееся развитие технологий и изменение способов взаимодействия людей в цифровом пространстве. Сегодня возникла необходимость в адаптации правовых норм и создании дополнительных механизмов регулирования общественных отношений в интернет-пространстве.

Библиографический список

1. Бачило И. А. Информационное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 419 с.
 2. Бойченко О. В., Смирнова О. Ю. Правовые аспекты существования интеллектуальной собственности в сети Интернет // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 1 (74). С. 70–80.
 3. Гайсин Ф. Ф. Проблема нарушения авторских прав в сети Интернет // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 2 (10). С. 50–53.
 4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с.
 5. Жуков А. З. Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 282–285.
 6. Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // Власть Закона. 2021. № 1. С. 12–19.
 7. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–18.
-

8. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.

9. Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Вестник ННГУ. 2022. № 4. С. 106–114.

10. Кузьмин В. Доля цифровых преступлений в России выросла за пять лет до 34,8 % // Российская газета. 2025. 9 января.

11. Лапина М. А., Николаенко В. С. Информационная функция государства в сети Интернет // Информационное право. 2013. № 4. С. 11–15.

12. Пасмурцева Н. Н., Дурандина О. А. Эффективность государственного управления и деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой экономики: современные подходы и показатели // Kant. 2022. № 3 (44). С. 54–61.

13. Сысенко А. Р., Горденко А. С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2. С. 229–236.

14. Талапина Э. В. О возможностях правового регулирования Интернета // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). С. 57–75.

15. Ушакова Е. В., Воронина Е. В., Фугалевич Е. В., Михайлова М. В. Цифровизация экономики как тенденция развития России // Экономика и управление. 2021. № 3 (185). С. 175–182.

16. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7 (175). С. 28–41.

17. Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.

18. Шобей Л. Г., Григорьев К. Е., Чернова П. А. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 190–193.

**УДК 34.01
ББК 67.08**

К. А. Чевтаев

специалист по обработке
научной информации 1-й
категории отдела
по организации научной
и редакционно-издательской
деятельности
Российского государственного
университета правосудия
имени В. М. Лебедева
Россия, г. Ростов-на-Дону
overlorrdd@gmail.com

В. К. Цечоев

профессор кафедры
гражданского права и процесса
факультета экономики
управления и права
Ростовского государственного
университета
путей сообщения
Россия, г. Ростов-на-Дону
cechvk53@mail.ru

**ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ЧИСТОГО УЧЕНИЯ О ПРАВЕ Г. КЕЛЬЗЕНА**

**THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM THROUGH THE PRISM
THE PURE DOCTRINE OF LAW BY G. KELSEN**

В статье рассмотрены ключевые положения чистого учения о праве Г. Кельзена с целью выявления их применимости к анализу российской правовой системы. Проведен системный разбор нормативистской концепции, ее философских оснований, отличий от иных позитивистских и естественно-правовых теорий,

а также показано влияние на институциональные и нормативные элементы отечественного правопорядка. Авторы полагают, что нормативизм Г. Кельзена предоставляет ценные инструменты для дескриптивного анализа правопорядка. Вместе с тем утверждается, что, хотя нормативизм расширил позитивистское понимание права, обоснованно включив в категорию нормативной системы судебные прецеденты и даже юридические акты частных лиц, однако при попытке практического применения учения в контексте совершенствования правового регулирования и правоприменения возникает ряд ограничений, связанных с отказом от ценностного анализа и прогностической функции юриспруденции. Сделан вывод о том, что чистое учение о праве видится эффективным как методология описания и интерпретации нормативной структуры действующего права, но требует дополнения в аспекте оценки правовых явлений, их этического измерения и способности к разрешению правовых коллизий.

Ключевые слова: правовая система, система права, чистое учение о праве, нормативизм, позитивизм, юснатурализм, норма, ценности.

The article examines the key provisions of Hans Kelsen's Pure Theory of Law to determine their applicability for analyzing the Russian legal system. It provides a systematic analysis of the normativist concept, its philosophical foundations, distinctions from other positivist and natural law theories, and demonstrates its influence on institutional and normative elements of the domestic legal order. The authors argue that Kelsen's normativism offers valuable tools for the descriptive analysis of legal systems. However, they maintain that while normativism expanded the positivist understanding of law by legitimately including judicial precedents and even private legal acts within the category of normative systems, its practical application faces limitations when improving legal regulation and enforcement. These limitations stem from its rejection of value-based analysis and jurisprudence's predictive function. The conclusion states that the Pure Theory of Law proves effective as a methodology for describing and interpreting the normative structure of existing law but requires supplementation regarding the evaluation of legal phenomena, their ethical dimensions, and capacity for resolving legal conflicts.

Keywords: Pure Theory of Law, normativism, legal positivism, legal system, normative acts, judicial precedents, legal regulation, legal conflicts.

Вопрос о сущности правовой системы России, внутренних закономерностях ее становления и развития, отнесения к определенной классификационной группе (так называемой правовой семье) остается и широко обсуждаемым в юридической литературе, и дискуссионным. С учетом комплексности, многофакторности этого явления иначе быть и не может. Однако для лучшего понимания и усвоения этих закономерностей необходимо вникнуть в суть господствующих теорий, посвященных исследованию и объяснению такого сложного явления, как право.

Традиционно в этой связи выделяют два основных направления: естественно-правовое и позитивистское, или «юснатурализм» и «юспозитивизм» соответственно. Каждое из них ставит перед собой разные задачи и пользуется разными средствами для их выполнения, хотя оба направлены на изучение одного и того же явления.

В контексте анализа отечественной правовой системы, как представляется, важное место занимает чистое учение о праве. Его основоположником считают австрийского правоведа Ганса Кельзена. В доктрине¹ это учение также называют «нормативизмом».

Нормативизм, вооружившись идеями логического позитивизма и неокантианства, предлагает уникальный взгляд на право и его элементы. Данная концепция оказала и по-прежнему оказывает значительное влияние на отечественную юриспруденцию и правовую систему в целом. Это становится очевидным и с учетом содержания Конституции Российской Федерации (РФ), и ввиду наличия, функционирования Конституционного Суда РФ (у истоков института судебного конституционного контроля стоял именно Г. Кельзен²), и при

¹ Полсон С. Нормативизм Ганса Кельзена // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 158.

² Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов Конституционного суда // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 89.

построении позитивных норм по иерархическому принципу, и в связи с многими другими аспектами.

Тем не менее упрощенное понимание нормативизма, сведение его к простому формализму зачастую приводит к распространению в отечественном юридическом сообществе ошибочных и даже вредных воззрений (например, распространенное суждение о недопустимости судебного правотворчества в системах «непрецедентного» права, или несовместимости права и этических ценностей, которые не только не соответствуют чистому учению о праве, но и прямо противоречат ему).

Чтобы провести анализ российской правовой системы с нормативистских позиций, следует в первую очередь охарактеризовать основные положения рассматриваемого учения и оценить их применимость к отечественным реалиям. Главным достижением чистого учения о праве представляется попытка взглянуть на него как на сугубо нормативное явление, без использования методов «каузальных» наук, которые направлены на исследование фактической действительности посредством выявления причинно-следственных связей между реально существующими (бытийными) явлениями. Г. Кельзен противопоставляет таким каузальным естественным и социальным наукам, основанным на принципе причинности, науки нормативные, в частности юриспруденцию и этику¹. Для этого он выделяет принцип вменения² как отличный от принципа причинности, позволяющий описывать не бытийное человеческое поведение в обществе, но должное поведение, определенное позитивными нормами, предусмотренными «человеческими» актами. В этом смысле предметом юриспруденции выступает социум не как физическое явление, но как нормативный порядок поведения людей по отношению друг к другу.

Из такого понимания права в контексте нормативизма удалось сделать ряд важных выводов.

1. Правопорядок состоит из нормативных актов воли/повелений (как правило, государства, но не обязательно), которые обладают не только субъективным, вкладываемым субъектом воления, но и общеобязательным (объективным)

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 114.

² Там же. С. 118.

смыслом. Этим и отличаются от остальных актов воли. Объективность содержания правовых норм проявляется не только в общеобязательности, но и в том, что он не зависит от воли того, кто принял соответствующий акт. Последнее четко прослеживается на примере долговечных законов, которые действуют на протяжении десятков, а то и сотен лет, хотя принимавших их законодателей (непосредственных субъектов воли) давно нет в живых.

2. Основным признаком права признан его принудительный характер¹, то есть применение неблагоприятных последствий за нарушение норм-правил. Принудительный порядок права означает, что нормы устанавливают акты принуждения и содержат санкции за неповиновение. При этом принуждение исходит исключительно от государства, как организации власти, обладающей монополией на легальное насилие.

3. Проведено четкое разделение между реальностью бытийных фактов, которую в науке принято воспринимать как каузально детерминированную, и нормативной реальностью.

Из этого следует понимание норм не как нормативных актов, относящихся к фактической действительности, а как смысла таких актов. Иными словами, норму понимают как идею, нечто, противоположное фактической реальности, находящееся в области долженствования. Соответственно, право охарактеризовано как совокупность таких норм-идей. Однако подобную совокупность или систему нельзя считать идеологией в привычном смысле этого слова. Г. Кельзен отдельно предостерегает² о том, что в контексте его учения называть право идеологией можно только в случае, если иметь в виду ценностную «стерильность» нормативизма и понимать под идеологией не ценностные установки, а указанную систему идей, представляющих собой содержание общеобязательных актов воления.

4. Наука о праве призвана описывать не нормативные акты в их причинной связи с другими фактами реальной действительности (например, то, как и когда принимали законы, в каком составе законодательного органа, при каком количестве проголосовавших против и т. п.), но только смысловое содержание таких актов, то есть норм.

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 138.

5. Из дуализма бытия и долженствования, а также свойственного неокантианцам релятивистского подхода¹, отвергавшего возможность абсолютных ценностей, при изучении правопорядка «как есть», нормативизм выводит тезис о том, что ценности не относятся к содержанию правопорядка и не подлежат анализу правоведением, нацеленным на описание «чистого» права. Право с нормативистской точки зрения не воплощает некую ценность (например, справедливость), если только мы не имеем в виду абсолютной, божественной ценности, научную обоснованность которой Г. Кельзен отвергает, так как научное познание не может допускать трансцендентного, внеопытного содержания своего предмета². Если признать относительность ценностей, даже противоречащих друг другу, их принципиальный плюрализм, то действительность позитивного права не может быть поставлена в зависимость от его соответствия или несоответствия настолько разнообразным этическим представлениям. Иными словами, если бы действительность правопорядка зависела от соответствия этическим нормам, то ни один правопорядок не мог бы считаться действительным, поскольку невозможно соответствовать всем этическим нормам одновременно. В итоге суть изложенного можно передать в максиме: «Никакому позитивному правопорядку не может быть отказано из-за содержания его норм».

6. Необходимо различать содержание норм и их действительность. Первое выражает непосредственное правило, регулирующее поведение человека определенным образом, второе – обязательность подчиняться объективному смыслу нормативного акта, который распространяется на общество в целом.

7. Содержание и действительность норм находятся в иерархичной «ступенчатой» зависимости, одна норма вытекает из другой более общего характера, более высокого уровня. С точки зрения содержания каждая последующая норма выводится из предыдущей путем конкретизации³. В данном случае

¹ Антонов М. В. Осмысление справедливости в учении Ганса Кельзена и его значение для дискуссий в постсоветской теории права // Справедливость в постсоветском правопорядке: понятие, принцип, цель: сб. ст. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 33.

² Там же. С. 486.

³ Котов О. Ю. Указ. соч.

прослеживается свойственная неокантианству идея об универсальных формах правового мышления, которые с течением времени наполняются различным изменчивым содержанием.

8. Содержание и действительность норм невозможно выводить из факторов бытийной реальности, они должны быть определены в сфере должного. В частности, основанием действительности нормы может быть только действительность другой нормы.

Но при этом неизбежно возникает вопрос о том, если действительность каждой из норм обусловлена действительностью нормы более высокого порядка, то какая норма определяет действительность первой нормы, находящейся на вершине этой интеллигибельной пирамиды. Для ответа на поставленный вопрос без привлечения сторонних «ненормативных» факторов, таких, например, как молчаливая воля большинства в обществе, или божественное происхождение власти, Г. Кельзен вводит понятие «основная норма». Такая «грунднорма», в отличие от остальных норм в иерархии, не является позитивно установленной, то есть отраженной в каком-либо наличествующем в реальности акте, но представляет собой трансцендентально-логическое условие нормативного истолкования¹.

Иными словами, ответить на поставленный вопрос без привлечения ненормативных факторов невозможно. Поэтому во избежание смешения сущего с должным необходимо ввести в изучение права умозрительную гипотетическую «предполагаемую» категорию, наподобие переменной в уравнении, которую подставляют для получения решения и которая только подразумевается, но не наличествует в бытии. В этом смысле основная норма призвана решать сугубо эпистемологические задачи, и потому она выполняет не ценностную этическую или политическую функцию, а познавательную².

9. Действительность норм следует отличать от их действенности, то есть эффективности применения на практике, степени использования норм, их соблюдения. Два этих свойства взаимосвязаны: с одной стороны, отсутствие действенности нормы не влечет автоматически ее недействительность, с другой

¹ Там же. С. 250.

² Котов О. Ю. Указ. соч. С. 275.

– длительная действенность каких-либо правил в определенном сообществе и их постоянное применение при наличии иных признаков нормативного порядка может стать условием для действительности соответствующих норм.

В качестве примера Г. Кельзен приводит правила поведения в организованной преступной группе, которые, по его мнению, могут быть признаны действительным правом порядком, если он становится действенным до такой степени, что вытесняет иные принудительные порядки на конкретной ограниченной территории¹. И наоборот, тотальное отсутствие действенности приводит к прекращению действительности правом порядка и возникновению на его месте нового. Это особенно ярко проявляется в ходе революционных событий и смены политических режимов, влекущих полный и основательный демонтаж ранее действовавшей системы норм.

Наглядной иллюстрацией соотношения действительности, основной нормы и действенности, предложенной Г. Кельзеном, служит аналогия с рождением и приемом пищи, как условия жизни. Чтобы правом порядок не прекратил существование, ему нужна пища в виде правоприменения, то есть действительности, но оно не тождественно рождению (установлению в соответствии с основной нормой) и жизни (действительности)².

10. Дихотомия содержания и действительности норм позволяет выделить в праве статический и динамический аспекты, а также соответствующие им статическую и динамическую системы. Первый аспект находит отражение в случае, если не только основание действительности, но и содержание нижестоящих норм выводится из вышестоящих. Второй – если вышестоящие нормы предусматривают лишь основание действительности нижестоящих, то есть содержат некий процедурный формат, описывающий правила создания новых норм более низкого порядка, уполномочивают органы власти или должностных лиц на установление норм, или, как пишет Г. Кельзен, «нормотворческий фактор». При этом динамический и статический элементы зачастую в праве переплетены и взаимозависимы.

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 267.

11. Из предыдущего вывода следует такой признак нормативного порядка, как его самовоспроизведение¹. Новые нормы принимают в порядке, установленном другими нормами, и без соблюдения этого порядка они могут утратить свою действительность. Более того, на каждом этапе применения абстрактных вышестоящих норм через конкретизацию формируются нижестоящие общие и индивидуальные нормы. В итоге, согласно такой круговой модели, право обладает автономностью, не требуя внешних факторов воздействия для создания новых норм.

12. Нормы делят на общие и индивидуальные. Первые адресованы неопределенному кругу лиц, вторые – адресатам (например, участникам судебного дела, сторонам договора). Ярким примером последних служат нормативные смыслы, которые содержатся в судебных решениях. Последние, хотя и ограничены рамками конкретного казуса, но, подобно общим нормам, обладают субъективным и объективным смыслом. Первый – содержание правил, которое вкладывает в норму судья, второй – обязательность исполнения судебного решения после вступления его в силу. Индивидуальные нормы содержатся также в договорах (сделках) частных лиц, если они регулируют поведение сторон, и в случае нарушения допускается применение государством силы принуждения в форме той или иной санкции.

В этом контексте особый интерес представляет отношение нормативизма к судебным решениям. Утверждается², что чаще всего индивидуальная норма судебного акта детерминирована общими нормами, но допустимы случаи, в которых суд не может выявить подходящей общей нормы, и он уполномочен создать индивидуальную норму, не предопределенную общими, содержащимися в законах или обычаях. Тем самым прямо признана допустимость судебного правотворчества, что не свойственно позитивизму, особенно в его радикальных формах. Однако, признавая отсутствие содержательной связи между созданной судом в описанном случае нормой и иными нормами в системе, нормативизм все-таки требует наличия у судьи соответствующих полномочий, установленных общими нормами формального, а не материального права. Иными словами, должны

¹ Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169.

² Антонов М. В. Указ. соч. С. 301.

проследиваться, как минимум, процессуальные связи между общими и вновь созданными судьей индивидуальными нормами. С точки зрения содержания такая «оторванная» от остальной системы норма основана на представлениях судьи о справедливости, из которых он моделирует некую «непозитивированную» общую норму, и ее он мог бы создать, но не создал.

Более того, даже при обусловленности содержания индивидуальной нормы общей позитивной нормой учение признает неизбежность усмотрения суда, описывая общую норму в качестве некой рамки, внутри которой создают нормы индивидуального плана. Примеры подобных «рамочных» норм в законодательстве можно найти повсеместно. Стоит упомянуть, например, принцип добросовестности в гражданском праве. Такая ситуация проистекает из структуры норм, в частности их абстрактного характера, и вытекающей из него неспособности заранее определить все потенциальные детали конкретных казусов.

Еще одним случаем, в котором в полной мере проявляет себя правотворческая функция суда, служит создание им общих норм через прецеденты. Тем самым нормативизм рассматривает систему с прецедентными практиками как одну из возможных моделей, в которой правотворчество не централизовано, а потому максимально гибко для покрытия максимального количества различных случаев, но зато отличается меньшей правовой определенностью, а значит, и большими рисками нарушений принципа равенства перед законом. Другая возможная модель, напротив, отличается большей степенью правовой определенности, но гораздо меньшей гибкостью при разрешении тех или иных спорных случаев. Представляется вполне допустимым смешение этих двух моделей в одном правопорядке.

Итак, чистое учение о праве очевидным образом основано на философском концепте разделения сущего и должного, который красной нитью проходит сквозь философские учения Нового времени, связан с именем шотландского философа Д. Юма (знаменитая гильотина), находит отражение в творчестве многих других выдающихся мыслителей. В частности, Г. Кельзен ссылается на «Кантовую философию»¹ с ее выделением двух

¹ Антонов М. В. Указ. соч. С. 128.

порядков: каузального, объясняющего природную необходимость, и нормативного, относящегося к необходимости долженствования на основе вменения. На этом различии основано деление научных суждений на дескриптивные, описывающие факты объективной действительности, которые подлежат проверке на истинность, и прескриптивные, выражающие отношение к долгу, но не к истине.

В нормативизме сделана попытка применить эту дихотомию при описании права: с одной стороны, как объективно существующего явления, с другой – как сугубо идеального явления, расположенного в плоскости долженствования. Дополнительно характер объективности предмету исследования придает отказ от признания ценностей значимыми при научном описании действительного права.

Однако, как нам представляется, последовательное проведение подобных воззрений в действительности наподобие гильотины чрезмерно упрощает реальность. Чистое учение о праве задумано как попытка ограничить правоведов в их прескриптивных суждениях, признав за правоведением исключительно описательную функцию. В чем-то это стремление напоминает известные философские проблемы демаркации наук о природе и наук о духе, а также свободы от оценок М. Вебера.

Между тем, несмотря на попытку отграничить нормативные науки, в основу учения положены в первую очередь подходы наук о природе, в частности попытка объективизации предмета познания, фокусировка лишь на позитивной стороне бытия. Однако науки о духе обладают своими методами, в первую очередь герменевтикой¹, которая при исключительно дескриптивном характере правоведения утрачивает ведущую роль.

Относительно освобождения от ценностей, несмотря на дискуссионность этого вопроса, нельзя не признать положительный эффект, который оказывает подобный принцип на любую науку. Но этот принцип направлен на освобождение от ценностей не объекта познания, а его субъекта. В этом контексте «освобождать» от ценностей следует не феномен права, но ученых, занимающихся юриспруденцией. Отказ от изучения ценностей как элементов правопорядка приведет только к

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 292–293, С. 383–403.

обнищанию полученных результатов, не дополнив им достоверности.

Попытка создать учение, предметом которого было бы право, независимо от его соответствия или несоответствия этическим ценностям, не означает того, что Г. Кельзен отвергал возможность оценки права на предмет соответствия морально-нравственным воззрениям. Он лишь предложил не путать такую оценку с научным описанием реальности. Последовательное соблюдение принципа Юма при объяснении права приводит к сложностям и необходимости прибегать к логическим допущениям, вроде «основной нормы». Возможно, эта гильотина применима лишь к содержанию нормативного порядка, но не объяснению его обязательности/действительности. Иными словами, понимать этот принцип в контексте позиции о том, что из сущего не следует выводить то, как нужно регулировать отношения (например, несмотря на высокий уровень коррупции в обществе, не стоит ее легализовывать), но не то, почему регулирование обязательно. Представляется, что без сущего, то есть положения дел в обществе, действительность норм, необходимость им подчиняться без умозрительных конструкций не объяснить.

Наконец, нельзя не обратить внимания на тот факт, что чистое учение о праве лишает правоведение функций прогнозирования и решения прикладных задач, в частности правовых проблем на основе интерпретаций. Сугубо дескриптивная функция правоведения сводит на нет любые попытки науки помочь законодателям и судьям разобраться в сложных перипетиях общественных отношений, поиске наиболее оптимальной модели регулирования за счет выбора между теми или иными равнозначными ценностями и интересами, соизмерения содержания принимаемых норм со сложившимися в правопорядке принципами, включая такие, которые не выражены позитивным образом в законе, но вытекают из практики и доктрины. Условно говоря, учение Г. Кельзена не дает ответа на важный вопрос любого должествования о том, как правильно (наиболее оптимальным образом) урегулировать те или иные общественные отношения. Для ответа требуется включить ценностную ориентацию в предмет правоведения. В этом аспекте противоположных взглядов прослеживается концепция

целостности права Р. Дворкина¹, предлагающая учитывать не только позитивно выраженные нормы, но и прошлый политический опыт, отраженный в принципах индивидуальной и политической морали. При таком подходе функция прогнозирования правовой науки, ее умение предвидеть последствия принятия той или иной нормы выходит на первый план.

Между тем юриспруденции присуще ценностно-ориентированное мышление², методы которого активно разрабатывают правоведы и используют в правотворческом процессе законодатели и судьи³. Ни одна норма в процессе правоприменения и правотворчества не может обходиться без интерпретации, проверки на соответствие правовой системе в целом, включая имплицитно содержащиеся в ней принципы нормативного понимания регулируемых общественных отношений, а также возникновения правовых проблем, связанных с ее толкованием и «правильным» применением⁴. Если не признавать в качестве задачи юриспруденции решение подобных правовых проблем, ей останется лишь суммировать и описывать позитивно-выраженные нормы, что вряд ли может претендовать на полноценную научность⁵.

Таким образом, проведенный анализ показал, что чистое учение Г. Кельзена выработало важные идеи и научные положения относительно понимания и объяснения феномена права. Последовательное разграничение сущего и должного, а также признание релятивистского плюрализма ценностей позволило создать самодостаточную обособленную модель

¹ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 241–353.

² Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М.: М-Логос, 2024. С. 10.

³ О важности ценностного измерения правосудия см.: Стус Н. В. Теория правосудия: некоторые общие заметки // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 21.

⁴ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. С. 138–139; Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2. С. 28; Камышанский В. П. О степени востребованности цивилистической методологии профессора Е. В. Васьковского (колонка редактора) // Власть Закона. 2025. № 1. С. 16; Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 10.

⁵ Ларенц К., Канарис К.-В. Указ. соч. С. 80.

понимания позитивного права, намеренно отвергающую как чуждые ненормативные элементы, то есть элементы из сферы сущего. Нормативизм шагнул далеко вперед, по сравнению с примитивным позитивизмом, сводящимся к формальному пониманию права как системы норм, санкционированных государством, отрицающим судебное правотворчество в «непрецедентной» системе и не включающим договоры, иные сделки в нормативную систему. Все эти предрассудки преодолены нормативизмом, однако чрезмерное желание обеспечить чистоту от чужеродных элементов, как нам представляется, имело обратный эффект, упростив учение и сделав его непригодным для полноценного использования в правоприменительных и правотворческих целях. В этой связи единственное непротиворечивое использование чистого учения видится в пределах исследования отечественной системы права, а для правовой системы¹ как более широкой категории требуются более масштабные инструменты.

Библиографический список

1. Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.
2. Антонов М. В. Осмысление справедливости в учении Ганса Кельзена и его значение для дискуссий в постсоветской теории права // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель: сб. ст. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 29–61.
3. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. 508 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
6. Годованик Е. В. Принципы и особенности функционирования современной системы права: теоретико-

¹ О различии категорий «система права» и «правовая система» см.: Годованик Е. В. Принципы и особенности функционирования современной системы права: теоретико-методологические подходы // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 53.

методологические подходы // *Власть Закона*. 2023. № 1 (53). С. 53–60.

7. *Дворкин Р.* Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с.

8. *Диреганова А. В.* Развитие концепции правового плюрализма в западной теоретико-правовой доктрине // *Власть Закона*. 2022. № 2 (50). С. 92–99.

9. *Камышанский В. П.* О праве цивилистической методологии на самоопределение // *Власть Закона*. 2024. № 2. С. 28–41.

10. *Камышанский В. П.* О степени востребованности цивилистической методологии профессора Е. В. Васьковского (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2025. № 1. С. 16–24.

11. *Котов О. Ю.* Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов Конституционного суда // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 8. С. 89–98.

12. *Ларенц К., Канарис К.-В.* Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М.: М-Логос, 2024. 357 с.

13. *Полсон С.* Нормативизм Ганса Кельзена // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2012. № 6. С. 158–175.

14. *Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В.* Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 792 с.

15. *Стус Н. В.* Теория правосудия: некоторые общие заметки // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 11 (227). С. 21–23.

УДК: 347.1
ББК: 67.404.0

А. А. Чеговадзе

профессор кафедры гражданского
и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Москва
chegov@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕРА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

CIVIL LAW GROUNDS AND MEASURE OF PROPERTY INTERESTS

В статье исследованы гражданско-правовые основания и меры имущественных интересов в контексте современного гражданского права. Цель исследования – анализ категории «интерес» в гражданском праве, а также выявление его нормативных оснований и особенностей реализации. Автором определена сущность имущественных интересов, проанализированы их правовая природа, различные термины, которые используют исследователи для его определения (законные, охраняемые законом, противоправные), и выявлены практические проблемы реализации правовых интересов. В результате установлено, что законный и охраняемый законом интересы реализуются с опорой на правовое (индивидуальное) или нормативное основание, но всегда в пределах юридической меры, в частности меры субъективного права или меры объективного права. Сущность гражданско-правового имущественного интереса проявляется в том, что это юридическая категория. В таком случае в отношении интереса действует принцип правовой меры. Правовая мера имущественного интереса может быть производной от субъективного правового основания и от объективного нормативного основания. Автор также приходит к выводу о том, что «правовой интерес» – это интерес, обеспеченный субъективным гражданским правом; «охраняемый законом интерес» – интерес, обеспеченный общегражданскими

положениями. И тот, и другой законны, если реализуются в пределах меры права (субъективного или объективного). В противном случае интерес следует квалифицировать как незаконный и отказывать в его защите.

Ключевые слова: имущественные интересы, законные интересы, правовые интересы, охраняемые законом интересы, противоправные интересы, субъективное право, принцип справедливости, принцип соразмерности, добросовестность.

The article examines the civil-legal grounds and measures of property interests in the context of modern civil law. The purpose of the research is to analyze the category of "interest" in civil law, as well as to identify its normative grounds and features of implementation. The author defines the essence of property interests, analyzes their legal nature, various terms used by researchers to define them (legitimate, legally protected, unlawful), and identifies practical problems in the realization of legal interests. As a result, it has been established that legitimate and legally protected interests are realized based on legal (individual) or normative grounds, but always within the limits of legal measure, particularly the measure of subjective right or the measure of objective right. The essence of civil-legal property interest is manifested in the fact that it is a legal category. In this case, the principle of legal measure applies to the interest. The legal measure of property interest may be derived from subjective legal grounds and from objective normative grounds. The author also concludes that "legal interest" is an interest secured by subjective civil right; "legally protected interest" is an interest secured by general civil provisions. Both are legitimate if realized within the measure of law (subjective or objective). Otherwise, the interest should be qualified as unlawful and denied protection.

Keywords: property interests, legitimate interests, legal interests, legally protected interests, unlawful interests, subjective right, principle of justice, principle of proportionality, good faith.

Интерес является общей категорией права и правоведения. Для его определения исследователи используют такие термины, как «общественные интересы», «национальные интересы», «законные интересы», «охраняемые законом интересы», «частные интересы», «публичные интересы», «государственные интересы», «имущественные интересы», «противоправные интересы» и т. п. В Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) интерес нормативно не определен,

и при отсутствии легальной дефиниции доктрина предлагает множество определений интереса, что не приносит пользу ни правоприменительной, ни правотворческой практике. Проблемы эффективности гражданско-правового регулирования в большей степени связаны с основополагающими, базовыми, отношениями, входящими в его предмет, отношениями имущественными¹. Соответственно, интересы сторон имущественных гражданско-правовых отношений не могут не быть имущественными.

Имущественный интерес субъектов гражданского оборота – одна из разновидностей юридического интереса, и ему присущи все признаки, которые являются общими и характеризуют любой вид интереса как такового. Вместе с тем гражданско-правовой имущественный интерес обладает и собственными отличительными признаками, которые в первую очередь обусловлены нормативными основаниями его формального выражения и достижения.

Категория «интерес» в гражданском праве опирается на принципиальные правовые основания: об интересе речь идет уже в ст. 1 ГК РФ, согласно которой граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. В норме ст. 209 ГК РФ введено еще одно общее для всех собственников принципиальное правило, ввиду которого право собственности подлежит осуществлению без нарушения прав и охраняемых законом интересов других лиц. Нормы подп. 2, 3 п. 2 ст. 166 ГК РФ лишают юридической силы сделки, которые нарушают права или охраняемые законом интересы физических и юридических лиц. Интерес выступает самостоятельным предметом договора страхования (ст. 928–930, 942 ГК РФ), договора доверительного управления имуществом (ст. 1016 ГК РФ), глава 50 ГК РФ регулирует действия в чужом интересе. Семейный кодекс (СК) РФ упорядочивает интересы несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, законные интересы других членов семьи и иных граждан (ст. 1 СК РФ). Жилищный кодекс (ЖК) РФ также содержит множество норм, обеспечивающих реализацию имущественных интересов обладателями жилищных прав (ст. 1, п. 4 ст. 17, ст. 20, п. 4 ст. 30 ЖК РФ). С 2014 г. на

¹ *Баринов Н. А.* Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 32.

территории России действует специальный федеральный закон, который принят в целях защиты именно интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя по состоянию на 16 марта 2014 г. (ст. 1 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 39-ФЗ)¹.

В законодательстве (ГК РФ) интересы названы по-разному: свои интересы, законные интересы, охраняемые законом интересы (ст. 1, 13, 67.2, 166, 209), имущественные интересы (ст. 67.1), существенные интересы (ст. 252), разумно понимаемые интересы (ст. 428), интересы, основанные на законе, ином правовом акте или договоре (ст. 930), противоправные и непротивоправные интересы (ст. 928, 980). Согласно ГК РФ лица могут действовать в своих и чужих интересах (ст. 1, 182), в интересах третьих лиц (ст. 73), в интересах подопечных (п. 2 ст. 32), в общих интересах (ст. 123.4, 1054), в ущерб интересам (ст. 174).

Многочисленные нормативные упоминания о гражданско-правовых интересах неопределенны, а научные представления и характеристики гражданско-правовых интересов различаются. К примеру, часто интерес рассматривают в качестве самостоятельной регулятивной категории, а иногда как элемент субъективного гражданского права. Последнюю позицию критикуют. Так, Е. С. Смагина пишет: «При таком подходе материальная правоспособность, понимаемая как потенциальная возможность обладать правами и нести обязанности, необходима для реализации только интересов, опосредованных субъективными правами. Для осуществления и защиты интересов, не отраженных в субъективных правах, ее следует признать недостаточной»². Более того, необходимо заявить о правовой презумпции имущественных интересов всех без исключения субъектов гражданского права. Такой подход опровергает признание интереса элементом субъективного права,

1 О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя: федер. закон от 2 апреля 2014 г. № 39-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Справ-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2021. С. 15.

то есть правовая презумпция наличия субъективных прав у каждого субъекта невообразима. Вследствие действия гражданско-правового принципа «все, что не запрещено, разрешено» интерес принадлежит лицам в так называемых общерегулятивных отношениях, для которых не требуется иных фактов, кроме наличия субъекта, обладающего правоспособностью и дееспособностью.

В приведенных выше и других нормах говорится в том числе о законном интересе и об охраняемом законом интересе, которые цивилисты выделяют как виды правовых интересов. Вместе с тем в юридической литературе прослеживается критика употребления терминов «правовой» и «юридический» применительно к имущественным интересам в гражданском праве¹. Представители этого течения объясняют это тем, что имущественные интересы их носителей реализуются с помощью собственных действий и требований о совершении законных действий обязанными лицами либо с использованием дозволения действовать по своему усмотрению без нарушения интересов других лиц. Такого рода критику нельзя признать обоснованной, поскольку не может не быть правовым явление, которое закреплено в нормативных правовых источниках и наличие которого оказывает существенное влияние на процесс и результаты правового регулирования. Имущественные интересы субъектов гражданского права реализуются под воздействием нормативного регулирования, обладая не только общими социальными, но и правовыми свойствами. Понятие «правовые интересы» в науке считают устоявшимся. М. В. Першин утверждает: «Правовой интерес есть результат взаимодействия и органического единства социальных интересов и прав, это интерес, вовлеченный в сферу правовой жизни»².

Вместе с тем представления ученых о существе понятия «правовой интерес» очень разные. Это, а также отсутствие нормативной расшифровки закрепляемых законодательством интересов значительно осложняет их использование в правоприменительной практике. С этим согласны маститые

1 Курбатов А. Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Черные дыры в российском законодательстве. 2001. № 1. С. 52.

2 Першин М. В. Частноправовой интерес: понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 9.

ученые-цивилисты. Например, ряд исследователей пишут применительно к понятию «противоправные интересы»: «Закрепляя в пункте 1 статьи 928 ГК РФ категорию противоправных интересов, законодатель не только не определил данное понятие, но и не указал его конститутивные признаки. При отсутствии четко закрепленных на законодательном уровне критериев может быть выявлено несколько подходов к определению противоправности интереса»¹. Подчас это приводит к неопределенности и ситуативности судебных решений, исключает единообразие правоприменительной практики, если квалификация спорных обстоятельств зависит от того, является ли интерес участников гражданско-правовых отношений правомерным или противоправным. В подтверждение можно привести позицию Верховного Суда РФ: «При новом рассмотрении суду первой инстанции следует высказать правовое суждение о том, может ли нарастаможенный автомобиль быть объектом (предметом) гражданско-правовой сделки (страхования) с учетом того, что страхование противоправных интересов не допускается. Сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, а договор страхования имущества, заключенный при отсутствии у страхователя интереса в сохранении застрахованного имущества, недействителен»².

Квалифицируя интересы участников отношений, суды используют термин «противоправные» только в страховых спорах, поскольку это прямо указано в ст. 928 ГК РФ. В судебных решениях по другим имущественным спорам интересы участников гражданских правоотношений напрямую «противоправными» не названы, упоминаются другие термины, в частности законные и незаконные интересы, охраняемые и неохранные законом интересы³. Установив противоправность

1 Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2004 г. № 11-В04-12 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

3 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2023 г. № 41-КГ23-23-К4; Решение Суда по интеллектуальным правам от 19 сентября 2023 г. по делу № СИП-417/2023; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10

целей действий обладателей интересов, суды обозначают их интересы не соответствующими закону (например, если «несколько хозяйствующих субъектов намеренно следовали общему плану поведения (преследовали единую противоправную цель), позволяющему извлечь выгоду из недопущения (ограничения, устранения) конкуренции на товарном рынке»)¹. Примером того, как суды защищают имущественные интересы одного субъекта от незаконной реализации интереса другим субъектом, может служить спор, в результате рассмотрения которого суды отказали в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что истица действовала исключительно с намерением причинить вред супругу и интересам семьи, то есть с противоправной целью².

В качестве незаконных оценены интересы субъектов, которые нарушают принцип добросовестности и пытаются извлечь выгоду (пользу) от своего недобросовестного поведения. Суды указывают на то, что при выполнении обязанностей ликвидатора юридического лица следует действовать добросовестно и разумно в интересах как ликвидируемого юридического лица, так и его кредиторов. Установленный законом порядок добровольной ликвидации не может быть использован недобросовестно в целях неосновательного освобождения от обязательств перед кредиторами³.

В любом случае правоприменители занимают позицию, согласно которой защищать можно только законный интерес, являющийся таковым, если реализуется разумными и добросовестными действиями, цель которых не противоправна. При этом не всегда понятно, как соотносить между собой незаконные и противоправные имущественные интересы

ноября 2015 г. № АПЛ15-451; Определение Верховного Суда РФ от 4 октября 2023 г. № 301-ЭС22-3747(6) по делу № А43-54772/2019; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 июля 2023 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

1 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 октября 2023 г. № Ф01-5803/2023 по делу № А11-1280/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Путеводитель по корпоративным спорам. Вопросы судебной практики: увеличение и уменьшение размера уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

3 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 августа 2023 г. № Ф01-4863/2023 по делу № А31-5024/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

участников гражданских правоотношений. Требуется уточнения и позиция о разделении интересов на «законный интерес», «правовой интерес» и «охраняемый законом интерес».

В юридической литературе содержатся утверждения о том, что «экстраполяция категории “интерес” на правовую почву в специальной литературе породила новое понятие “законный интерес” (охраняемый законом интерес)»¹. Изложенное видится ошибочным по двум причинам. Первая заключается в том, что понятия «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» – это закреплённые законом категории, а не только термины науки гражданского права. Вторая причина состоит в том, что понятия «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» не являются тождественными, хотя и стоит признать, что относительно этого вопроса в цивилистической и другой юридической литературе нет единства мнений исследователей. Некоторые ученые прямо и недвусмысленно подразделяют интересы на законные и охраняемые законом, например Д. М. Чечот. Он выделяет их, полагая, что в ряде случаев юридические интересы лица не могут быть обеспечены с помощью субъективного права, что «охраняемый законом интерес, являясь интересом материальным, возникает в связи с действием нормы материального права, получая от нее прямую или косвенную защиту»².

Схожим образом размышляет Е. А. Крашенинников, определяя законным «интерес, получивший признание со стороны закона путем предоставления его носителю субъективного гражданского права как средства удовлетворения этого интереса»³. При этом относительно охраняемого законом интереса мнение автора неизвестно. В. В. Субочев определяет законный интерес как стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения интересов, не противоречащих нормам права. Это, по мнению автора, в определенной степени гарантировано государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла⁴. Законность

1 Смагина Е. С. Указ. соч.

2 Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. С. 17.

3 Крашенинников Е. А. Правовая природа охраняемого законом интереса // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 5. С. 72.

4 Субочев В. В. Законные интересы: монография. М.: Норма, 2008. С. 22.

интереса ученый связывает исключительно с объективным правом. Другие ученые, напротив, предлагают считать интересы (как и права) субъективными. Ю. Б. Фогельсон пишет: «Интерес не существует сам по себе, а связан с определенным лицом, иными словами, в частном праве речь идет о субъективных интересах частных лиц»¹. Однако остается открытым вопрос о том, какова природа субъективного интереса частных лиц: это законный интерес, правовой интерес или охраняемый законом интерес.

В науке правовые интересы делят на такие, которые относятся к законным, и на «не становящиеся законными, т.е. не получающими правовой охраны». Представители этого научного направления указывают, «что охраняемые законом интересы в широком смысле охватывают интересы, опосредованные и не опосредованные в субъективных правах. Интересы, не отраженные в субъективных правах, берутся законодателем под правовую охрану с использованием иных средств»². Но какие это «иные средства», являются ли они правовыми или это средства фактического ряда? Эти вопросы оставлены без ответов. Другие авторы полагают, что «законным может быть интерес, не противоречащий нормам права, вытекающий из духа закона, а не из его буквы»³. Это представляется неконкретным, поскольку «дух закона» – явление, которое сложно объяснить, и, например, суды его не применяют. Следует согласиться с учеными, подразделяющими интересы по соответствию или несоответствию гражданскому праву на охраняемые законом интересы, опосредованные субъективными правами, и интересы, законность которых вытекает из общих положений законодательства⁴.

Существует мнение о том, что интересы, которые возникают и которые удовлетворяют в сфере правовых отношений с помощью правовых средств, являются правовыми, но не всегда становятся охраняемыми законом. Р. Е. Гукасян

1 Фогельсон Ю. Б. Избранные вопросы общей теории обязательств: курс лекций. М.: Юрист, 2001. С. 62.

2 Гукасян Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 115; Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. С. 41.

3 Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М.: Наука, 1974. С. 112.

4 Юрченко О. О. Право на защиту и способы защиты охраняемых законом интересов в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2004. С. 15.

пишет: «Правовые интересы отличаются от охраняемых законом интересов (законных интересов). Первые формируются условиями общественной жизни, являются порождением противоречивой социальной действительности и в этом смысле могут быть совершенно различными, в том числе не охраняемыми законом. Напротив, охраняемые законом интересы (законные интересы) представляют собой интересы, реализацию которых гарантирует государство с помощью правовых средств»¹. Тем самым в качестве отличительного признака законного интереса автором избрана его охрана, а правовой интерес, в зависимости от средств его удовлетворения, поставлен в один ряд с интересами экономическими, политическими, духовными и, по мнению автора, совпадает с ними в том, что законом не охраняется. Фактически речь идет о двух видах охраняемых законом интересов (законных и правовых). Автор предлагает их различать, но, согласно простой логике, критерий их разграничения выбран им ошибочно. Авторская позиция внутренне противоречива: если возникший в сфере правового регулирования интерес удовлетворен правовыми средствами, его нельзя признать неохраняемым законом или незаконным. Поскольку для подтверждения охраняемого законом интереса носитель последнего обязан сослаться на норму гражданского права, предоставляющую правовую охрану действиям по его реализации. В ст. 1 ГК РФ «Общие положения» указаны основные начала, субъекты наделены возможностью действовать в своем интересе, но обязаны быть добросовестными. При оценивании действий сторон как добросовестных или недобросовестных суды рекомендуют «исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны»² (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Интерес, реализованный с учетом прав и интересов других, всегда получает правовую охрану.

Размышляя о законных интересах, а также об отделении их от субъективных прав, ученые высказывают позицию о

1 Лукасян Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. С. 208.

2 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

несостоятельности таких критериев разделения, как «количественный» (распространенность интереса) и «качественный» (значимость интереса)¹. Представляется это верным и при выборе критериев различения имущественных интересов, реализуемых субъектами в сфере гражданского оборота. Необходимо исходить из понимания интереса как сущности (как явления действительности) и как законного (производного от закона) явления.

О. А. Красавчиков пишет: «Оперируя тем или другим научным материалом, необходимо всегда абсолютно точно отдавать отчет в том, о чем, собственно, идет речь: о самом ли по себе явлении, его развитии, отмирании и т. д., либо о его понятии и об отражении в понятии диалектики развития данного явления. Как только мы упускаем из виду различия между объективным и субъективным ...возникает опасность логического смешения предмета и его научного отражения»². Подлинность интереса состоит не только в его сущности как стремления к благу (пользе, выгоде), но и в реальности гражданско-правовой презумпции наличия имущественного интереса у субъектов гражданского (имущественного) оборота. Нет сомнений в том, что охраняемый законом интерес при помощи законодательного оформления может трансформироваться в обеспеченный субъективным правом. Вместе с тем интересы могут быть не опосредованными теми или иными правовыми нормами, но ввиду правовых предпосылок служить объектами правовой охраны и защиты³. Следует признать, что охраняется законом не только интерес, который достижим «под крышей» субъективного гражданского права, но и тот, который реализуется в общем правовом поле, не противоречит правам и интересам других лиц. В этом случае, например, объектом нарушения становится не закон, а субъективное гражданское право и охраняемый законом интерес⁴.

1 Малеин Н. С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 28.

2 Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. С. 310.

3 Юрченко О. О. Указ. соч. С. 14.

4 Дерюгина Т. В. О противоправности как условии возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства // Цивилист. 2024. № 4. С. 24.

Интересы, не соединенные с правом, не обеспеченные им, юридически беззащитны¹. Но беззащитны не потому, что всегда и всеми нарушаются, не потому, что во всех без исключения случаях неизбежен конфликт частных имущественных интересов. Интересы беззащитны в случаях, если их реализация не поддерживается нормативными основаниями. Нормативные основания интересов – это, прежде всего, их закрепление в субъективных правах или иных правовых формах, например правовых презумпциях. Требования о реализации интересов, обеспеченных субъективным правом, подлежат удовлетворению ввиду конкретного правомочия, юридически обосновывающего обязанность кого-либо это требование удовлетворить. Такое требование в защиту своих имущественных интересов может предъявить сторона в обязательстве по ст. 308.1 ГК РФ. В этом случае правомочию кредитора соответствует предусмотренная законом обязанность должника.

Но существуют интересы, реализация которых начинается с правового притязания на законность действий заинтересованного субъекта с учетом того, что нормативными основаниями заявленного интереса служат общие гражданско-правовые положения. Данное притязание никого не обязывает, но олицетворяет собой предположение о том, что иные субъекты обязаны не противостоять и не препятствовать их реализации. Например, собственник заинтересован в том, чтобы все иные субъекты не чинили ему препятствий во владении, пользовании и распоряжении объектом его права. Нарушением интереса собственника будут любые действия, которыми собственнику создают препятствия по владению, пользованию и распоряжению объектом, даже такие, которые не приводят к нарушению права собственности. Имущественному интересу собственника не противостоит конкретная обязанность какого-либо поименованного субъекта, поэтому действия собственника по обеспечению интересов в своем имуществе «посягают» на свободу других субъектов действовать в своих интересах за счет имущества собственника. Право разрешает собственнику действовать в предоставленных пределах², и его интересы

¹ Першин М. В. Указ. соч. С. 8–9.

² Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Политематический сетевой электрон. научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. №

достижимы, но при условии, если не собственник осуществляет свое усмотрение соразмерно закону или, например, не злоупотребляет своим правом. В противном случае законный интерес собственника оказывается нарушенным, подлежит защите, и собственник может притязать на то, чтобы свобода усмотрения не собственника была ограничена¹ (например, ввиду общих положений ст. 12 или на основании ст. 1065 ГК РФ).

В описанных ситуациях появляются конкретно обязанные перед собственником лица, и их отношения с собственником получают индивидуальное гражданско-правовое регулирование, а интерес собственника – защиту. В отсутствие подобного рода обязанных перед собственником лиц подлежат применению общие нормативные положения. Интерес собственника является охраняемым законом, если нормы предусматривают специальный способ охраны имущественного интереса, поскольку речь идет не о нарушении права, а об угрозе его нарушения. Интерес собственника охраняется и таким способом, как признание права, например права собственности на самовольно реконструированный жилой дом. И, даже если право собственности на самовольную постройку судом не признано, в решении суда могут быть указаны два возможных варианта: снос самовольно возведенного строения или приведение его в состояние, соответствующее действующим нормативным требованиям, или в предыдущее состояние (до реконструкции)². Второй вариант следует признать нормативным основанием охраны имущественного интереса собственника.

Для охраны имущественного интереса сторон обязательства в качестве нормативного основания можно использовать п. 3 ст. 343 ГК РФ, который гласит о том, что при грубом нарушении залогодержателем или залогодателем обязанностей, создающем угрозу утраты или повреждения заложенного имущества,

112. URL: <https://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/141.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

¹ Камышанский В. П. Ограничение права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 37; Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15.

² Можно ли узаконить самовольную реконструкцию жилого дома? // Азбука права: электрон. журнал. 2023. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

залогодатель вправе потребовать досрочного прекращения залога. Нормативным основанием имущественных интересов, поскольку право еще не нарушено, можно считать ст. 1065 ГК РФ, которая предусматривает требование именно об охране имущественного интереса в отсутствие нарушения субъективного гражданского права.

Способы защиты права предусмотрены в нормах ст. 12 и других нормах ГК РФ для их использования в ситуациях нарушения права. До момента нарушения субъективного гражданского права происходит охрана имущественного интереса правообладателя с целью предупреждения фактов нарушения права. Однако, если презумпция законности интереса будет опровергнута и будет установлено, что при реализации имущественного интереса его обладателем нарушаются принципы добросовестности, справедливости и соразмерности, заявленного требования суды не признают и обязанности других субъектов не возникают. Это означает, что реализуемый таким образом интерес не опирается на нормативные основания. Можно сделать вывод о том, что субъект требовал удовлетворения интереса не обеспеченного правом либо не охраняемого законом. Это отражено и в судебных решениях: «При предоставлении отсрочки или рассрочки суду следует обеспечить баланс прав и законных интересов взыскателей и должников так, чтобы порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности¹». И, если субъекты гражданского права обращаются за защитой своих имущественных интересов, но «не доказано наличие законного (подлежащего защите) интереса, так как ранее принадлежавшие лицу объекты недвижимости, расположенные на спорном земельном участке, признаны самовольными постройками и снесены», их требования суды не удовлетворяют².

Из рассмотренных интересов наибольшее признание со стороны ученых-цивилистов и правоприменителей получили «законные интересы» и «охраняемые законом интересы». Одни представители науки и практики считают, что «законные

1 Перечень позиций высших судов к ст. 324 АПК РФ «Отсрочка или рассрочка исполнения судебного акта, изменение способа и порядка его исполнения» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 мая 2022 г. № Ф08-3902/2022 по делу № А32-3253/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

интересы, как и субъективные права, имеют в своем основании притязание на обладание определенным социальным благом. При этом законным интересам корреспондирует обязанность контрсубъекта лишь не мешать заинтересованному лицу пытаться использовать возможность для реализации своего интереса. Таким образом, спецификой в сравнении с субъективными правами механизма реализации законных интересов является отсутствие возможности требования реализации (предоставления определенного блага) за счет поведения обязанного лица¹. Из высказывания можно понять, что законными предлагают считать интересы и притязания на обладание социальным благом, предоставить которое никто не обязан, требовать его предоставления ни от кого невозможно, можно только настаивать, чтобы никто не мешал «заинтересованному лицу пытаться использовать возможность для реализации своего интереса».

И все-таки такая возможность появляется только в случае, если имущественный интерес реализуется в гражданско-правовых отношениях, возникающих для удовлетворения интереса в процессе приобретения/ предоставления социального блага, то есть в результате действий обязанного субъекта предоставить это благо. Только по факту удовлетворения интереса в предоставлении имущественного блага можно обеспечить собственные действия по реализации интереса обладать каким-либо благом и извлекать из него пользу. Поэтому справедливым видится высказывание о том, что «законный интерес – это состояние готовности лица превратить желаемое в действительность своими действиями и/или за свой счет. Это такое состояние социально-правовой действительности, когда частная воля субъекта основана на нормативно выраженной публичной воле и изъясняется в пределах юридической меры дозволенных действий»².

Однако закон охраняет не только интересы, которые выражены в субъективном гражданском праве, интересы могут быть выражены и в форме «охраняемые законом интересы». Они

1 *Субочев В. В.* Указ. соч.

2 *Чеговадзе Л. А.* Защита прав и интересов субъектов гражданского права // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-й ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20–21 июня 2013 г.) / под ред. Н. П. Аслания, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2013. С. 163–168.

«не опосредованы конкретными правовыми нормами, но в силу определенных правовых предпосылок подвержены регулированию со стороны права, являются объектами правовой охраны и защиты»¹. Принято считать, что их реализация регулируется правом, но они имеют отличающийся от субъективных прав механизм реализации². Законный и охраняемые законом интересы реализуются с опорой на правовое (индивидуальное) или нормативное основание, но всегда в пределах юридической меры, в частности меры субъективного права или меры объективного права. Сущность гражданско-правового имущественного интереса проявляется в том, что это юридическая категория. В таком случае в отношении интереса действует *принцип правовой меры*. Правовая мера имущественного интереса может быть производной от субъективного правового основания и от объективного нормативного основания.

Относительно уточнения используемой в цивилистике терминологии предлагаем следующее: «правовой интерес» – это интерес, обеспеченный субъективным гражданским правом, «охраняемый законом интерес» – это интерес, обеспеченный общегражданскими положениями. И тот, и другой законны, если реализуются в пределах меры права (субъективного или объективного). В противном случае интерес следует квалифицировать как незаконный и отказывать в его защите.

Библиографический список

1. *Баринов Н. А.* Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 30–33.
2. *Бурмистрова С. А.* Субъективные права и законные интересы: каким должен быть результат судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 7–10.
3. *Гукасян Р. Е.* Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 478 с.
4. *Гукасян Р. Е.* Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 115–116.

¹ *Юрченко О. О.* Указ. соч. С. 5.

² *Бурмистрова С. А.* Субъективные права и законные интересы: каким должен быть результат судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 7.

5. *Дерюгина Т. В.* О противоправности как условии возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства // *Гражданское право. 2024. № 4. С. 24–30.*

6. *Камышанский В. П., Ветер Н. Ю.* Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // *Политематический сетевой электрон. научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112. URL: <https://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/141.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).*

7. *Камышанский В. П.* Ограничение права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // *Юридическая техника. 2018. № 12. С. 37–45.*

8. *Камышанский В. П.* Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // *Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15–25.*

9. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. 492 с.

10. *Крашенинников Е. А.* Правовая природа охраняемого законом интереса // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 5. С. 72–80.*

11. *Курбатов А. Я.* Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // *Черные дыры в российском законодательстве. 2001. № 1. С. 52–58.*

12. *Малеин Н. С.* Охраняемый законом интерес // *Советское государство и право. 1980. № 1. С. 28–31.*

13. *Патюлин В. А.* Государство и личность в СССР. М.: Наука, 1974. 246 с.

14. *Першин М. В.* Частноправовой интерес: понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 35 с.

15. *Смагина Е. С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2021. 268 с.

16. *Субочев В. В.* Законные интересы: монография. М.: Норма, 2008. 495 с.

17. *Фогельсон Ю. Б.* Избранные вопросы общей теории обязательств: курс лекций. М.: Юрист, 2001. 191 с.

18. *Чеговадзе Л. А.* Защита прав и интересов субъектов гражданского права // *Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-й ежегодной Междунар. науч.-практ.*

конф. (Иркутск, 20–21 июня 2013 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Вениченко. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2013. С. 163–168.

19. *Чечот Д. М.* Субъективное право и формы его защиты. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.

20. *Юрченко О. О.* Право на защиту и способы защиты охраняемых законом интересов в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2004. 156 с.

Г. С. Джумагазиева

доцент кафедры гражданского
права и правового
регулирования инновационной
деятельности Астраханского
государственного
университета имени В. Н.
Татищева,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Астрахань
gulnara.dz@mail.ru

Т. С. Датская

старший преподаватель
кафедры теории и истории
государства и права
Астраханского
государственного университета
имени В. Н. Татищева
Россия, г. Астрахань
datskau79@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИШЕНИЯ
РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В РОССИИ**

**LEGAL CONSEQUENCES OF DEPRIVATION
OF PARENTAL RIGHTS IN RUSSIA**

В статье утверждается, что право каждого ребенка нашей страны на проживание в семье, заботу и воспитание соответствует законодательным нормам, закрепленным в ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации. Тем не менее некоторые родители не исполняют свои обязанности по воспитанию и обеспечению детей должным образом. В таких случаях предусмотрена возможность лишения родителей их родительских прав. Согласно авторской позиции, это крайняя мера, применяемая, если другие способы защиты интересов ребенка оказываются недостаточными. Законом предусмотрены меры, которые реализуются сразу после принятия решения о лишении родительских прав; существуют и меры, способные к реализации опосредованно, при наступлении определенных обстоятельств. В заключении сделан вывод о том, что процесс лишения родительских прав сопровождается сохранением обязанности по содержанию ребенка. Лишение родительских прав нужно рассматривать и как меру семейно-правовой ответственности.

Ключевые слова: Семейный кодекс Российской Федерации, родительские права, лишение родительских прав, дети, родители, семья, воспитание, последствия лишения права, опека и попечительство.

The article asserts that the right of every child in Russia to live in a family, receive care, and upbringing is enshrined in Article 54 of the Family Code of the Russian Federation. Nevertheless, some parents fail to properly fulfill their duties to raise and provide for their children. In such cases, Russian law permits the termination of parental rights. The author emphasizes that this is an extreme measure, applied only when all other means of safeguarding the child's interests have proven inadequate. The law establishes immediate legal consequences following a court decision to terminate parental rights, as well as long-term consequences that may materialize under specific conditions. The conclusion highlights that termination of parental rights does not absolve parents of their obligation to pay child support. Moreover, it should be regarded not only as a protective mechanism but also as a form of family-law liability.

Keywords: Family Code of the Russian Federation, parental rights, termination of parental rights, children, parents, family, upbringing, consequences of termination, guardianship and custody.

Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) закреплено право каждого ребенка на жизнь и воспитание в семье, на знание родителей и на их заботу, а также на совместное с ними проживание. Однако не все родители выполняют обязанности по воспитанию и обеспечению детей должным образом. В случае необходимости защиты интересов ребенка закон предусматривает возможность лишения родительских прав. Эту крайнюю меру применяют, если другие способы защиты ребенка недостаточны. Порядок лишения родительских прав установлен в ст. 69 СК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44 разъяснил, как и когда следует применять эти нормы при разрешении споров, связанных с защитой прав и интересов ребенка в случаях угрозы его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав.

Лишение родительских прав – сложный и многогранный институт, который требует тщательного изучения и анализа. Этот институт семейного права является элементом общей целостной

системы защиты прав и законных интересов детей. Однако, согласно позиции автора, лишение родительских прав должно быть рассмотрено не только как наказание, но и как способ защиты детей от неблагоприятного влияния со стороны родителей. Таким образом, данный институт видится важным элементом семейно-правовой системы, направленным на обеспечение защиты прав и интересов детей в случае, если иные способы не действуют.

Лишение родительских прав рассматривается как кардинальная мера, выступающая формой семейно-правовой ответственности, предназначенной для устранения нарушений со стороны родителей в исполнении их обязанностей по отношению к детям. Указанная мера – это один из видов наказания, применяемых в случае невыполнения родительских функций или их ненадлежащего исполнения¹.

Вне всякого сомнения лишение родительских прав следует рассматривать как меру юридической ответственности родителей в семейно-правовой сфере. Суть этой меры заключается в лишении родителя его субъективных прав в отношении своего ребенка. Как семейно-правовая санкция эта мера обладает рядом специфических признаков, направленных на обеспечение надлежащего исполнения родителем своих семейных обязанностей в отношении ребенка. Целью может быть и предотвращение злоупотребления родительскими правами.

Лишение родительских прав – мера ответственности, применяемая за виновное противоправное поведение родителя. В отличие от ограничения родительских прав, которое может быть как мерой ответственности, так и мерой защиты ребенка, лишение родительских прав осуществляется в случаях, если оставление ребенка с родителями становится опасным вследствие обстоятельств, не зависящих от родителей, например ввиду психического расстройства². При отсутствии вины действиях (бездействии) родителя ограничение родительских прав осуществляется на основании п.п. 1, 2 ст. 73 СК РФ. Лишение родительских прав применяют лишь в случае виновного

¹Албакова Х. М., Садубаева М. С. Лишение родительских прав в свете международных правовых стандартов // Научное Образование. 2020. № 3 (8). С. 626.

² Семейное право: учебник / под ред. А. А. Демичева. М.: Инфра-М, 2021. С. 196.

поведения со стороны родителей, за исключением хронического алкоголизма или наркомании.

Согласно вышеизложенным точкам зрения, концепция лишения родительских прав в рамках семейно-правовой науки представляет собой институт семейного права, выражение ответственности родителя и санкцию, применяемую в отношении него. Этот процесс, происходящий исключительно по решению суда, нацелен на прекращение родительского правоотношения и отличается принудительным характером.

Главным последствием лишения родительских прав становится утрата родителем ряда прерогатив, присущих ему в связи с родством с ребенком, таких как право на содержание от ребенка, соответствующие пособия и другие. Лишение родительских прав – один из семейно-правовых институтов, который присутствует в законодательствах практически каждого государства. Зарубежный опыт правового регулирования лишения родительских прав нередко отличается от отечественного, при этом существенно. Уместно, на наш взгляд, рассмотреть опыт отдельных стран, а именно: Великобритании, Франции, Германии и Белоруссии.

Великобритания – страна, в которой процесс лишения родительских прав осуществляется с участием суда и органов местной власти. Органы власти обязаны предпринимать превентивные меры перед вынесением судебного решения о лишении родительских прав. Они предоставляют социальные услуги семьям с детьми и услуги по воспитанию ребенка, даже в случае противодействия родителей. Суд может принять решение об уходе или надзоре за ребенком при наличии доказательств существенного вреда или угрозы вреда. Решение о лишении родительских прав принимают с учетом главных принципов британского семейного права, таких как приоритет благополучия ребенка, выгода от исполнения приказа суда и стабильность семейных отношений. Суд должен учитывать желания ребенка, его потребности и возможные последствия для него, а также способность его родителей удовлетворить эти потребности¹.

Исследование показывает, что в британском праве лишение родительских прав не означает окончательного разрыва семейных связей между родителями и детьми. После лишения

¹ Никишов А. Б., Цитович Л. В. Семейное право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. С. 98.

прав родители по-прежнему обязаны сотрудничать с теми, кто исполняет функции родителей, в соответствии с судебным приказом. Они должны выполнить эти обязанности без разрешения суда, если их действия не ухудшают положения ребенка. Однако лишение прав становится окончательным, если ребенка усыновляют. Приказ об усыновлении разрывает все законные связи с родной семьей, передает права и обязанности приемной семье. Ребенок становится полноправным членом новой семьи, имеет право наследования и иные имущественные и личные неимущественные права, включая право на фамилию. Усыновление, по британскому праву, является неотъемлемой частью процедуры лишения родительских прав.

Во Франции, как и в России, законодательство о семье предусматривает возможность лишения и ограничения родительских прав. Однако терминология отличается. Вместо термина «ограничение» законодательстве Франции используют понятие «частичное лишение», что соответствует «полному лишению» в России¹.

Судьи по семейным делам во Франции занимаются разрешением споров, связанных с воспитанием и защитой прав и интересов детей. Поскольку полное лишение родительских прав считается крайней мерой, судьи предпочитают начинать с более мягких мер. Например, могут ограничить возможность одному из родителей вывозить ребенка за пределы страны без согласия другого родителя, чтобы поддерживать непрерывные и эффективные отношения. В случае угрозы здоровью, безопасности или морали несовершеннолетнего суд может принять меры о помощи в его воспитании по запросу родителей, опекунов, органов прокуратуры или по инициативе судьи.

Меры по оказанию помощи в воспитании детей предусматривают сохранение родительских прав отца и матери, за исключением несовместимых с применяемыми мерами полномочий. Органы власти не имеют права лишать ребенка родительской опеки без согласия судьи по делам несовершеннолетних в период применения таких мер. В случае необходимости изъятия ребенка из семьи родители сохраняют право на переписку и общение с ним в установленном судьей порядке осуществления этих прав. Возможны временное приостановление или урезание данных прав в интересах ребенка.

¹ Борода В. В. Семейное право: учеб. пособие. Мн.: РИПО, 2024. С. 69.

В случае лишения родителей их прав закон предоставляет им возможность обратиться в суд с просьбой передать свои права другому лицу, включая дальних родственников или третьих лиц, которые достойны доверия. Учреждения, департаменты и социальные службы также могут стать получателями родительских прав, если способны обеспечить воспитание ребенка.

Во Франции полное лишение родительских прав применяют крайне редко, с предпочтением временного приостановления или передачи части полномочий третьему лицу. Такой подход считают более эффективным для защиты интересов ребенка, сохраняя его привычную среду, то есть семью¹.

В германском семейном праве концепция ограниченной ответственности родителей используют вместо разграничения лишения и ограничения прав родителей. Основания лишения родительских прав разделены на две группы, объединенные понятием опасности пребывания ребенка с родителями. Первая группа включает в себя физическое, психическое или духовное здоровье ребенка либо его имущество, которое подвергается риску вследствие ненадлежащего осуществления родительской заботы. Вторая группа включает в себя неправомерные действия родителей или третьих лиц, но без их вины. Ограниченная ответственность может быть применена не только к родителям, но и к третьим лицам, у которых существует обязанность заботиться о ребенке.

Ограниченная ответственность родителей может привести к временной приостановке их прав, если родитель станет недееспособным или ограниченно недееспособным. В этом случае права и обязанности в отношении ребенка распределяют между родителями и законным представителем. Например, только законный представитель может выступать от имени ребенка в суде.

Одним из оснований для приостановления родительской заботы служит длительное отсутствие возможности одного из родителей фактически заботиться о ребенке. В таких случаях суд по семейным делам имеет право временно или постоянно ограничить, или в полной мере лишить родителя права на

¹ Смирновская С. И. К вопросу об ответственности родителей по семейному законодательству России и Франции // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 6.

общение с ребенком, если это необходимо для его благополучия. Решение о длительном либо окончательном лишении права на общение с ребенком принимают только при установлении факта угрозы обеспечению прав и законных интересов ребенка. Обратим внимание на то, что при отсутствии основания для приостановления родительской заботы она может быть возобновлена судом¹.

В России и Республике Беларусь действует законодательство, регулирующее лишение родительских прав как меру наказания. Эту меру применяют в случаях, если дееспособность родителей угрожает благополучию и нормальному развитию ребенка вследствие незаконных методов воспитания. В ст. 80 Кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З «О браке и семье» указаны условия, при которых родители могут быть лишены родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка. Суд может принять такое решение, если установлено, что родители уклоняются от воспитания ребенка или жестоко обращаются с ним, а также в случае аморального образа жизни, который может нанести вред ребенку. Кроме того, суд может лишить родительских прав, если родители не принимают ребенка из детских учреждений или отказываются от него при раздельном проживании, не исправляя своего поведения в течение установленного срока после предыдущего отзыва ребенка².

В отечественном законодательстве процедура лишения родительских прав аналогична зарубежным странам. Она осуществляется через суд в соответствии с правилами гражданского судопроизводства, с обязательным участием органов опеки и попечительства, а также прокурора. При анализе зарубежного опыта регулирования лишения родительских прав можно выделить общие и различные черты по сравнению с отечественным законодательством. Во-первых, лишение родительских прав рассматривают как меру защиты прав и интересов ребенка, что подтверждается приоритетом интересов ребенка над интересами родителей. Например, в таких странах,

¹ Смирновская С. И. Основания ограничения родительских прав по семейному законодательству России и Германии // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. № 4 (28). С. 295.

² Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие Краснодар: КубГАУ, 2020. С. 51.

как Великобритания и Германия, мнение ребенка играет важную роль при разрешении судебных споров. В основном основания для лишения родительских прав также совпадают: это неисполнение обязанностей по уходу и воспитанию, тяжелые заболевания родителей, жестокое обращение с детьми. Кроме того, родители, лишённые родительских прав, могут сохранить право на общение с ребенком (например, через переписку, как это предусмотрено во Франции). И, наконец, главенствующую роль в принятии решения о лишении родительских прав выполняет суд, который принимает и другие важные решения в контексте семейных правоотношений, включая определение места жительства ребенка и регулирование общения с ним¹.

Отличия института лишения родительских прав в ряде зарубежных странах заключаются в следующем. Во-первых, в Германии и Франции отсутствует четкое разграничение между лишением и ограничением в родительских полномочиях. Вместо этого применяют иные меры, от мягких вмешательств в процесс воспитания ребенка (как в Германии) до жестких мер, в частности полного лишения прав на общение с ребенком. Во-вторых, существует возможность не лишить, а временно приостановить родительские права при наличии оснований, которые в будущем могут быть устранены с некоторой вероятностью (например, болезнь).

Анализ зарубежного законодательства, регулирующего отношения лишения родительских прав, позволяет сделать вывод о том, что этот правовой институт в России имеет общие и отличительные черты. К общим чертам данного института можно отнести следующие:

- лишение родительских прав рассматривают как меру ответственности и защиты прав и интересов ребенка. Поэтому многие нормы закона исходят из приоритета интересов ребенка, а не его родителей. Например, в Великобритании, Германии и других странах учет мнения ребенка – это обязательное требование и условие при разрешении судом соответствующих споров;

- основания для лишения родительских прав в целом совпадают: неисполнение обязанностей по заботе и воспитанию

¹ Чекулаев С. С., Фабричный С. Ю. Семейное право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2023. С. 102.

за ребенком; тяжелая болезнь родителя; жестокое обращение с детьми и т. п.;

– родители, лишённые родительских прав, могут сохранить за собой право общаться с ребенком, поддерживать с ним контакт. Например, во Франции родители сохраняют право на переписку с ребенком, который передан на воспитание в другое место;

– главенствующая роль при решении вопроса о лишении родительских прав принадлежит суду. Только он вправе лишить родителей их прав в отношении ребенка, равно как и принять иные решения, связанные с этим вопросом: о том, куда ребенок будет передан; могут или не могут родители общаться с ним; др.

Отличия института лишения родительских прав в зарубежном и российском законодательстве заключаются в следующем:

– в Германии и Франции нет четкого разграничения между лишением и ограничением в родительских правах. Вместо этого предусмотрен иной по содержанию ряд мер: наиболее мягкие – вмешательство в воспитание ребенка (как в Германии), наиболее суровые – полное лишение прав родителей, в том числе на общение с ребенком;

– может быть предусмотрена возможность не лишить, а приостановить родительские права, если существуют основания, которые в будущем с большой долей вероятностью могут быть устранены (например, болезнь)¹.

В соответствии со ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены судом родительских прав в ряде случаев.

1. Уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. Отсутствие заботы со стороны родителей о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей – одно из проявлений уклонения от выполнения обязанностей по воспитанию. При этом злостное уклонение от уплаты алиментов выражено в наличии задолженности по алиментам, сокрытии фактического дохода плательщиком алиментов, а также информации о своем местоположении во избежание уплаты алиментов. В таких случаях в соответствии с законодательством РФ родители могут быть привлечены к административной или

¹ Степаненко Р. Ф., Хамидуллина Ф. И., Якушев П. А. Семейное право России и государств Европы: учебник. М.: Проспект, 2023. С. 122.

уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетних.

2. Отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций.

3. Злоупотребляют родительскими правами. Злоупотребление родительскими обязанностями – это использование собственных прав в ущерб интересам детей. Указанное может проявляться через создание препятствий для получения детьми образования, их участие в азартных играх, склонение к негативным видам деятельности (бродяжничеству, попрошайничеству, воровству или проституции). Это может включать в себя и употребление алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, других опасных средств, и вовлечение детей в деятельность запрещенных организаций. Данные действия могут привести к негативным последствиям для развития и благополучия детей.

4. Жестоко обращаются с детьми, что может проявляться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность.

5. Больны хроническим алкоголизмом или наркоманией. Наличие этих заболеваний должно быть подтверждено соответствующими медицинскими документами. Лишение родительских прав по этому основанию может быть произведено независимо от признания ответчика ограниченно дееспособным.

6. Совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи. Факт совершения подобного преступления должен быть подтвержден вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

По иным основаниям лишить родительских прав нельзя¹.

В действительности лица, не исполняющие родительские обязанности по разным причинам, включая тяжелые жизненные обстоятельства или психические расстройства, не должны быть лишены родительских прав автоматически. Хронические заболевания, за исключением наркомании или алкоголизма, также не могут служить основанием для лишения родительских прав. В этих случаях суд может принять решение об ограничении родительских прав, если это необходимо для защиты ребенка.

Поскольку лишение родительских прав принято считать крайней мерой ответственности, суд должен учитывать характер и личность родителя, а также интересы ребенка перед принятием такого решения. Если виновное поведение родителя доказано, но суд приходит к выводу, что лишение родительских прав не является наилучшим решением, то можно отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и вместо этого предупредить родителя о необходимости изменения подхода к воспитанию детей.

Юридические последствия лишения родительских прав – это совокупность изменившихся имущественных и неимущественных правоотношений между родителем и ребенком. Поскольку рассматриваемая мера является семейно-правовой санкцией против родителя, то большая часть последствий негативно отражается на нем. В частности, он утрачивает право на воспитание ребенка.

Решение суда о лишении родительских прав, согласно ст. 71 СК РФ, приводит к утрате родителями всех прав, вытекающих из родства с ребенком и возникающих из семейных или иных отношений, включая право на льготы и пособия, предусмотренные для родителей, а также на содержание со стороны трудоспособных детей (ст. 87 СК РФ).

Участие прокурора и органа опеки и попечительства является обязательным при рассмотрении дел о лишении родительских прав². Суд при принятии решения о лишении родительских прав также обязан рассмотреть вопрос о

¹ *Мартыросян С. А.* Проблемы, возникающие при лишении родительских прав // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 7-6 (63). С. 93.

² *Гришин А. В.* Защита прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних посредством иска о лишении родительских прав // Защита меня. 2019. № 2. С. 12.

взыскании алиментов на ребенка с родителей, лишенных родительских прав. При выявлении признаков уголовного преступления в действиях родителей суд должен уведомить об этом прокурора. Непредоставление родителем денежных средств на содержание несовершеннолетних детей без уважительных причин влечет уголовную ответственность согласно ст. 157 Уголовного кодекса УК РФ¹.

Родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности содержать ребенка.

Вопрос о дальнейшем совместном проживании ребенка и родителей, лишенных родительских прав, суд решает в порядке, установленном жилищным законодательством. Ребенок, в отношении которого родители лишены родительских прав, сохраняет право собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением, а также имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе право на получение наследства.

При невозможности передать ребенка другому родителю или в случае лишения родительских прав обоих родителей ребенка передают на попечение органа опеки и попечительства. Усыновление ребенка в случае лишения родителей родительских прав допускается не ранее истечения шести месяцев со дня вынесения решения суда о лишении родителей родительских прав².

В современном отечественном семейном праве лишение родительских прав – это институт, суть которого заключается в прекращении родительского правоотношения судом и в принудительном порядке. Родитель теряет права в отношении ребенка вследствие семейно-правового нарушения. Тем самым лишение родительских прав нужно рассматривать и как меру семейно-правовой ответственности.

¹ Албакова Х. М., Садубаева М. С. Указ. соч.

² Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 51. С. 81.

Главная цель и назначение института лишения родительских прав – защитить права и интересы ребенка в семейно-правовой сфере путем применения санкций к родителю (родителям). Будучи крайней и исключительной мерой в целях защиты ребенка, лишение родительских прав связано с требованиями и признаками, которые свойственны для других видов юридической ответственности. Так, необходимо наличие основания для лишения, то есть правонарушения, допущенного родителем и доказанного в суде.

Предусмотренные законодательством основания лишения родительских прав подтверждают, что исследуемый институт направлен на защиту ребенка от нарушений, допускаемых родителем в отношении детей. Все основания так или иначе сводятся к тому, что противоправное поведение родителя причиняет вред жизни или здоровью ребенка либо может причинить его в действительности. При этом оно нарушает обязанность, которая закреплена в семейном праве: обязанность содержать несовершеннолетнего ребенка и др.

В ст. 69 СК РФ предусмотрено шесть оснований для лишения родительских прав. Все они так или иначе затрагивают различные сферы жизни ребенка. Так, злоупотребление родительскими правами может навредить жилищным правам ребенка, а жестокое обращение – его духовному и нравственному развитию, психическому здоровью. Однако некоторые из указанных в законе оснований, по сути, повторяют друг друга. Представляется, что отказ взять ребенка из роддома – частный случай уклонения от выполнения родительских обязанностей.

Библиографический список

1. Албакова Х. М., Садубаева М. С. Лишение родительских прав в свете международных правовых стандартов // Научное Образование. 2020. № 3 (8). С. 626–630.
2. Борода В. В. Семейное право: учеб. пособие. Мн.: РИПО, 2024. 139 с.
3. Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 51. С. 81–83.
4. Гришин А. В. Защита прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних посредством иска о лишении родительских прав // Защити меня. 2019. № 2. С. 12–16.

5. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2020. 101 с.

6. Мартиросян С. А. Проблемы, возникающие при лишении родительских прав // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 7-6 (63). С. 93–99.

7. Никишов А. Б., Цитович Л. В. Семейное право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 158 с.

8. Смирновская С. И. К вопросу об ответственности родителей по семейному законодательству России и Франции // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 6–9.

9. Смирновская С. И. Основания ограничения родительских прав по семейному законодательству России и Германии // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. № 4 (28). С. 295–298.

10. Степаненко Р. Ф., Хамидулина Ф. И., Якушев П. А. Семейное право России и государств Европы: учебник. М.: Проспект, 2023. 286 с.

11. Чекулаев С. С., Фабричный С. Ю. Семейное право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2023. 239 с.

ББК 67.404
УДК 347.6

С. А. Закирова

доцент
кафедры гражданского права
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени
В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук;
доцент
Россия, г. Ростов-на-Дону
zakirova_lana@inbox.ru

В.А. Ковалев

студент третьего курса
юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени
В. М. Лебедева
Россия, г. Ростов-на-Дону
vlad-kovalyov@inbox.ru

**СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ
И РОДСТВЕННИКОВ ЗА ДОЛГОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
В БИЗНЕСЕ**

**THE SUBSIDIARY LIABILITY OF
SPOUSES AND RELATIVES FOR
DEBT OBLIGATIONS IN BUSINESS**

В статье исследованы вопросы о привлечении супругов и близких родственников предпринимателей к субсидиарной ответственности за обязательства, возникшие в результате деятельности бизнеса. Рассмотрена правовая концепция контролирующего должника лица, а также проанализированы судебные прецеденты и законодательные нормы, регулирующие данный институт. Особое внимание уделено брачным отношениям, личным фондам и их роли в защите активов супругов. В статье также охарактеризованы практические аспекты привлечения супругов к ответственности, если они не являются участниками бизнеса, но имеют косвенное влияние через владение активами, полученными за счет предпринимательской деятельности другого супруга. По итогам исследования авторами сделан ряд выводов. Во-первых, родственные или брачные связи сами по себе не доказывают, что лицо является контролирующим должника, то есть необходимо наличие убедительных доказательств влияния в действительности

на управленческие решения и финансовые операции компании. Во-вторых, наличие совместного имущества или формальных финансовых отношений не является достаточным основанием для привлечения к ответственности; лишь факты умышленного участия в управлении или использовании активов в личных целях могут свидетельствовать о контроле. В-третьих, для снижения риска субсидиарной ответственности предпринимателям следует четко разграничивать личные и бизнес-активы, вести прозрачную финансовую документацию.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, супруги, договорные обязательства, контролирующее должника лицо, банкротство, семейные правоотношения, правоприменительная практика, бизнес-риски.

The article examines issues related to holding entrepreneurs' spouses and close relatives subsidiarily liable for obligations arising from business activities. The legal concept of a debtor's controlling person is explored, along with analysis of judicial precedents and legislative norms regulating this institution. Particular attention is paid to marital relationships, private trusts and their role in protecting spouses' assets. The article also characterizes practical aspects of holding spouses liable when they are not business participants but exert indirect influence through ownership of assets obtained through the other spouse's business activities. The study's authors draw several conclusions. First, family or marital ties alone do not prove that a person controls the debtor - convincing evidence of actual influence on management decisions and company financial operations is required. Second, joint property or formal financial relationships are not sufficient grounds for liability; only facts of deliberate participation in management or use of assets for personal purposes may indicate control. Third, to reduce subsidiary liability risks, entrepreneurs should clearly separate personal and business assets and maintain transparent financial records.

Keywords: subsidiary liability, spouses, debt obligations, debtor's controlling person, bankruptcy, family legal relations, law enforcement practice, business risks.

Одной из задач гражданского права служит устранение вредных последствий, причиненных правонарушением добросовестному участнику соответствующего правоотношения¹. Раскрывая понятие субсидиарной ответственности через анализ условий привлечения к ответственности, можно полагать, что этот вид гражданско-правовой ответственности имеет уникальные характеристики. Исследователи применяют различные подходы к пониманию данного явления. Юридическую ответственность рассматривают как в качестве правоотношения, так и в качестве осуждающей оценки государства, то есть как обязанность лица претерпевать негативные последствия за совершенное деяние²; как меру государственного принуждения, применяемую в исключительных случаях.

Главные задачи института гражданско-правовой ответственности состоят в защите прав и интересов граждан и организаций, предоставлении инструментов для защиты прав и законных интересов пострадавших лиц, сдерживании нарушений и обеспечении нормального функционирования общества, предотвращении нарушений и негативных действий, так как он предупреждает потенциальных нарушителей о возможных последствиях и вводит меры ответственности, в оптимальном распределении рисков и обеспечении справедливости, способствовании оптимальному распределению рисков между сторонами договора или общества в целом³.

Основные цели семейного предпринимательства в Российской Федерации (РФ) состоят в сохранении и развитии семейного бизнеса, обеспечении благосостояния семьи, создании дополнительных рабочих мест и мотивации членов семьи к совместной деятельности. Семейное предпринимательство в России регулируется семейным законодательством, а также

¹ Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23.

² Николаев С. А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Синергия Наук: междунар. электрон. журнал. 2022. № 78. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article7099?ysclid=mckozl9eug449648590> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Кудринский А. Н. Субсидиарная ответственность в структуре видов гражданско-правовой ответственности // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 5 (74). С. 451.

законодательством о предпринимательской деятельности, что делает его уникальной и важной составляющей экономической жизни страны¹.

Реформа института субсидиарной ответственности подвергла изменению ряд материальных и процессуальных норм, которые призваны повысить качество регулирования вопросов привлечения к субсидиарной ответственности². В российской правоприменительной практике все чаще возникает вопрос о субсидиарной ответственности родственников и супругов предпринимателей за долговые обязательства бизнеса³. Это связано с тем, что супруги и другие родственники могут пользоваться благами, созданными за счет доходов предприятия, и тем самым косвенно получать выгоду от его деятельности. Законодательство РФ предусматривает возможность привлечения таких лиц к ответственности при определенных условиях, если они отнесены к контролирующим должника лицам⁴. Таким образом, важно быть внимательным при ведении бизнеса и принимать меры по минимизации рисков субсидиарной ответственности.

К субсидиарной ответственности привлекают в основном контролирующих должника лиц, действия которых напрямую повлияли на состояние должника. В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) круг контролирующих лиц четко не определен. Статья 61.10 Закона о банкротстве не содержит перечня лиц, которых возможно привлечь к субсидиарной ответственности. В этой норме отражено лишь утверждение о том, что такое лицо имеет «право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом

¹ *Иншакова А. О., Квициния Н. В.* Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов // *Власть Закона*. 2024. № 2 (58). С. 102–103.

² *Авдеев С. В.* Модернизация института субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) должника: причины и следствия // *Власть Закона*. 2020. № 2 (42). С. 150.

³ Ответственность бенефициаров бизнеса и членов их семей: обзор практики // *Право.ру*. 2022. 25 апреля. URL: <https://pravo.ru/story/240435/> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ *Михневич А. В., Оселедко А. Н.* Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 10-2. С. 154.

определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий»¹.

Контролирующее должника лицо (ст. 61.10)² – это лицо, имеющее право и возможность определять действия должника, особенно при подготовке компании к банкротству. Понятие контролирующего должника лица включает в себя широкий круг субъектов, и отнюдь не обязательно, чтобы лицо было прямым владельцем бизнеса. Часто контролирующими должника лицами могут быть признаны и супруги владельцев бизнеса или их родственники, если они влияли на бизнес через родственные связи или иными способами. В статье подробно проанализированы ситуации, в которых супругов и родственников привлекают к ответственности, а также обсуждаются методы защиты активов.

Согласно российскому законодательству, контролирующее должника лицо – это физическое или юридическое лицо, имеющее право или возможность влиять на действия компании-должника, в том числе на совершение сделок и определение их условий. Контроль может быть осуществлен и напрямую, через владение значительной долей в компании, и косвенно, через влияние на руководителей компании или родственные связи³. Законодательством установлены критерии признания лица контролирующим должника:

- 1) прямое руководство или членство в органах управления;
- 2) право распоряжения более чем 50 % акций или долей уставного капитала;
- 3) извлечение выгоды из действий, ведущих к ухудшению положения кредиторов.

Этот перечень не является исчерпывающим, и на практике к контролирующим должника лицам могут быть отнесены и лица, не занимающие официальных должностей, но оказывающие значительное влияние на деятельность компании. В качестве примера можно указать супругов владельцев бизнеса, которые, хотя и не имеют прямого контроля, могут распоряжаться активами компании через личные и семейные отношения.

¹ Рачеева Ю. В. Субсидиарная ответственность родственников контролирующего должника лица // Правовое регулирование экономической деятельности (ПРЭД). 2022. № 4. С. 65.

² О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 2002. 2 ноября.

³ Михневич А. В., Оселедко А. Н. Указ. соч. С. 152.

Наличие родства не является достаточным основанием для привлечения родственника к субсидиарной ответственности за долги компании. Однако, если будет доказано, что супруг или родственник фактически извлекал выгоду от деятельности должника или принимал участие в его управлении, он может быть признан контролирующим должника лицом. Особенно это относится к ситуациям, в которых средства компании были использованы для покрытия семейных расходов или приобретения личных активов. В российской судебной практике выделяют несколько категорий дел о привлечении супругов и родственников к субсидиарной ответственности за долги бизнеса. Далее нами рассмотрены наиболее характерные случаи и их правовые последствия.

В контексте анализа субсидиарной ответственности супругов по долгам предприятий интересным представляется дело, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа¹. В частности, управляющий ООО «ЛифтМонтажСервис» А. А. Цыбульский пытался привлечь супругу (директора компании) Н. В. Лозовую к субсидиарной ответственности по обязательствам компании, ссылаясь на вывод активов и наличие дорогостоящего имущества у супруги, которое, по его мнению, приобретено за счет средств должника. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций в данном случае отказали в удовлетворении заявления управляющего, сославшись на отсутствие оснований для признания Н. В. Лозовой контролирующим лицом.

Процедура банкротства в отношении ООО «ЛифтМонтажСервис» введена 6 июня 2018 г., а конкурсное производство – в марте 2019 г. Е. Е. Лозовой, директор и единственный участник должника, привлекался к субсидиарной ответственности и выплате убытков по обязательствам компании на сумму 7 693 884 руб. за вывод активов из компании. Управляющий компании указал на ряд крупных сделок по приобретению недвижимого имущества супругой Лозовой (Н. В. Лозовой), которые, по его мнению, финансировались за счет

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 февраля 2023 г. по делу № А56-70983/2018 // Картоотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c0ebcd4-1214-407f-980e-0ba6e47ba4e3/edd6f694-7a76-43f9-881d-efbf1709a3cc/A56-70983-2018_20230209_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.11.2024).

активов компании. В частности, речь шла о приобретении земельных участков и квартир, права на которые возникли в течение спорного периода.

Конкурсный управляющий считал, что супруги Е. Е. Лозовой и Н. В. Лозовая согласованными действиями выводили активы компании, чтобы избежать их использования для удовлетворения требований кредиторов. В своем заявлении управляющий сообщил, что имущество, приобретенное Н. В. Лозовой, оформлено на ее имя, чтобы не допустить обращения на него взыскания по обязательствам компании.

Суды первой и апелляционной инстанций указали, что Н. В. Лозовая не занимала должностей в ООО и не участвовала в его управлении. Доказательства, свидетельствующие о ее причастности к недобросовестным действиям, которые могли бы повлиять на невозможность удовлетворения требований кредиторов, не представлены. Конкурсный управляющий не смог доказать, что Н. В. Лозовая оказывала значительное влияние на руководство ООО «ЛифтМонтажСервис», что позволило бы отнести ее к категории контролирующих должника лиц. Суд кассационной инстанции, подтвердив правомерность выводов нижестоящих судов, также указал, что все оспариваемые активы приобретены на личные средства супруги задолго до банкротства ООО и не имели прямой связи с его активами.

Данное дело говорит о важности доказательств при привлечении супругов к субсидиарной ответственности за действия должника. Согласно решению суда, для признания лица контролирующим должника необходимо установить наличие в действительности влияния на бизнес. Наличие родства и совместного имущества, приобретенного в браке, само по себе нельзя считать основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. В деле Лозовых конкурсный управляющий не смог доказать, что супруга директора намеренно выводила активы компании и что приобретенное ею имущество связано с финансовыми операциями должника.

Рассмотренное дело подтверждает точку зрения о том, что привлечение супругов и родственников предпринимателей к субсидиарной ответственности требует тщательного анализа их роли в бизнесе и доказательств контроля над действиями компании в действительности. Арбитражный суд Северо-Западного округа, ссылаясь на отсутствие доказательств существенного влияния Н. В. Лозовой на управление бизнесом,

сформулировал позицию о невозможности применения субсидиарной ответственности на основании лишь семейных связей и владения совместным имуществом.

Рассмотренное Арбитражным судом Западно-Сибирского округа дело¹ о привлечении А. В. Кругловой (ранее Соколовой) к субсидиарной ответственности в размере 3 830 059,91 руб. отражает еще один важный аспект субсидиарной ответственности супругов и бывших участников бизнеса. Суды установили, что А. В. Соколова, несмотря на расторжение брака с А. Ю. Соколовым и выход из состава участников компании, продолжала получать денежные средства от должника. Это стало основанием для ее привлечения к субсидиарной ответственности.

ООО «Рациональные системы отопления» признано банкротом в 2018 г., и конкурсное производство начато в октябре этого же года. Конкурсный управляющий, ссылаясь на наличие оснований для привлечения А. В. Соколовой к субсидиарной ответственности, указал, что платежи от должника в пользу А. Ю. Соколова и А. В. Соколовой признаны недействительными (определение от 12 февраля 2020 г.), поскольку полученные ими средства могли бы быть использованы для погашения долгов компании перед кредиторами. А. В. Круглова оспорила свою ответственность, утверждая, что ее брак с А. Ю. Соколовым расторгнут еще в 2011 г., а ее выход из состава участников компании состоялся в 2017 г. Она также подала ходатайства о фальсификации доказательств и проведении почерковедческой экспертизы для доказательства непричастности к хозяйственной деятельности должника.

Суды первой и апелляционной инстанций, рассматривая аргументы А. В. Кругловой, подтвердили ее субсидиарную ответственность по долгам компании, ссылаясь на следующие обстоятельства.

1. А. В. Круглова, ранее Соколова, имела долю 50 % в уставном капитале компании и участвовала в ее управлении до выхода из состава участников.

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 сентября 2023 г. по делу № А70-3847/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/43252180-1681-47b6-a2a0-ca7fc1c7e95/8acebd4e-c897-4dee-96d9-6955aafe8927/A70-3847-2018_20230906_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.11.2024).

2. Несмотря на расторжение брака с А. Ю. Соколовым, она продолжала получать средства от компании, которые могли бы быть использованы для удовлетворения требований кредиторов.

3. Платежи, признанные недействительными судом, осуществлялись в пользу А. В. Кругловой, что послужило доказательством ее участия в выводе средств из компании.

Кассационная инстанция также оставила в силе выводы предыдущих судов. Доводы о фальсификации доказательств и необходимости почерковедческой экспертизы судом не приняты, поскольку заявленные доказательства не положены в основу определения суда первой инстанции.

Дело Кругловой (Соколовой) свидетельствует о том, что субсидиарная ответственность может распространяться не только на нынешних участников и владельцев бизнеса, но и на бывших супругов и соучредителей, если доказано их участие в выводе активов и создании условий, препятствующих погашению долгов. Аргумент о расторжении брака и выходе из состава участников отклонен, так как участие в выводе активов и наличие имущественной выгоды от действий должника признаны достаточными основаниями для субсидиарной ответственности.

Конструкция совместного банкротства супругов, неоднократно представленная в судебной практике, нестабильна. Согласно позиции Верховного Суда РФ, супругам нельзя подать совместное заявление о признании их банкротами, но можно объединить дела о банкротстве супругов на основании ст. 130 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Специфическая множественность лиц на стороне должника предусмотрена ст. 223.1 Закона о банкротстве: в п. 4 этой нормы указано на возможность осуществления в деле о банкротстве прав и обязанностей наследодателя несколькими лицами, принявшими наследство¹.

С учетом изложенного выше можно сделать вывод о том, что практика привлечения к субсидиарной ответственности супругов и их родственников по долговым обязательствам, связанным с их бизнесом, получила широкое распространение в судебной практике. В случае банкротства коммерческой организации, если обязательства не могут быть покрыты за счет

¹ Шнырова В. В. Множественность лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве): анализ правовых конструкций // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 186.

собственных средств супругов, закон может предусматривать ответственность близких лиц, имеющих прямые или косвенные финансовые интересы в их бизнесе. В этом случае необходимо учитывать специфику бизнеса, чтобы эффективно управлять рисками.

Таким образом, управление подобным типом рисков требует комплексного подхода и внимательного анализа всех факторов, включая юридические, финансовые и организационные. Можно утверждать, что институту субсидиарной ответственности супругов и родственников в контексте долговых обязательств бизнеса отведена важная роль в защите интересов кредиторов. Семейные связи, несмотря на законодательные ограничения, не могут служить абсолютной защитой от взыскания долгов. Современная судебная практика показывает, что супруги и родственники могут быть признаны контролирующими должника лицами, если доказано их влияние на управление бизнесом, получение средств от компании или приобретение активов за счет доходов бизнеса.

Библиографический список

1. Авдеев С. В. Модернизация института субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) должника: причины и следствия // Власть Закона. 2020. № 2 (42). С. 139–150.
2. Иншакова А. О., Квициния Н. В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 99–110.
3. Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23–41.
4. Кудринский А. Н. Субсидиарная ответственность в структуре видов гражданско-правовой ответственности // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 5 (74). С. 448–455.
5. Михневич А. В., Оселедко А. Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-2. С. 152–160.
6. Николаев С. А. Субсидиарная ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности // Синергия Наук: междунар. электрон. журнал. 2022. № 78. URL: <http://synergy->

journal.ru/archive/article7099?ysclid=mckozl9eug449648590 (дата обращения: 20.02.2025).

7. Рачеева Ю. В. Субсидиарная ответственность родственников контролирующего должника лица // Правовое регулирование экономической деятельности (ПРЭД). 2022. № 4. С. 64–71.

8. Шнырова В. В. Множественность лиц на стороне должника в делах о несостоятельности (банкротстве): анализ правовых конструкций // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 175–186.

УДК 347
ББК 67.410

С. А. Межян

студент юридического
факультета
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
sirunik.mezhyan@mail.ru

Е. А. Гринь

доцент кафедры гражданского
процесса
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Краснодар
mea_nz@mail.ru

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ, ВЫТЕКАЮЩИХ
ИЗ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

**THE LEGAL NATURE OF THE CASES ARISING FROM
FROM URBAN PLANNING LEGAL RELATIONS**

Целью исследования послужило изучение нормативно-правовых актов и научной литературы для установления термина «градостроительный спор», что обусловлено, в частности, недостаточным вниманием к этим проблемам и многочисленными спорами при разрешении дел, вытекающих из градостроительных правоотношений. К задачам исследования отнесены необходимость определить круг общественных отношений, которые регламентированы положениями градостроительного права, установить понятие градостроительных споров и его видов. Авторами проведен детальный анализ градостроительного законодательства на основе изученных нормативных и теоретических источников, правоприменительной практики. Предложены теоретическое определение понятия «градостроительный спор» и критерии, позволяющие отнести конфликт к разновидности градостроительного спора.

Ключевые слова: градостроительство, градостроительные споры, градостроительные правоотношения, судебные споры, конфликт, развитие территорий, объекты недвижимости, градостроительная деятельность.

The study aims to examine regulatory legal acts and scholarly literature to define the term "urban planning dispute," motivated by insufficient attention to these issues and numerous conflicts in adjudicating cases arising from urban planning legal relations. Research objectives include determining the scope of social relations regulated by urban planning law and establishing the concept of urban planning disputes and their types. The authors conducted a detailed analysis of urban planning legislation based on examined normative and theoretical sources, as well as law enforcement practice. They propose a theoretical definition of "urban planning dispute" and criteria for classifying conflicts as a category of urban planning disputes.

Keywords: urban planning, urban planning disputes, urban planning legal relations, judicial disputes, conflict, territorial development, real estate objects, urban planning activity.

Несмотря на то, что в настоящее время градостроительная сфера значительно уступает в своей ликвидности другим сферам гражданской активности, она все-таки привлекает к себе внимание субъектов права. Зачастую интересы физических и юридических лиц сталкиваются с интересами органов государственной власти и органов местного самоуправления¹. В итоге эти столкновения интересов приводят к спорам, объектами которых выступают территории публичных образований и их части, земельные участки и объекты капитального строительства.

Статья 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) гласит о том, что градостроительная деятельность – деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных поселений, осуществляемая в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального

¹ Камышанский В. П. Реконструкция Краснодара: законность и целесообразность (проблемы соотношения): учеб. пособие. Краснодар, 2006. С. 110; Селиверстов А. А., Мантул Г. А. Понятие и соотношение публичного и частного права в Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ имени И. Т. Трубилина, 2023. С. 364–368.

ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений, комплексного развития территорий и их благоустройства¹. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что регламентация градостроительной деятельности необходима для согласования государственных, общественных и частных интересов в этой области².

Профессор Э. К. Трутнев разграничивал понятия «градорегулирование» и «градостроительство». Градостроительство было прерогативой «технологов», им занимались исключительно профессионалы. Градорегулирование – прерогатива не только профессионалов, но и лиц, которые не могут причислить себя к таковым, но действуют с ними на равных ввиду выраженной заинтересованности, то есть наличия имущественных прав, защищаемых законом³. Российским законодательством не разграничены понятия «градорегулирование» и «градостроительство», а лишь предполагается широкий подход к градостроительному законодательству на основе иных нормативно-правовых актов.

Градостроительство – определенная сфера жизнедеятельности. При градостроительстве развивается сложная система социальных связей, возникающих между субъектами с различным правовым статусом и по поводу возведения объектов с различным правовым режимом⁴. Градостроительная деятельность, имеющая неразрывную связь с другими сферами, определена законодателем как деятельность по развитию территорий городов и поселений. В действующем ГрК

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета. 2004. 30 декабря.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Союз» на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 7 Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ и абзацем вторым пункта 2 постановления Правительства Новосибирской области «О внесении изменений в постановление Правительства Новосибирской области от 1 апреля 2022 года № 145-п»: определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2566-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=834567#4PAgEqUxASglnUOJ> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Градорегулирование: основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости / рук. авт. кол. Э. К. Трутнев. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 8.

⁴ Болтанова Е. С., Романова О. А., Бандорин Л. Е. Градостроительное право: учебник. М.: Проспект, 2024. С. 31.

РФ легального определения градостроительства не закреплено. Однако правовое регулирование градостроительных отношений в России предусматривает комплексный характер вопросов разрешения споров в этой области.

Несмотря на отсутствие на законодательном уровне отдельной отрасли градостроительного права и наличие различных мнений применительно к рассматриваемому вопросу ученых-практиков, данная сфера деятельности регулируется не только градостроительным, земельным, уголовным и административным законодательством, но и сопряжена с нормами конституционного, муниципального, гражданского, жилищного права¹. Анализируя принятые федеральным законодательством принципы осуществления градостроительной деятельности (ст. 3 ГрК РФ), можно указать, что некоторая их часть нашла отражение в Конституции РФ² (ч. 1 ст. 7; ч. 2 ст. 24; ч. 1 ст. 32; ч. 1 ст. 37; ч. 2 ст. 40; ст. 42; ст. 44 и 53).

Другие отечественные нормативно-правовые акты позволяют сделать вывод о том, что к градостроительным отношениям применяют земельное, лесное, водное законодательство, законодательство об особо охраняемых природных территориях и иное (ч. 3 ст. 4 ГрК РФ).

Особое значение приобретает вопрос о регулировании нормами градостроительного законодательства как административных, так и имущественных отношений, которые служат причиной возникновения судебных споров. В связи с этим задача об определении единого порядка разрешения судами категории дел, которая условно может быть обозначена как «градостроительные споры», представляется проблематичной. Причиной возникающих сложностей выступает отсутствие на законодательном уровне определения градостроительного спора. При этом попытки сформулировать такое определение в доктрине ранее не предпринимали. Однако существует ряд научных трудов о вопросах определения градостроительного

¹ *Серая Н. А.* Договор строительного подряда в градостроительной сфере в системе гражданско-правовых договоров // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 27 апреля 2017 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2017. С. 158–161.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

(городского) конфликта, в том числе градостроительного права как отдельной отрасли российского права.

Понимание значения градостроительных споров находится в понимании сущности градостроительных правоотношений. Стоит согласиться с утверждением Е. С. Болтановой¹ о том, что градостроительные отношения при комплексном характере их правовой природы обладают своеобразным содержанием (права и обязанности непосредственно связаны с осуществлением градостроительной деятельности), имеют специфику объекта и часто – особый статус субъекта. По мнению Е. В. Микулиной², градостроительные отношения представляют собой комплексный вид общественных отношений в сфере градостроительства.

В отечественной теории развиваются попытки синтеза знаний о градостроительном конфликте. Через политико-управленческие аспекты регулирования изучал градостроительные конфликты А. И. Кольба³. По справедливому замечанию И. Р. Медведева⁴, город традиционно считают местом конфликтов. М. В. Перькова, А. Г. Вайтенс, Е. В. Баклаженко⁵ определяют градостроительный конфликт как столкновение противоположных интересов и потребностей между участниками градостроительной деятельности по отношению к территории.

С учетом изложенного выше можно утверждать, что градостроительные конфликты возникают при реконструкции уже существующей застройки с целью последующего изменения функций объектов недвижимого имущества, строительства объектов инфраструктуры, а также нецелесообразного использования свободных территорий. В рамках действующего законодательства субъекты градостроительных правоотношений обладают определенными правами для защиты своих интересов в

¹ Болтанова Е. С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. 2017. № 10 (250). С. 90.

² Микулина Е. В. Градостроительные отношения как сфера муниципального регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 41.

³ Кольба А. И. Политико-управленческие аспекты регулирования градостроительных конфликтов // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 297.

⁴ Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 125.

⁵ Перькова М. В., Вайтенс А. Г., Баклаженко Е. В. Классификация градостроительных конфликтов // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2018. № 12. С. 89.

случае нарушения законодательства о градостроительной деятельности.

Наличие ст. 25 ГрК РФ не является препятствием для заинтересованного лица обратиться в суд в связи с возникновением прав на земельные участки, которые включены в границы населенного пункта согласно генеральному плану. Градостроительные споры, как правило, связаны с установленным законодательством разрешенным использованием объектов недвижимости, что в определенной степени ограничивает правообладателей в пользовании объектами. Таким образом, физические и юридические лица вправе оспорить в суде решение о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или в том числе на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства и т. п.

Множество дел, возникающих из градостроительной правоотношений, относятся к категории жалоб на неправомерные действия (бездействие) должностных лиц государственных и местных органов власти, оспаривание отказов в выдаче разрешения на строительство или выдаче разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Кроме того, в процессе обнаружения причин нарушения законодательства о градостроительной деятельности, причинивших вред жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, комиссия утверждает заключение, которое может быть оспорено исчерпывающим списком лиц согласно ч. 8 ст. 62 ГрК РФ. Итак, обратим особое внимание на то, что градостроительная деятельность характеризуется и частноправовыми, и публично-правовыми градостроительными отношениями.

Принятие легального определения «градостроительный спор» приведет к правильной классификации спора, что будет способствовать верному выбору способа защиты права, а также определению предмета иска. На основе анализа градостроительного законодательства стоит выделить объекты градостроительных споров, к которым относятся градостроительные документации, принятые в отношении определенной территории, земельных участков и объектов капитального строительства. Все конфликты, так или иначе связанные с градостроительством, как правило, ущемляют либо нарушают право собственника распоряжаться, владеть или

пользоваться объектами недвижимости, поэтому правообладатели вправе защищать от нарушений свои права. Участниками выступают РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, физические и юридические лица.

На основании вышеизложенного предлагаем определение градостроительного спора как правоотношение, регулируемое нормами градостроительного, земельного, гражданского, муниципального, жилищного, административного, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права и разрешаемое дозволенными законом методами, возникающее между физическими и юридическими лицами, органами государственной власти и местного самоуправления при нарушении или оспаривании их субъективных прав на объекты недвижимости, интересов или обязанностей по содержанию градостроительных правоотношений.

Градостроительные споры могут быть рассмотрены относительно имущественных прав, технических регламентов, пожарной и экологической безопасности, требований гражданской обороны и сохранения объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий, инженерно-технических требований, архитектурно-эстетического облика объектов, учитывая экономические и социальные факторы осуществления градостроительной деятельности. Градостроительный спор напрямую связан с той или иной деятельностью в данной сфере. В частности, на основе установленного ст. 1 ГрК РФ определения можно выделить следующие виды:

1) споры, возникающие в отношении документов территориального планирования и градостроительного зонирования;

2) споры, возникающие в отношении документации по планировке территории;

3) споры, возникающие при архитектурно-строительном проектировании, строительстве, капитальном ремонте, реконструкции, сносе или эксплуатации зданий, сооружений;

4) споры, связанные с нарушением комплексного развития территорий (далее – КРТ) и их благоустройства.

С учетом федерального законодательства целесообразно выделить виды споров в зависимости от субъектного состава градостроительных отношений:

– градостроительные споры, в которых обеими сторонами выступают органы государственной власти и местного самоуправления (например, споры о распоряжении местными властями федеральными земельными участками в результате принятой документации по КРТ без соответствующего согласования с федеральным органом исполнительной власти);

– градостроительные споры, в которых органы местного самоуправления, федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы субъектов РФ являются только одной из сторон (например, споры, связанные с отказом в предоставлении разрешения на строительство или ввода в эксплуатацию объекта);

– градостроительные споры, возникающие между физическими и (или) юридическими лицами в области градостроительной деятельности.

Проведенное исследование позволило нам определить общее понятие градостроительного спора и выделить основные его виды. Это в дальнейшем может способствовать правильному разграничению дел, вытекающих из градостроительных правоотношений, для правомерного их рассмотрения и разрешения в судебном порядке.

Библиографический список

1. Градорегулирование: основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости / рук. авт. кол. Э. К. Трутнев. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 296 с.

2. Болтанова Е. С., Романова О. А., Бандорин Л. Е. Градостроительное право: учебник. М.: Проспект, 2024. 312 с.

3. Болтанова Е. С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. 2017. № 10 (250). С. 81–91.

4. Камышанский В. П. Реконструкция Краснодара: законность и целесообразность (проблемы соотношения): учеб. пособие. Краснодар, 2006. 125 с.

5. Кольба А. И. Политико-управленческие аспекты регулирования градостроительных конфликтов // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 297–306.

6. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

7. *Микулина Е. В.* Градостроительные отношения как сфера муниципального регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 41–45.

8. *Перькова М. В., Вайтенс А. Г., Баклаженко Е. В.* Классификация градостроительных конфликтов // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2018. № 12. С. 83–90.

9. *Селиверстов А. А., Мантул Г. А.* Понятие и соотношение публичного и частного права в Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ имени И. Т. Трубилина, 2023. С. 364–368.

10. *Серая Н. А.* Договор строительного подряда в градостроительной сфере в системе гражданско-правовых договоров // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 27 апреля 2017 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2017. С. 158–161.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

УДК 347.2
ББК 67.4/67.9

А. А. Амангельды

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Университета Кунаева,
доктор юридических наук
Казахстан, г. Алматы
aizhan_amangeldy@mail.ru

**ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ПРАКТИКЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ**

**INTELLECTUAL PROPERTY LAW
IN THE PRACTICE OF SUBSURFACE USE**

В статье исследована взаимосвязь между правом интеллектуальной собственности и правом недропользования. Автором предпринята попытка раскрыть правовую природу геологической информации. Предлагается авторское видение относительно вопроса об отнесении геологической информации к числу объектов права интеллектуальной собственности. В статье показана связь отношений в сфере недропользования с авторским правом, поскольку многие процессы основаны на применении программ ЭВМ, информационных систем, иного программного обеспечения. Кроме того, утверждается, что деятельность недропользователей неразрывно связана с изобретениями как объектами патентного права, начиная от геологоразведочных, изыскательских работ и завершая добычей полезных ископаемых. Связь средств индивидуализации и недропользователей также очевидна, поскольку каждый недропользователь выступает в гражданском обороте под своим фирменным наименованием, выпускает продукцию под товарным знаком или знаком обслуживания. Нередко недропользователи допускают нарушение исключительных прав правообладателей, что приводит не только к судебным спорам, но и к убыткам при использовании контрафактного товара.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, недропользование, геологическая информация, цифровизация, информационные системы, научно-исследовательские и опытно-

конструкторские работы, топливно-сырьевой комплекс, исключительные права.

The article examines the relationship between intellectual property rights and subsoil use rights. The author attempts to reveal the legal nature of geological information and proposes an original perspective on classifying geological information as an object of intellectual property rights. The study demonstrates the connection between subsoil use relations and copyright law, as many processes rely on computer programs, information systems, and other software applications. Furthermore, the article argues that subsoil users' activities are inherently linked to inventions as objects of patent law - from geological exploration and survey work to mineral extraction. The connection between means of individualization and subsoil users is equally evident, since each subsoil user operates in civil commerce under their corporate name and markets products under trademarks or service marks. The study notes that subsoil users frequently violate rights holders' exclusive rights, leading not only to legal disputes but also to financial losses when using counterfeit products.

Keywords: intellectual property, subsoil use, geological information, digitalization, information systems, research and development, fuel and raw materials sector, exclusive rights.

Сфера недропользования является трудоемкой. В течение последних лет развитие технологий, внедрение цифровизации и искусственного интеллекта в производственные процессы содействуют дальнейшей индустриализации промышленности. Интеллектуальная деятельность занятых в этой сфере специалистов обеспечивает поступательное развитие технологий в разведке, бурении, геологическом изучении и использовании природных ресурсов недр. В результате творческой интеллектуальной деятельности создают решения, способные обеспечивать технические, технологические, экономические и социальные условия для развития производства в топливно-сырьевой, энергетической сферах в целях рационального использования ресурсов недр и охраны окружающей среды. Это подтверждено и исследованиями

об отнесении результатов интеллектуальной деятельности к объектам, применяемым в недропользовании¹.

В настоящее время к тенденциям развития сферы недропользования можно отнести применение результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских, технологических работ, которые являются охраняемыми в порядке, предусмотренном законодательством Республики Казахстан (РК). Эти объекты прав не имеют, как правило, материальной формы, хотя служат предметом коммерциализации и представляют собой имущественную ценность для их обладателей.

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации заняли свое место в гражданском обороте, исключительные права на них являются абсолютными и могут быть предметом сделок. Их значение приобретает с каждым днем все большую актуальность вследствие процессов широкого внедрения технологий практически во всех сферах общественных отношений, создания «умных городов» в Казахстане, коммерциализации результатов творческой деятельности. Вопросы оборотоспособности объектов интеллектуальной собственности и исключительных прав на них всегда вызывали научный интерес.

Применительно к объектам интеллектуальной собственности следует указать, что складывается множество правовых отношений: между автором (соавторами) и работодателем, правообладателем, между изобретателями и правообладателями, уполномоченными органами и организациями, которые носят специфический характер, объясняемый природой права интеллектуальной собственности. Они основаны на свободе творчества и науки, строгом соблюдении требований законодательства в целях обеспечения надлежащей охраны.

В Казахстане, к сожалению, не всегда представлены правообладатели необходимых технологий. Поэтому такую потребность обеспечивали часто иностранные специалисты. Однако законодательство РК требует привлечения отечественных ученых и специалистов для обеспечения внутривостановой

¹ Левочкин В. В. Объекты гражданских прав в недропользовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. С. 7; Камышанский В. П. О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15.

ценности, что предусмотрено п. 7 Правил финансирования научно-исследовательских, научно-технических и (или) опытно-конструкторских работ в размере одного процента от расходов на добычу, понесенных недропользователем в предыдущем году¹. Это видится вполне справедливым и необходимым для развития казахстанской науки и производства.

Существующие проблемы, возникшие после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, усугубившиеся трудности геополитического характера ограничивают импорт технологий в Казахстан. Поэтому недропользователям сегодня требуются новые инновационные стратегии и планы для обеспечения импортозамещения. Это необходимо для оптимизации производства в целях снижения затрат и себестоимости, получения большей прибыли.

Государству об этих проблемах известно, и они служат предметом особого внимания. Профильные государственные органы продолжают проводить огромную работу по цифровизации сферы недропользования. Созданы новые информационные системы, позволяющие контролировать выполнение недропользователями обязательств по контрактам и лицензиям, оцифрован порядок предоставления лицензий на разведку, добычу полезных ископаемых и иных государственных услуг.

В соответствии со ст. 961 Гражданского кодекса (ГК) РК объектами права интеллектуальной собственности выступают результаты интеллектуальной творческой деятельности (объекты авторского права, смежных прав, патентного права, ноу-хау, топологии интегральных микросхем и т.д.) и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг (товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и т.д.). Согласно ст. 962 ГК РК права на объекты интеллектуальной собственности возникают ввиду факта их создания либо вследствие предоставления правовой охраны

¹ Об утверждении Правил финансирования научно-исследовательских, научно-технических и (или) опытно-конструкторских работ в размере одного процента от расходов на добычу, понесенных недропользователем в предыдущем году: совместный приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 30 мая 2018 г. № 410 и Министра образования и науки Республики Казахстан от 31 мая 2018 г. № 245 // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32807029&pos=22;-52#pos=22;-52 (дата обращения: 23.05.2025).

уполномоченным государственным органом в случаях и порядке, предусмотренных ГК РК и иными законодательными актами.

Любой объект права интеллектуальной собственности в определенном смысле содержит информацию и имеет идеальную природу. В практике недропользования интерес вызывает геологическая информация. Попытаемся определить, к какому институту права интеллектуальной собственности она относится.

Минерально-сырьевые ресурсы, расположенные на территории конкретной страны, можно считать базовыми экономическими ценностями, наличие которых при эффективном использовании определяет благосостояние живущих народов и геополитическое значение этой страны. Для установления количества и качества минерально-сырьевых ресурсов требуется так называемая документированная геологическая информация о недрах. Тем самым можно утверждать, что существует два вида геологических ресурсов недр: взаимосвязанные минерально-сырьевые и информационно-геологические ресурсы, но первичны для определения и оценки минерально-сырьевых ресурсов информационные геологические ресурсы. Без них не будет объективных минерально-сырьевых ресурсов. Ценность геологической информации о недрах определяется прежде всего социально-экономической значимостью объекта минерально-сырьевых ресурсов, выявленного и оцененного в процессе геологического изучения недр. Поэтому размер платы за его использование в условиях рыночной экономики должен быть определен на конкурсах и аукционах при передаче объектов недропользователям, исходя из рыночной ситуации и, очевидно, не устанавливается правительством¹.

В. Б. Агафонов предлагает понятие «геологическая информация о недрах» рассматривать не только в узком значении, как «совокупность сведений, полученных при изучении, использовании и охране недр», но и в более широком смысле, то есть как информационную систему, представляющую собой совокупность геологических информационных ресурсов².

¹ Зайченко В. Ю. Интеллектуальная собственность и недропользование: монография. М.: Геоинформмарк, 2004. С. 14.

² Агафонов В. Б. Право собственности на геологическую информацию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

Согласно п. 1 ст. 75 Кодекса РК «О недрах» (далее – Кодекс о недрах) геологической информацией признаны сведения о вещественном составе, геологическом строении и истории, геологических, геохимических, геофизических, гидрогеологических, геоморфологических и тектонических особенностях недр и их участков, месторождений и проявлений полезных ископаемых, зафиксированные на любом носителе и имеющие реквизиты, позволяющие идентифицировать эти сведения¹. Таким образом, сведения служат основой геологической информации.

Возникает вопрос о том, возможно ли данную информацию отнести к объектам права интеллектуальной собственности и, если возможно, то к какому именно из институтов права интеллектуальной собственности. В п. 1 ст. 75 Кодекса о недрах предусмотрено, что к природным носителям геологической информации относятся керны буровых скважин, пробы полезных ископаемых, углекислых газов, меркаптанов, воды, образцы пород и минералов, пробы и коллекции каменного материала, шлифы, аншлифы, минеральные растворы и порошки.

К искусственным носителям геологической информации отнесены журналы полевых наблюдений, опробования, анализов проб, регистрации геофизических наблюдений, геологические отчеты, отчеты о результатах геологоразведочных работ, отчеты об оценке ресурсов и запасов полезных ископаемых, бумажные и электронные носители первичных полевых данных и результатов обработки, интерпретации, анализа и обобщения геологической информации². Накопление и обновление геологической информации важны для Казахстана как для страны, в которой осуществляется добыча полезных ископаемых, и ее получение требует определенного мыслительного процесса, особых умений от специалистов и ученых.

Геологическая информация и особенности ее гражданского оборота недостаточно изучены и урегулированы ГК РК. Тем не менее очевиден тот факт, что указанная информация не является объектом материального мира. Исходя из определения, можно

¹ О недрах и недропользовании: кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 2017 г. № 125-VI // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31764592&sub_id=750000&pos=1547;-19#pos=1547;-19 (дата обращения: 23.05.2025).

² Там же.

утверждать, что сведения, составляющие геологическую информацию, возникают как в результате простой фиксации описания, фактов наблюдения и лабораторного анализа носителей геологической информации, явлений в первозданном виде, так и в результате интеллектуальной деятельности при интерпретации, анализе, изучении и обобщении (производная геологическая информация)¹.

Под геологической информацией следует понимать существующую информацию о строении месторождений, запасов полезных ископаемых, условий их залегания и возможных путях использования, о геологическом строении и истории развития отдельных участков и земной коры в целом². С учетом приведенных положений становится очевидным, что геологическая информация как объект гражданских прав относится к информации.

Вместе с тем ряд исследователей обсуждают вопросы отнесения геологической информации к объектам авторского права. По мнению П. А. Шеметова и А. У. Давранбекова, объектами авторского права могут быть многие виды документированной геологической информации о недрах. Например, геологические отчеты, являющиеся результатом творческого труда, по подбору, расположению и содержанию материала представляющие собой типичные составные произведения. Отчеты о подсчетах запасов полезных ископаемых на разведанных месторождениях, содержащие карты, разрезы, подсчетные планы и другие аналитические материалы представляют собой производные произведения³. Авторы относят практически любую геологическую информацию к научным произведениям, то есть к объектам авторского права⁴.

¹ Комментарий к Кодексу Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» / В. И. Адживефаев, Ж. С. Елюбаев, Д. Е. Ерешев [и др.]. Нур-Султан, 2022. 544 с. // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37330151&pos=4990;-53#pos=4990;-53 (дата обращения: 23.05.2025).

² Шеметов П. А., Давранбеков А. У. Геологическая информация о недрах как объект имущественных и личных неимущественных прав в недропользовании // Национальный центр геодезии и картографии (НЦГК). URL: <https://geokart.3dn.ru/publ/2-1-0-28> (дата обращения: 23.05.2025).

³ Шеметов П. А., Давранбеков А. У. Указ. соч.

⁴ Там же.

Согласно законодательству РК объектами авторского права выступают карты, планы, эскизы, иллюстрации и трехмерные произведения, относящиеся к географии, топографии и другим наукам. Потенциально геологическая информация может быть объективирована в любой из этих форм. Однако существуют и иные мнения о геологической информации. Некоторые ученые, наоборот, считают, что геологическую информацию невозможно отнести к объектам права интеллектуальной собственности¹.

Р. О. Оганесян открывает для себя в геологической информации возможность охраны патентом на промышленный образец (ст. 1377 ГК РФ). По мнению исследователя, если геологическая информация представлена в виде цифровой информации (например, результаты геофизического исследования скважин), то может охраняться как база данных (ст. 1262 ГК РФ)². Иная текстовая и картографическая информация может выступать как секрет производства (ноу-хау). С точки зрения Р. О. Оганесян, геологическая информация обладает всеми признаками секрета производства (ноу-хау). Во-первых, секретом производства (ноу-хау) в соответствии со ст. 1465 ГК РФ признаны сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность ввиду неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны³. Р. О. Оганесян считает, что в данном объекте содержится информация, имеющая потенциальную коммерческую ценность⁴. По мнению ученого, геологическая информация может выступать

¹Беляков В. Г., Федченко А. А. Законодательное регулирование прав на геологическую информацию // Записки Горного института. 2011. Т. 191. С. 34.

² Оганесян Р. О. Некоторые проблемы правовой охраны интеллектуальных прав в сфере геологического изучения и использования недр // Законность и правопорядок в современном обществе: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 16 мая 2011 г.) / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2011. С. 83.

³ Оганесян Р. О. Указ. соч. С. 84.

⁴ Там же.

и объектом патентного права, и в качестве ноу-хау, то есть в виде нераскрытой информации.

Следовательно, геологическая информация может служить объектом авторского права, патентного права и нераскрытой информации. С учетом того, что геологическая информация действительно выступает в качестве ценного актива, поскольку служит объектом коммерциализации и ее применение приносит большой доход недропользователю, авторы этой информации должны иметь право на вознаграждение.

Для геологической информации характерна идеальная природа, что относит ее к категории объектов интеллектуальной собственности. В таком случае права на нее должны быть исключительными.

Однако в п. 2 ст. 75 Кодекса о недрах предусмотрено, что геологическая информация находится в государственной собственности (государственная геологическая информация), если она получена за счет бюджетных средств или передана в собственность государству в соответствии с настоящим Кодексом. Геологическая информация, полученная за счет средств недропользователя, находится в частной собственности (частная геологическая информация). Частная геологическая информация, содержащаяся в геологической отчетности и иной документации, представляемой государственным органам в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, передается государству в бессрочное владение и пользование.

Из указанного выше следует, что законодатель распространяет на геологическую информацию режим права собственности, но в таком случае эта информация должна быть выражена или носить (иметь) материальную форму. Вместе с тем в юридической литературе в основном прослеживается мнение о ее нематериальном характере¹.

Если геологическую информацию отнести к объектам интеллектуальной собственности, то и права на нее должны быть соответствующими, то есть исключительными для ее правообладателя, который вправе ее передать полностью или

¹ Хамитов Р. А. Геологическая информация и право собственности // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий: сб. ст. по материалам VII Межрегиональной науч.-практ. конф. (Уфа, ноябрь, 2008 г.) / отв. ред. В. Н. Пучков. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2008. С. 17.

частично, тем самым получив доход. Ее автор-создатель обладает личными неимущественными правами.

На наш взгляд, законодателем при распространении на геологическую информацию режима права собственности не учтена идеальная природа рассматриваемого объекта прав. Интересным в этой связи видится содержание ст. 51 Модельного кодекса «О недрах и недропользовании для государств – участников СНГ», поскольку в ней отражена исключительная природа прав на геологическую информацию. В частности, в ст. 51 Модельного кодекса содержится утверждение о том, что исключительные права на геологическую и иную информацию (первооткрывательство, реализованные прогнозы) о недрах (интеллектуальная собственность) возникают в случае признания этой информации результатом интеллектуальной деятельности, если это не будет противоречить настоящему Кодексу и иным законам¹. Из приведенного акта следует, что все-таки в геологической информации представлены качества объекта интеллектуальной собственности.

Ст. 91 Кодекса о недрах предусматривает, что обладатель лицензии на геологическое изучение недр вправе свободно распоряжаться геологической информацией, полученной им в результате геологического изучения. Пункт 2 этой статьи гласит о том, что геологическая информация, полученная недропользователем в результате геологического изучения в соответствии с настоящей статьей, подлежит безвозмездной передаче в пользование уполномоченному органу по изучению недр в течение месяца со дня окончания срока лицензии. Уполномоченный орган по изучению недр раскрывает такую геологическую информацию по истечении пяти лет со дня ее получения (срок конфиденциальности). Однако лицензия на геологическое изучение недр дает только право недропользования, но не исключительные права на информацию.

Анализ законодательства РК о недрах отражает двойственную природу геологической информации: как объекта права собственности и как объекта права интеллектуальной собственности. На наш взгляд, геологическую информацию

¹ О недрах и недропользовании для государств – участников СНГ: модельный кодекс от 7 декабря 2002 г. // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30159709&pos=341;-59#pos=341;-59 (дата обращения: 23.05.2025).

следует признать объектом интеллектуальной собственности, в частности нераскрытой информации, поскольку очевидны и информационная природа объекта, и ее режим. Геологическая информация может быть технического или коммерческого характера, доступ к ней должен быть ограничен, использование становится возможным только на законном основании, а значит, ее обладатель имеет право на ее защиту. Ее передача уполномоченному органу должна осуществляться на основании лицензионного договора, хотя и безвозмездного. С учетом того, что геологическая информация может быть документированной (бумажной или цифровой), то есть с момента придания объективной формы геологической информации, обладающей новизной и оригинальностью, имеющей высокий интерес с точки зрения научного поиска и являющейся произведением науки (геологические отчеты, карты, научные материалы, результаты анализа и исследований, подбор данных), она также может выступать в качестве объекта авторского права.

Соответственно, на геологическую информацию должно быть распространено действие ст. 968 ГК РК, согласно которой исключительное право на результат интеллектуальной творческой деятельности или средство индивидуализации существует независимо от права собственности на материальный объект, в котором такой результат или средство индивидуализации выражены¹.

Сфера недропользования очень тесно связана с правом интеллектуальной собственности, например с авторским правом: объектом авторского права выступает программа ЭВМ, в сфере недропользования, как правило, все процессы автоматизированы, начиная от документооборота, мониторинга информации в сфере недропользования, информации расчетов запасов недр, отчетов недропользователей по выполнению обязательств, загрязнения земельных участков, на которых осуществлены операции по недропользованию и т.д. Многие программы ЭВМ включают в себя географические карты, которые также отнесены к объектам авторского права.

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880&pos=4591 (дата обращения: 23.05.2025).

В недропользовании используют географические информационные системы (ГИС), основанные на программах ЭВМ, базирующихся на информации, включающей в себя сведения о расположении месторождений недр. Отчетность недропользователи также передают уполномоченным органам посредством информационных систем. К примеру, в этом качестве выступает Единая государственная система управления недропользованием в Республике Казахстан¹. Данная система позволяет упростить процесс передачи отчетности в уполномоченные органы, обеспечивает прозрачность и доступ к информации, ее мониторингу по выполнению обязательств недропользователями. Ведущими программами компьютерного обеспечения, применяемыми в сфере недропользования, выступают Mining Systems Ltd (AQUILA); Software Inc (GEOSTAT), POLYCAD; LYNX, Gcosystem Inc и Voxel Analyst; Surpac Software International, Data Mine².

В целом деятельность в недропользовании неразрывно связана с изобретениями как объектами патентного права, начиная от геологоразведочных, изыскательских работ и завершая добычей полезных ископаемых. Например, буровые установки запатентованы в различных странах мира в качестве изобретений. При геологоразведочных работах используют новые технологии, которые также относятся к изобретениям.

Исторически бурение изначально осуществляли кустарным способом. Развитие промышленности связывают с именем инженера Э. Дрейка, который внедрил систему нефтяных установок в бурении. Далее этими способами начали добывать нефть и другие недропользователи. С учетом того, что сфера добычи нефти была очень прибыльным делом, это позволило направлять часть капиталов на развитие техники. Далее внедрена система производительного роторного (вращательного) бурения. Вращательная установка изобретена в 1889 г. Чепменом, принцип работы механизма по-прежнему используют и в настоящее время. Именно с ее помощью в 1901 г. пробурена

¹ Список опубликованных отчетов // Единая государственная система управления недропользованием в Республике Казахстан. URL: <https://egsu.energo.gov.kz/webapp/pages/home.jsf> (дата обращения: 23.05.2025).

² Применение компьютерных программ при подсчете запасов // Studme.org. URL: https://studme.org/162100/geografiya/primenenie_kompyuternyh_programm_podsc_hete_zapasov (дата обращения: 23.05.2025).

первая нефтяная скважина¹. Затем бурение стало основываться на ударно-канатном способе².

В 1899 г. в России запатентован электробур на канате. В 30-х гг. XX века в США прошел промышленные испытания электробур с якорем для восприятия реактивного момента, опускавшийся в скважину на кабеле-канате. В 1936 г. впервые в СССР Квитнером и Н. В. Александровым разработана конструкция электробура с редуктором, а в 1938 г. А. П. Островским и Н. В. Александровым создан электробур, долото которого приводится во вращение погружным электродвигателем. В 1940 г. в Баку электробуром пробурена первая скважина³.

В 1922 г. советскими учеными сделано крупное открытие: создан турбобур. Поэтому практика бурения в СССР основана на механизме указанного инструмента. В настоящее время патентов на изобретение в горной отрасли много (к примеру, созданные разным способом буровые установки)⁴.

В Казахстане объектами изобретений, согласно п. 2 ст. 6 Патентного закона РК, являются штаммы микроорганизмов, культуры клеток растений и животных. Как известно, при добыче полезных ископаемых возможно нанесение вреда окружающей среде, экологии. Неслучайно в этой сфере разработали штаммы микроорганизмов, которые поедают пятна загрязнения на поверхности рек, озер, морей, океанов, появившихся в результате пролива нефти, нефтесодержащих продуктов⁵.

¹ Бурение на нефть // Рыжов К. 100 великих изобретений. Royallib.com: электрон. библиотека. URL: https://royallib.com/read/rigov_konstantin/100_velikih_izobreteniy.html#1206657 (дата обращения: 23.05.2025).

² Бурение и ремонт скважин на Алтае // Востокбурвод. URL: <https://vov22.ru/?ysclid=mci7ddut3c613872603> (дата обращения: 23.05.2025).

³ История бурения // Союз горных инженеров: отраслевой портал о горнодобывающей промышленности. URL: <http://www.mining-portal.ru/news/all-news/istoriya-bureniya/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁴ Буровая установка // Яндекс.Патенты. URL: https://yandex.ru/patents/doc/RU2337227C1_20081027 (дата обращения: 23.05.2025); Буровая установка // Freepatent. URL: <https://www.freepatent.ru/patents/2522472> (дата обращения: 23.05.2025).

⁵ Российские ученые нашли «поедающие» нефть бактерии // Zakon.kz. 2023. 11 апреля. URL: <https://www.zakon.kz/nauka/6389958-rossiyskie-uchenye-nashli-poedayushchie-neft-bakterii.html> (дата обращения: 23.05.2025).

В казахстанском праве недропользования определен порядок закупок научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Компании самостоятельно путем объявления тендеров заключают договоры на выполнение НИОКР поставщиков, в качестве которых выступают аккредитованные научные институты или автономные организации образования. Однако данная практика не лишена и трудностей. Это связано с низким объемом человеческих ресурсов, способных дать качественный научный результат, который удовлетворит потребности недропользователя в оптимизации технологических процессов.

Поэтому нередко прибегают к помощи зарубежных ученых¹. Но существуют законодательные ограничения по привлечению иностранных ученых и научных организаций, в частности предусмотренные Правилами финансирования научно-исследовательских, научно-технических и (или) опытно-конструкторских работ недропользователями в период добычи углеводородов и урана².

Исторически в Казахстане не было законодательного акта, который мог бы обеспечить адекватное правовое регулирование отношений в сфере науки в контексте индустриального развития. Лишь с принятием Закона РК от 9 января 2012 г. № 534-IV «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности» отношения между предпринимателями, государством в сфере науки урегулированы, введены понятия инноваций, коммерциализации, индустриально-инновационной деятельности, стало понятным, на основе каких принципов должно быть обеспечено взаимодействие бизнеса и наук.

В течение некоторого периода действовал Закон РК от 31 октября 2015 г. № 381-V «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности», который

¹ Белицкая А. В., Лахно П. Г. Иностранные инвесторы в сфере недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: правовое регулирование // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2010. Вып. 4. С. 44.

² Об утверждении Правил финансирования научно-исследовательских, научно-технических и (или) опытно-конструкторских работ недропользователями в период добычи углеводородов и урана: совместный приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 31 мая 2018 г. № 222 и Министра образования и науки Республики Казахстан от 31 мая 2018 г. № 244 // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38339876 (дата обращения: 23.05.2025).

регулировал общественные отношения в области коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности как составной части научной сферы, направленной на развитие экономики РК¹. Впоследствии этот Закон РК утратил силу в связи с принятием Кодекса РК от 29 октября 2015 г. № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан», и эти отношения теперь служат предметом регулирования Предпринимательского кодекса РК².

Вместе с тем механизмы финансирования НИОКР остаются предметом острых дискуссий и порождают больше вопросов, чем ответов. Созданные технологические парки, инновационные кластеры, по сути, не смогли обеспечить мощный толчок к созданию широкой базы инноваций в сфере недропользования, несмотря на то, что идея привлечения средств недропользователей для развития науки и изобретений сама по себе имеет большой потенциал.

Казахстанская система финансирования НИОКР недропользователями кардинально изменится к 2024 г., поскольку направление затрат по контрактам и лицензиям недропользователей на НИОКР будет централизованным и направленным в республиканский бюджет³. Попытки централизовать денежные средства для финансирования НИОКР недропользователями в Казахстане предприняты. Так, Фондом национального благосостояния «Самрук-Қазына» создан «Центр научно-технологических инициатив», который в настоящее время преобразован в Фонд «Центр Научно-Технологических Инициатив

¹ О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности: закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 381-V // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31806330 (дата обращения: 23.05.2025).

² Предпринимательский кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854 (дата обращения: 23.05.2025).

³ В Казахстане увеличится финансирование науки за счет недропользователей // Министерство энергетики Республики Казахстан: офиц. сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/206658?lang=ru> (дата обращения: 23.05.2025).

“Самгау”¹. Однако такая инициатива ни к чему не приведет, поскольку наукой должны заниматься ученые, а не бизнесмены.

Между тем следует упомянуть об активности в получении патентов недропользователями, такими как Shell и Exxon Mobil, PetroChina². К примеру, Shell патентует свои объекты в национальных патентных ведомствах каждого государства (73% патентов), на долю Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Европейского патентного ведомства (ЕПО) приходится 27% патентов³. Необходимость патентной активности казахстанскими недропользователями более чем очевидна. К этому обязывает позиция Казахстана в добыче природных ресурсов и полезных ископаемых в мировой экономике, тем более что законодательная база это позволяет обеспечить.

Связь средств индивидуализации и недропользователей также очевидна, поскольку каждый недропользователь выступает в гражданском обороте под фирменным наименованием, выпускает продукцию под товарным знаком или знаком обслуживания (Шеврон, Эксон мобил, Лукойл, Карачаганак Петролиум Оперейтинг и т.д.). Как правило, это комбинированные товарные знаки в виде рисунка и слов⁴.

В данной сфере часто возникают споры в сфере интеллектуальной собственности. Специализированным межрайонным экономическим судом Актюбинской области рассмотрено гражданское дело по иску Товарищества с ограниченной ответственностью (далее – ТОО) «Актобеспецремстрой» к ответчикам АО «СНПС-Актобемунайгаз», ТОО «Актобе НефтеМаш», ТОО «Восток нефть и сервисное обслуживание», ТОО Казахстанско-Китайская буровая компания «Великая стена», ТОО «Батыс Мунай С групп», ТОО

¹ Деятельность // Фонд «Центр Научно-Технологических Инициатив “Самгау”». URL: <https://www.csti.kz/ru/home/about-us/> (дата обращения: 23.05.2025).

² Волков А. Т., Шепелев Р. Е. Патентная активность в нефтегазовом комплексе // Вестник Университета. 2015. № 9. С. 13.

³ Волков А. Т., Шепелев Р. Е. Указ. соч. С. 15.

⁴ The World's Top 100 Mining Companies and Revenues in 2022 // FTM Machinery. July 6. 2024. URL: <https://www.ftmmachinery.com/ru/blog/the-world-top-100-mining-companies-and-revenues-in-2019.html> (дата обращения: 23.05.2025).

«Международная Нефтяная Сервисная компания СИНОПЭК Казахстан», ТОО «Актобе мунай маш комплект» с требованиями:

1) признать действия по ввозу на территорию Республики Казахстан, приобретению, поставке, хранению на территории Республики Казахстан, использованию, по изготовлению, продаже трубной продукции незаконными и нарушающими исключительные права ТОО «Актобеспецремстрой» на интеллектуальную собственность, товарный знак «SEAL-LOCK»;

2) признать трубы, имеющие все резьбовые соединения, обозначенные знаком «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL-APEX», контрафактными и уничтожить за счет их владельцев;

3) признать трубные продукции и любые оборудования с резьбовым соединением, обозначенным знаком «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL-APEX», контрафактными и уничтожить за счет их владельцев;

4) запретить эксплуатацию скважин;

5) признать трубные продукции и любые оборудования товарищества с ограниченной ответственностью «Актобе мунай маш комплект» с резьбовым соединением, обозначенные знаком «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL-APEX», контрафактными и уничтожить;

6) запретить ввоз на территорию Республики Казахстан, изготовление, использование, приобретение, поставку и хранение на территории Республики Казахстан трубной продукции, любого оборудования с резьбовым соединением под обозначением «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL-APEX».

4 декабря 2018 г. товарный знак, имеющий словесное обозначение «SEAL-LOCK», зарегистрирован в качестве товарного знака в государственном реестре товарных знаков Республики Казахстан № 62425 в отношении товаров 06 класса МКТУ на имя владельца ТОО «Актобестроймонтажсервис». 27 декабря 2018 г. зарегистрирован договор уступки № 04-2018790/14, согласно которому владельцем товарного знака является ТОО «Актобеспецремстрой».

Истец обратился в суд с вышеуказанными исковыми требованиями, мотивируя свои требования тем, что является обладателем исключительных прав на товарный знак. Нарушение прав истца выражено в использовании ответчиками обозначения «SEAL-LOCK APEX». Товарные знаки имеют сходство до степени

смешения, однородны. Предлагали заключить лицензионный договор по использованию товарного знака, но обращение оставлено без внимания.

В отзыве ответчик АО «СНПС-Актобемунайгаз» указал на то, что «SEAL-LOCK» и «SEAL-LOCK APEX» являются разными товарными знаками. Обозначение с резьбовым соединением «SEAL-LOCK APEX» принадлежит определенному производителю. Товарный знак истца ими не использован. Скважина служит объектом неделимого недвижимого имущества. Компания «Hunting Energy Services Pte Ltd» является владельцем патента на резьбовое соединение «SEAL-LOCK» и «SEAL-LOCK APEX», имеет международную регистрацию. Продукция «SEAL-LOCK APEX» оригинальна. У истца прослеживаются признаки недобросовестной конкуренции. Обозначение «SL-APEX» не является сходным с обозначением истца. Требования истца нарушают общественные интересы и несут угрозу национальной безопасности. Заключение эксперта проведено с грубым нарушением, анализ является недостоверным.

В отзыве ответчик ТОО Казахстанско-Китайская буровая компания «Великая стена» указала на то, что не принимали участия в тендерах с резьбовым соединением, не являются владельцем обсадных труб. В отзыве ответчик ТОО «Международная Нефтяная Сервисная компания СИНОПЭК Казахстан» указала на то, что обсадные трубы предоставлены заказчиком, применены только при выполнении обязанностей по договорам. В отзыве ответчик ТОО «Батыс Мунай С групп» указал на то, что истец является владельцем товарного знака «SEAL-LOCK», а не «SEAL-LOCK APEX». Выполняли работы по бурению скважин. В отзыве ответчик ТОО «Восток нефть и сервисное обслуживание» указал на то, что не является владельцем обсадных труб. Во всех контрактах ответственность возложена на АО «СНПС-Актобемунайгаз». Представителями ответчика АО «СНПС-Актобемунайгаз» заявлено ходатайство об исключении из состава доказательств заключения РГП «Национальный институт интеллектуальной собственности» от 3 апреля 2020 г.

Руководствуясь ст. 223–226 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, суд решил исковое заявление ТОО «Актобеспецремстрой» удовлетворить частично. Действия ТОО «АктобеНефтеМаш» по ввозу на территорию Республики Казахстан, действия АО «СНПС-Актобемунайгаз», ТОО «АктобеНефтеМаш» по приобретению, поставке, хранению,

применению, действия ТОО «Восток нефть и сервисное обслуживание», ТОО Казахстанско-Китайская буровая компания «Великая стена», ТОО «Батыс Мунай С групп», ТОО «Международная Нефтяная Сервисная компания СИНОПЭК Казахстан» по приобретению, хранению, применению, действия ТОО «Актобе мунай маш комплект» по изготовлению, ремонту, продаже, хранению на территории Республики Казахстан трубной и любой другой продукции с резьбовым соединением под обозначением «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL APEX», признать незаконными и нарушающими исключительные права ТОО «Актобеспечремстрой» на интеллектуальную собственность, товарный знак «SEAL-LOCK».

Трубы и их комплектующие, находившиеся на складе АО «СНПС-Актобемунайгаз», трубы обсадные, находящиеся в стадии доставки на склад АО «СНПС-Актобемунайгаз», решено признать контрафактными и уничтожить за счет их владельцев. Трубные продукции и любое оборудование с резьбовым соединением с обозначением «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL APEX», также признаны контрафактными и подлежат уничтожению за счет их владельцев.

Принято решение запретить АО «СНПС-Актобемунайгаз», ТОО «АктобеНефтеМаш», ТОО «Восток нефть и сервисное обслуживание», ТОО Казахстанско-Китайская буровая компания «Великая стена», ТОО «Батыс Мунай С групп», ТОО «Международная Нефтяная Сервисная компания СИНОПЭК Казахстан», ТОО «Актобе мунай маш комплект» ввоз на территорию Республики Казахстан, изготовление, ремонт, применение, приобретение, поставку и хранение на территории Республики Казахстан трубных продукции и любого оборудования с резьбовым соединением под обозначением «SEAL-LOCK APEX», в сокращенном варианте «SL APEX».

В удовлетворении иска о запрете эксплуатации скважин АО «СНПС-Актобемунайгаз» судом отказано¹. Таким образом, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности должны быть использованы на законном основании, нарушения их влекут не только убытки, но создают

¹ Решение специализированного межрайонного экономического суда Актыбинской области от 1 июля 2021 г. по делу № 1513-20-00-2/956 // Параграф: информ. система. Судебная база. URL: <https://sb.prgapp.kz/lawsuits/2454616> (дата обращения: 23.05.2025).

риски привлечения к административной и даже уголовной ответственности.

В сфере недропользования широко используют почти все объекты интеллектуальной собственности, что требует надлежащего соблюдения прав и законных интересов авторов, изобретателей, правообладателей. Особого внимания требует геологическая информация, которая обладает информационной и идеальной природой, что позволяет отнести ее к объектам интеллектуальной собственности. Но в законодательстве РК о недрах это не предусмотрено, напротив, распространен режим права собственности, что видится не вполне верным. В этой связи институт геологической информации требует пересмотра в законодательстве РК, поскольку это связано с идеальной природой данного объекта, распространения на него режима объекта права интеллектуальной собственности.

В Казахстане со стороны государства наблюдается стремление преобразовать сферу недропользования в более наукоемкую. Это подтверждается законодательными и подзаконными актами, государственными инициативами по активизации взаимодействия науки и бизнеса, активным вовлечением денежных средств предпринимателей в университетскую науку, а также ставит перед недропользователями задачу финансировать научные исследования для внедрения полученных результатов, являющиеся объектами интеллектуальной собственности, в производство в целях оптимизации издержек и увеличения продуктивности.

Библиографический список

1. Агафонов В. Б. Право собственности на геологическую информацию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
2. Белицкая А. В., Лахно П. Г. Иностранные инвесторы в сфере недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: правовое регулирование // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2010. Вып. 4. С. 44–61.
3. Беляков В. Г., Федченко А. А. Законодательное регулирование прав на геологическую информацию // Записки Горного института. 2011. Т. 191. С. 34–37.
4. Бурение на нефть // Рыжов К. 100 великих изобретений. Royallib.com: электрон. библиотека. URL:

https://royallib.com/read/rigov_konstantin/100_velikih_izobreteniy.html#1206657 (дата обращения: 23.05.2025).

5. Волков А. Т., Шепелев Р. Е. Патентная активность в нефтегазовом комплексе // Вестник Университета. 2015. № 9. 2015. С. 11–17.

6. Зайченко В. Ю. Интеллектуальная собственность и недропользование: монография. М.: Геоинформмарк, 2004. 315 с.

7. Камышанский В. П. О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15–21.

8. Левочки В. В. Объекты гражданских прав в недропользовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 25 с.

9. Оганесян Р. О. Некоторые проблемы правовой охраны интеллектуальных прав в сфере геологического изучения и использования недр // Законность и правопорядок в современном обществе: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 16 мая 2011 г.) / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2011. С. 81–85.

10. Российские ученые нашли «поедающие» нефть бактерии // Zakon.kz. 2023. 11 апреля. URL: <https://www.zakon.kz/nauka/6389958-rossiyskie-uchenye-nashli-roedayushchie-neft-bakterii.html> (дата обращения: 23.05.2025).

11. Шеметов П. А., Давранбеков А. У. Геологическая информация о недрах как объект имущественных и личных неимущественных прав в недропользовании // Национальный центр геодезии и картографии (НЦГК). URL: <https://geokart.3dn.ru/publ/2-1-0-28> (дата обращения: 23.05.2025).

12. Хамитов Р. А. Геологическая информация и право собственности // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий: сб. ст. по материалам VII Межрегиональной науч.-практ. конф. (Уфа, ноябрь, 2008 г.) / отв. ред. В. Н. Пучков. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2008. С. 17–21.

13. The World's Top 100 Mining Companies and Revenues in 2022 // FTM Machinery. July 6. 2024. URL: <https://www.ftmmachinery.com/ru/blog/the-world-top-100-mining->

companies-and-revenues-in-2019.html
23.05.2025).

(дата

обращения:

УДК 347.1
ББК 67.4

Д. С. Муртазакулов
профессор кафедры
гражданского права
Таджикского национального
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Таджикистан, г. Душанбе
jamshed_1972@mail.ru

О. В. Зайцев
декан Высшей школы
правоведения
Института государственной
службы и управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте
Российской Федерации
(РАНХиГС),
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Москва
7732371@gmail.com

**РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА**

**CIVIL LAW REFORM
ABOUT LEGAL ENTITIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE
EXPERIENCE OF RUSSIA AND TAJIKISTAN**

В статье проведен анализ изменений гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в аспекте регулирования деятельности юридических лиц. Утверждается, что в период новой индустриализации, развития наукоемкого производства вопросы привлечения инвестиций и выбора оптимальной организационно-правовой формы юридического лица приобретают дополнительное значение. Авторы делают вывод о необходимости учета национальных особенностей развития правовых норм в сфере частного и публичного права, несмотря на заимствование юридических конструкций зарубежных правовых порядков. Согласно авторской позиции, следует учитывать наличие высокого уровня государственного участия в экономике страны для формирования конкурентоспособной системы управления как

отдельными корпорациями, так и экономикой в целом при реализации задач политики индустриализации 2.0.

Ключевые слова: реформа гражданского законодательства, юридические лица, корпорации, корпоративное управление, индустриализация, гражданское законодательство, зарубежный инвестор.

The article analyzes recent amendments to civil legislation in the Russian Federation and Republic of Tajikistan regarding the regulation of legal entities. The authors argue that during the period of new industrialization and development of knowledge-intensive production, matters of investment attraction and selection of optimal legal organizational forms gain particular significance. The study concludes that national peculiarities in the evolution of private and public law norms must be considered, notwithstanding the borrowing of legal constructs from foreign jurisdictions. The authors maintain that the substantial state participation in national economies should inform the development of competitive governance systems - both for individual corporations and the economy as a whole - when implementing Industrialization 2.0 policy objectives.

Keywords: civil law reform, legal entities, corporations, corporate governance, industrialization, civil legislation, foreign investor.

Экономика, ориентированная на рыночные условия хозяйствования, обладает рядом общих признаков, практически не зависящих от национальных, религиозных, политических условий страны. Одним из ключевых элементов такой системы выступают юридические лица как основные субъекты гражданского оборота. Именно от эффективности их деятельности зависит результативность деятельности организации в целом.

Республика Таджикистан находится в условиях реформирования гражданского и корпоративного законодательства. С 1 июля 2023 г. введен в действие новый Гражданский кодекс Республики Таджикистан¹. Схожие

¹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан: принят постановлением МН МОРТ от 23 ноября 2022 г. № 915 и одобрен постановлением ММ МОРТ от 16 декабря 2022 г. № 319 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <https://ncz.tj/content/> (дата обращения: 20.04.2025).

процессы на опережение протекали и в Российской Федерации (РФ)¹. Изменения гражданского законодательства обусловлены сменой (модернизацией) социально-экономического порядка и обнаружением ряда недостатков нормативной базы частноправовых отношений, стремлением к дальнейшей интеграции с мировым сообществом. Особенности системы управления в стране, национально-религиозные традиции не позволяют в полной мере перенять Таджикистану корпоративные механизмы, которые используют в других странах. Несмотря на огромное сближение с Россией и наличие общей правовой традиции, существуют и отличия. Так, А. В. Корнев пишет: «Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют»². Тем не менее параллельный характер происходящих в России и Республике Таджикистан изменений отчетливо прослеживается на современном этапе развития. Как и в России, «переход от индустриального типа промышленности к постиндустриальному требует коренных преобразований и диверсификации многих российских предприятий»³. В Таджикистане «особую актуальность приобретает вопрос пересмотра правового режима юридических лиц, занимающих центральное место в системе механизмов управления рыночной экономикой и являющихся одним из субъектов гражданско-правовых отношений»⁴. В Республике Таджикистан запущены процессы трансформации экономики, переход к новому типу организации промышленности, то есть новый этап индустриализации⁵, определяющий актуальность выбора

¹ Серова О. А. Изменения системы юридических лиц России в условиях реформирования гражданского законодательства: проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 43.

² Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 11.

³ Харитонова Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 3.

⁴ Голованов А. К. Категориальная и субстративная сущность юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. С. 15.

⁵ О Программе ускоренной индустриализации Республики Таджикистан на 2020–2025 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 мая 2020 г. № 293 // Централизованный банк правовой информации Республики

эффективных организационно-правовых форм субъектов коллективного предпринимательства.

Достичь поставленных целей можно лишь при комплексном изменении экономико-правовых подходов. Необходимым представляется активное развитие традиционных для большинства правопорядков видов корпоративных юридических лиц. Нельзя отказываться от признанных в мире акционерных компаний, обществ с ограниченной ответственностью и других видов юридических лиц, имеющих общие признаки. Важной задачей служит и защита прав участников таких организаций. В этой сфере нельзя не учитывать богатый опыт, который наработан в России, несмотря на признание необходимости дальнейшего реформирования норм Гражданского кодекса РФ о юридических лицах¹.

На наш взгляд, к наиболее значимым практикам корпоративного управления, которые могут быть перенесены на территорию Таджикистана, относятся обоснование связи законодательной модели управления юридическими лицами с той или иной моделью корпоративного управления, а также признание важности и эффективности такой формы квазикорпоративной организации, как государственные корпорации (компании) или публично-правовые компании². Как правило, в юридической и экономической литературе освещены модели корпоративного управления, принятые западной правовой традицией. И для Таджикистана, как страны, стремящейся к развитию технологических инициатив, привлечения иностранных инвесторов и реализации проекта

Таджикистан «Адлия». URL: <http://adlia.tj/showdoc.fwx?Rgn=136444> (дата обращения: 12.05.2025).

¹ Камышанский В. П. Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы соотношения // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 38; Курбатов А. Реформа положений ГК РФ о юридических лицах: требуется устранение недостатков // Zakon.ru. 2021. 20 декабря. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/20/reforma_polozenij_gk_rf_o_yuridicheskikh_licah_trebuetsya_ustranenie_nedostatkov (дата обращения: 29.03.2025).

² Муртазакулов Д. С. Значение государственных корпораций в свете разработки нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан: сравнительный анализ // Право и правоприменение в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г.) / ред. И. А. Кравец [и др.]. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 207–210.

ускоренной индустриализации, связь с существующими корпоративными моделями необходима. Зарубежный инвестор должен попадать в условия, близкие с позиции регулирования корпоративных элементов управления юридическими лицами. Это относится не только к нормам Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Более значимым представляется наличие устойчивой доктрины и судебной практики, ориентированных на действующие корпоративные механизмы и правила.

Но существуют и препятствия в рецепции правовых норм. Не все изменения могут стать основой для решения вопроса о пересмотре корпоративных норм в Республике Таджикистан. Это определено и особенностями национальной правовой системы, значительным влиянием арабского права и корпоративных правил, действующих в мусульманских странах. Данное обстоятельство связано в большей степени не с идеологическими вопросами, а с экономикой. Потребности нового этапа индустриализации требуют привлечения широкого круга инвесторов, часть из которых опирается на логику бизнес-процессов и законодательства арабского мира.

Как указано ранее, для Республики Таджикистан важен переход к индустриализации¹. От эффективной системы управления корпорациями, включенными в процессы индустриализации, зависит успешность стратегии, определенной Президентом Республики Таджикистан, Лидером нации Эмомали Рахмоном. Процесс изменения корпоративного законодательства в Республике Таджикистан должен иметь поэтапный характер, без кардинальных перемен в сложившихся моделях управления. Применительно к действующим корпоративным юридическим лицам обратим внимание на то, что выработаны определенные подходы к формированию баланса интересов между общим собранием участников и советом директоров (наблюдательным советом). Желательно, чтобы изменения этих подходов происходили эволюционно, путем решения участников корпорации, а не через императивное изменение

¹ О Программе ускоренной индустриализации Республики Таджикистан на 2020–2025 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 мая 2020 г. № 293 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». URL: <http://adlia.tj/showdoc.fwx?Rgn=136444> (дата обращения: 12.05.2025).

законодательных положений и приведение в соответствие с ними всех организационных и локальных актов компаний. Это позволит обеспечить экономическую стабильность и улучшить инвестиционный климат.

Доктрине гражданского права в Таджикистане следует развивать диспозитивные подходы к регламентации корпоративных механизмов, проведению разъяснительной работы и на уровне судебных органов, и для органов управления юридическими лицами. М. О. Тураева справедливо пишет: «Национальные стратегии экономического развития в переходных странах должны основываться, прежде всего, на понимании особенностей национальных хозяйственных систем»¹.

Национальная модель рыночной экономики включает в себя ряд характерных черт: многовековое доминирующее положение и традиционность коллективной общинной формы труда, парцеллярное возделывание земли на арендной основе, трудоизбыточность и низкую техническую грамотность, повышенный уровень рождаемости и разобщенность отдельных зон республики. В Таджикистане доминирующее положение государства в условиях перехода к полноценной рыночной экономике должно быть сохранено. Этап глобализации, как единственно возможного пути общественного и экономического развития в настоящее время фактически завершен. Это следует и из общей оценки происходящих изменений, и из более трезвой экспертной оценки внутренней ситуации в стране, и из влияния глобализационных процессов на безопасность государства².

Изложенное свидетельствует о необходимости выработки новых форм участия государства в экономике. Продвижение задачи реформирования промышленности в стране необходимо осуществлять через конструкцию государственных компаний, которые по аналогии с российским правом следует наделять и публично-правовыми функциями. В этом случае государственная корпорация будет решать стратегические задачи

¹ Тураева М. О. Национально-хозяйственная система Республики Таджикистан в экономическом пространстве Центральной Азии: механизмы регулирования и приоритеты развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. С. 2.

² Тагоев Б. Д. Обеспечение экономической безопасности в условиях глобализации: подходы и инструменты // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 8. С. 29–30.

индустриализации страны, изменения социально-экономического развития регионов Таджикистана через набор публично-правовых функций. При этом в сфере гражданского оборота данные компании будут функционировать как субъекты частного права. При этом целесообразно учитывать и негативную практику. Но создание смешанных организаций, основанных на признаках унитарных юридических лиц с внедрением корпоративной модели управления, позволит подготовить почву для дальнейшего усиления роли частных организаций.

Таким образом, изменение законодательной базы и формирование непротиворечивой правоприменительной и судебной практики в аспекте регулирования вопросов управления юридическими лицами окажет существенное влияние на процесс «привлечения инвестиций в целях ускорения процессов социально-экономического развития» Республики Таджикистан¹, станет основой совершенствования «институциональной базы и развития межгосударственного сотрудничества, в первую очередь на “российском” направлении, так как доказано, что главнейшим стратегическим партнером Таджикистана является Российская Федерация, с которой необходимо налаживать и развивать двусторонние отношения, особенно учитывая политическую конъюнктуру, сложившуюся в последнее время»².

Библиографический список

1. Бердиев Р. Б. Институциональные факторы инвестиционного развития в постсоветском пространстве (на материалах Республики Таджикистан): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Бишкек, 2012. 42 с.
2. Голованов А. К. Категориальная и субстративная сущность юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. 183 с.
3. Камышанский В. П. Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы

¹ Бердиев Р. Б. Институциональные факторы инвестиционного развития в постсоветском пространстве (на материалах Республики Таджикистан): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Бишкек, 2012. С. 3.

² Тураева М. О. Указ. соч. С. 8, 14.

соотношения // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 38–41.

4. Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 11–22.

5. Курбатов А. Реформа положений ГК РФ о юридических лицах: требуется устранение недостатков // Zakon.ru. 2021. 20 декабря. URL:

https://zakon.ru/blog/2021/12/20/reforma_polozhenij_gk_rf_o_yuridicheskikh_licah_trebuetsya_ustranenie_nedostatkov (дата обращения: 12.05.2025).

6. Муртазакулов Д. С. Значение государственных корпораций в свете разработки нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан: сравнительный анализ // Право и правоприменение в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г.) / ред. И. А. Кравец [и др.]. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 207–210.

7. Серова О. А. Изменения системы юридических лиц России в условиях реформирования гражданского законодательства: проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 43–48.

8. Тагоев Б. Д. Обеспечение экономической безопасности в условиях глобализации: подходы и инструменты // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 8. С. 29–35.

9. Тураева М. О. Национально-хозяйственная система Республики Таджикистан в экономическом пространстве Центральной Азии: механизмы регулирования и приоритеты развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. 43 с.

10. Харитонов Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 68 с.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

УДК 343.13
ББК 67.410.9

Д. Е. Бреев

аспирант

Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Красноярск
d.breev@mail.ru

О НОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE NEW REGULATION OF JUDICIAL CONTROL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье выполнен комплексный анализ проблем, связанных с практической реализацией судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Институт судебного контроля возрожден в российском законодательстве в сложный социально-политический период, что во многом предопределило его несовершенство и незрелость. Исследование в сравнении с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), принятого в условиях большей политической независимости, показало гораздо лучшее его соответствие своему социальному назначению. Схожий характер судебного контроля в административном и уголовном судопроизводстве приводит к выводу о рассмотрении контрольных правоотношений в последнем случае как самостоятельных. В частности, как административных, но вместе с тем обусловленных уголовно-процессуальной деятельностью уполномоченных органов, а следовательно, имеющих собственный механизм правового регулирования, основанный на собственной системе принципов судопроизводства. Указанное, в свою очередь, нуждается в законодательном оформлении. Сформулированные автором идеи и выводы могут быть полезны в дальнейших исследованиях и нормотворческом процессе, посвященных изложенным проблемам.

Ключевые слова: судебный контроль, судебские полномочия, уголовное судопроизводство, ограничение прав и свобод,

принципы уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство, досудебное производство.

The article presents a comprehensive analysis of problems related to the practical implementation of judicial control in criminal proceedings. The institution of judicial control was revived in Russian legislation during a complex socio-political period, which largely predetermined its imperfections and immaturity. A comparative study with the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAP RF), adopted under conditions of greater political independence, demonstrated its significantly better alignment with its social purpose. The similar nature of judicial control in administrative and criminal proceedings leads to the conclusion that control legal relations in the latter case should be considered as independent. Specifically, as administrative yet conditioned by the criminal procedural activities of authorized bodies, and consequently possessing their own legal regulation mechanism based on a distinct system of procedural principles. This, in turn, requires legislative formalization. The author's formulated ideas and conclusions may prove valuable for further research and norm-setting processes addressing the outlined problems.

Keywords: judicial control, judicial powers, criminal proceedings, restriction of rights and freedoms, principles of criminal proceedings, criminal procedural legislation, pre-trial proceedings.

Реформы уголовно-процессуального законодательства, полноценно вернувшие институт судебного контроля после почти 70-летнего забвения, вселяли надежду в научных и практических кругах на взвешенное применение мер процессуального ограничения основных прав и свобод, особенно предварительного заключения под стражу. Период конца 1990-х – начала 2000-х ознаменован множеством научных работ, посвященных теме правового регулирования судебного контроля, места и роли судебной власти на стадии предварительного расследования.

Постепенно первоначальное восторженное приветствие контрольных полномочий суда сменилось полным разочарованием, выводами о бессмысленности института судебного контроля, недостижении целей, которыми обосновано его возрождение, и большей эффективности прокурорского

надзора¹. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, удовлетворено 90 % и более ходатайств о заключении под стражу, из них свыше 40 % – в отношении лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, более 85 % – в отношении женщин, более 70 % – в отношении несовершеннолетних. Удовлетворено почти 98 % ходатайств о продлении срока содержания под стражей, превышающего 12 месяцев, более чем в 98% случаев удовлетворяют ходатайства о производстве обыска (выемки) в жилище, о контроле и записи телефонных переговоров. Статистика о рассмотрении ходатайств о проведении иных процессуальных действий отличается незначительно. Более 77 % жалоб, направленных в суд, не получили разрешения по существу. Этот показатель с 2012 по 2021 г. возрос на 22 %, из них только четвертая часть жалоб удовлетворена.

При снижении количества удовлетворенных судом жалоб возросло количество дел, возвращенных прокурору в связи с нарушениями, допущенными органами предварительного расследования. Наблюдается рост удельного веса дел, по которым суд изменил квалификацию деяния, а также существенно возросло количество дел, по которым осужденные освобождены из-под стражи после вынесения приговора. В 2022 г. их насчитывалось 13 058, а в отношении 1 788 лиц, содержащихся под стражей, дела прекращены. Таким образом, необходимость содержать в 2022 г. под стражей 14 846 лиц, по сути, отсутствовала, при этом суды отказали в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу всего в 9 624 случаях².

Несовершенство практики и правового регулирования повлекло более чем 90 изменений в руководящие постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященные вопросам судебного контроля, вынесению нескольких сотен постановлений и определений Конституционного Суда РФ, более 120 изменений в

¹ Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: науч.-практ. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. С. 288–289; Шаров А. Генпрокуратура смотрит в камеру. Юрий Чайка посетил худшее СИЗО страны // Российская газета. 2008. 5 сентября; Петрухин И. Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 92.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. 2023. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 05.12.2024).

Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РФ. Однако все попытки законодателя и высших судов не приводят к видимым результатам, о чем свидетельствуют приведенные нами ранее в статье статистические данные.

УПК РФ принимали в условиях активного вмешательства в законодательный процесс недружественных государств, в частности USAID¹, и финансирования этого вмешательства американскими государственными структурами². Эти негативные обстоятельства сопровождалось стремлением политической элиты России встроиться в различные общеевропейские структуры, подобные Совету Европы, что потребовало «европейских стандартов» в законодательстве в ущерб отечественным традициям³.

В смешанном типе уголовного судопроизводства, к которому отнесена и российская модель, на досудебной стадии, нет и не может быть состязательности⁴, предполагающей равенство сторон. В связи с этим суд в досудебном производстве не может быть сторонним наблюдателем состязającychся участников. Однако, вопреки этой логике, российский уголовный процесс по типу американской модели объявлен полностью состязательным, несмотря на то, что досудебной стадии в американской модели как таковой не существует, «для американских специалистов (в отличие от большинства континентальных) важен сам факт обращения в суд, а не

¹ USAID in Russia // U.S. Department of State. URL: <https://www.usaid.gov/fact-sheet/usaaid-russia> (дата обращения: 05.12.2023); Программа правовых инициатив для стран Центральной и Восточной Европы // Американская ассоциация юристов. Московское представительство. URL: <http://www.owl.ru/aba/> (дата обращения: 05.12.2024).

² Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 9, 11–12.

³ Воскобитова Л. А. Реформа уголовного судопроизводства продолжается: знать бы направление // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 2 (2). С. 75; Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 110.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. Решения Конституционного суда РФ. 2008–2022. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.07.2022).

результат такого обращения...»¹. Изложенный подход привел к тому, что суды рассматривают представленные органами уголовного преследования материалы сутобо формально, без их материальной оценки.

В процессе проведения настоящего исследования участниками анкетирования стал 41 действующий судья Красноярского края. На вопрос о том, проводились ли ими дополнительные процессуальные действия в судебном заседании, кроме исследования материалов, предоставленных стороной обвинения и допроса, участников судебного заседания, отрицательно ответили 77 % респондентов (при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ) и 69 % – при рассмотрении ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ, поскольку не видят в этом необходимости.

Внешнеполитические и внутригосударственные условия, в которых вводили институт судебного контроля, в последние десять лет существенно изменились. Начался обратный процесс выхода из всевозможных союзов и комиссий, членство в которых ограничивало политическое руководство в принятии решений, отвечающих национальным интересам. Со временем потребность в реформировании законодательства, принятого под контролем деструктивных сил, в том числе уголовно-процессуального в общем и института судебного контроля в нем в частности, будет только нарастать. Между тем в последнее десятилетие количество научных публикаций, связанных с законодательным регулированием судебного контроля в уголовном судопроизводстве, значительно снизилось, а диссертационных исследований об этом практически не обнаружено. Данным фактом отчасти обусловлена актуальность настоящего исследования.

В исследованиях, посвященных проблемам реализации контрольной деятельности суда, выделяют: 1) связанные с несовершенством правового регулирования; 2) связанные с организацией судебной системы. Настоящее исследование посвящено первой категории.

Среди проблем правового регулирования контрольной деятельности можно выделить: исключительно формально-

¹ Головки А. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 23.

юридическую проверку судом действий и решений органов уголовного преследования; неясность предмета судебного обжалования и территориальной подсудности; неопределенность состава участников судопроизводства, отсутствие механизма контроля и исполнения судебных решений, отсутствие порядка проведения судебных заседаний по каждой форме судебного контроля, а также вопросов, связанных с исполнением судебного решения. Вместе с тем юридическая природа судебного контроля в уголовном судопроизводстве в целом схожа с судебным контролем административного судопроизводства, а отличается от него многообразием форм реализации¹, уголовно-процессуальной природой действий и решений, подлежащих проверке, сконцентрированных в кодифицированном правовом акте.

В отличие от остального уголовного судопроизводства, судебный контроль в нем выделен собственной целью², спецификой предмета и соотношением методов правового регулирования. Система принципов правового регулирования судебного контроля требует дополнения и, в отличие от остального уголовного судопроизводства, характеризуется особенностью реализации принципа состязательности.

Как известно, в основе деления законодательства по отраслям находится особенность предмета и метода правового регулирования. Идея о разработке и принятии КАС РФ объяснена необходимостью иной методологии правового регулирования, основанной на фактическом неравенстве сторон и усилении в связи с этими условиями роли суда для обеспечения их состязательности³.

Первое – предмет правоотношений. Уголовно-процессуальные правоотношения складываются по поводу уголовно-правовых правоотношений, последние составляют их материальную основу. Это утверждение видится справедливым

¹ Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе: монография. Самара: Самарский университет, 2000. С. 53.

² Рыгалова К. А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 99; Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. С. 41.

³ Пояснительная записка к Кодексу административного судопроизводства // СОЗД ГАЗ «Законотворчество». 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246960-6> (дата обращения: 12.12.2022).

как для досудебного, так и для судебного судопроизводства при рассмотрении дела по существу. Но судебный контроль в досудебном судопроизводстве такой материальной основы не имеет.

Правоотношения судебного контроля основаны на применении органами уголовного преследования уголовно-процессуального закона, точнее, его положений, которые ограничивают конституционные права и свободы. Положения материального права затрагивают судебный контроль только как одно из обстоятельств, имеющих значение для дела, но не составляют предмет регулирования. Содержанием правоотношений, в которые вступают участники контрольного судопроизводства с судом, является процедура проверки¹ и оценки действий, решений органов уголовного преследования или контроль. Иными словами, суд осуществляет правоприменение по поводу правоприменения.

Второе – методы правового регулирования. Уголовно-процессуальные отношения всегда инициированы государством, за исключением дел частного обвинения. Но последние не имеют досудебной стадии. Даже обращение гражданина с заявлением о совершенном преступлении не влечет обязательной уголовно-процессуальной деятельности, поскольку может быть расценено государством как не нуждающееся в уголовно-процессуальной проверке и оценке. Судебный контроль диспозитивен². Органы уголовного преследования не обладают достаточной властью применить меры принуждения или ограничить отдельные конституционные права (почтовых и иных переговоров, неприкосновенность жилища и т. д.). Факт необходимости органов уголовного преследования прибегнуть к процедуре судебной проверки своих действий и решений резко уменьшает приоритет публичности. Подозреваемый, потерпевший, другие участники, не обладающие властными полномочиями, могут обжаловать действия органов государственной власти. Последние, в свою очередь, должны представить суду доказательства собственной правоты и формально для суда равны. Институт судебного контроля позволил конкретному

¹ Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 63.

² Ласточкина Р. Н., Язева Е. Е., Кулев А. Г. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 12.

индивиду своим активным правовым поведением существенно влиять на развитие правоотношений в публичной сфере. Пока к суду не обратится одна из сторон (в том числе наделенная властными полномочиями), властного решения не возникнет. Даже отказ суда в принятии к рассмотрению жалобы порождает контрольные правоотношения, поскольку требует принятия властного судебного решения. Таким образом, в отношениях судебного контроля одна из сторон, наделенных властью, временно эту власть теряет, хотя продолжает ею пользоваться в общем производстве по делу.

Третье – цели судопроизводства. Целями досудебного производства служат сбор и фиксация доказательств для суда в отношении лиц, совершивших преступление. Цель судебного производства – установление виновности лица, совершившего преступление. Речь идет именно о главных целях обоих производств, хотя, как известно, в ходе производства решают и иные задачи, но последние служат только достижению главной цели. Л. М. Володина пишет: «Целеполагание – направленность в будущее; задачи – конкретика сегодняшнего дня: решая задачи, приближаем будущее»¹. Так, Н. Н. Ковтун отождествляет задачи с конкретной формой деятельности, а цель характерна для судопроизводства в целом, задачи подчинены достижению цели².

Главная цель судебного контроля не совпадает ни с тем, ни с другим. Суд в досудебном контрольном производстве не учитывает вопросов обеспечения следующей судебной стадии и стоящих перед ней задач. Контрольное судопроизводство направлено на разрешение вопроса о соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства³. Цели контрольной деятельности суда в уголовном процессе не только самостоятельны, они характеризуются как узкие в предметном отношении. После судебного заседания и вынесения индивидуального правового акта дальнейшая деятельность суда в досудебном производстве прекращается, производства по делу нет. Признание, например, обыска незаконным не ограждает от

¹ Володина Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/2 (86). С. 18.

² Ковтун Н. Н. Указ. соч. С. 103–104.

³ Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. С. 71.

дальнейшего уголовного преследования и не ограничивает передачу дела в суд для рассмотрения его по существу.

Четвертое – принципы судопроизводства. Сравним, например, редакции ст. 15 УПК РФ и ст. 14 КАС РФ (принцип состязательности), чтобы увидеть существенную деталь. КАС РФ возлагает на суд обязанность в принятии мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств дела. Именно в этом и заключается особенность реализации принципа состязательности в контрольном производстве. Суд дополняет возможности более слабой стороны в сборе доказательств. В данном случае нет противоречий с принципом независимости суда, поскольку в оценке этих доказательств суд остается свободен. Разбалансированность правомочий органов уголовного преследования и остальных участников судопроизводства, по мнению ряда ученых-процессуалистов, служит одним из ключевых оснований для совершенствования законодательства¹.

Поскольку принцип состязательности носит характер межотраслевого и фундаментального, из него вытекают и базируются на нем два других: 1) принцип благоприятствования защите; 2) объективное, всестороннее и полное установление судом обстоятельств о соответствии действий и решений органов уголовного преследования закону. Первый из них обеспечивает равные возможности реализации процессуальных прав, второй – достижение главной цели судебного контроля.

Третий принцип, которым следует дополнить контрольное судопроизводство, – это принцип минимально возможного ограничения прав и свобод. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41² предпринял попытку внедрить для судов правило избрания более строгой меры пресечения при невозможности избрания более мягкой (п. 8). Однако усилия высшей судебной инстанции не были успешны, и об этом свидетельствует соотношение арестов и иных мер

¹ Зайцев О. А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 68.

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

пресечения, избранных судами¹. Так, анализ судебной практики, проведенный отдельными учеными-правоведами, показал, что наименьшей обоснованностью обладают именно выводы судов о необходимости избрания самой строгой меры пресечения². Приведенное обстоятельство свидетельствует об отсутствии оснований для ее применения.

Таким образом, можно указать следующие признаки самостоятельности контрольного судопроизводства, несмотря на его связь с досудебным производством, или вытекающего из последнего: 1) собственная материально-правовая база (слишком несовершенная в настоящее время); 2) в его основе находится определенный круг правоотношений; 3) имеет особенности в деятельности правоохранительных органов; 4) обладает существенными отличиями, позволяющими отграничить от других производств; 5) имеет самостоятельный порядок оформления материалов (их не подшивают в основное производство, а формируют самостоятельное дело)³.

Дополним и относительно специфики механизма правоприменения в контрольном производстве. Не всем и не всегда понятны вопросы о том, распространяются ли правила, общая процедура проведения судебного заседания при рассмотрении дела по существу на судебные заседания в контрольном производстве и, если распространяются, то в какой мере; «не уделяют внимания таким важнейшим вопросам, как статус участвующих лиц, порядок получения от них сведений, правовая природа этих сведений, пределы полномочий председательствующего, возможность вызова свидетелей и т. д.»⁴.

Субъекты контрольного судопроизводства не совпадают с субъектами уголовного судопроизводства, перечисленными в

¹ Например, в 2021 г. суды заключили под стражу 87 905 лиц, в то время как залог избран в отношении лишь 25 лиц. См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.12.2022).

² Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184.

³ Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2009. С. 15.

разделе II УПК РФ, и могут не быть участниками последнего. Ряд ученых объясняют это именно особенностями правоотношений¹.

Наконец, интерес представляет механизм контроля исполнения вступивших в законную силу решений. Специфика уголовно-процессуальных отношений заключается также в том, что одной из сторон всегда выступают правоохранительные органы с мощным набором властных полномочий, средств и аппаратом силового принуждения. Сложно представить, что служба судебных приставов может эффективно действовать в отношении, например, должностных лиц Следственного комитета России или ФСБ. Кроме того, в составе службы судебных приставов находятся подразделения дознания. Неужели они станут принуждать себя? В связи с изложенным оправданным видится возложение полномочий по контролю за исполнением судебных решений на суд.

Приведенные нами выше положения в совокупности предполагают собственный механизм правового регулирования судебного контроля, а широта перечисленных выше особенностей не позволяет устранить имеющиеся пробелы путем лишь внесения изменений в УПК РФ или при включении в него отдельной главы, посвященной судебному контролю. Кроме того, судебный контроль в уголовном судопроизводстве сопровождается рядом проблем, связанных с организацией судебной системы, которые все больше диктуют необходимость создания отдельных специализированных судов, например «следственных судей». Поскольку на нормативном акте, регулирующем судебный контроль, будет основана в целом процессуальная деятельность самостоятельной структуры специализированных судов, то, как нам представляется, формой данного нормативного акта следует избрать кодекс.

В связи с изложенным решение видится в разработке и введении в действие нормативно-правового акта с техническим названием «Кодекс уголовно-контрольного судопроизводства». Он должен предусматривать: 1) систему принципов контрольного судопроизводства, ориентиром которой служат его цель и задачи, а также особенности реализации общих принципов правосудия, в частности состязательности; 2)

¹ Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. М.: Юрист, 2009. С. 237.

субъектов правоотношений; 3) компетенцию, права и обязанности участников судопроизводства, а также порядок их осуществления и реализации; 4) формы судебного контроля, его предмет и пределы относительно каждой из них; 5) виды процессуальных решений, принимаемых в ходе и по результатам судебного рассмотрения, а также порядок обжалования; 6) механизм контроля и порядка исполнения судебных решений.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: науч.-практ. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. 543 с.
2. Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184–190.
3. Володина А. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/2 (86). С. 14–18.
4. Воскобитова А. А. Реформа уголовного судопроизводства продолжается: знать бы направление // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 2 (2). С. 73–79.
5. Головкин А. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 17–32.
6. Зайцев О. А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 67–69.
7. Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 95 с.
8. Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 109–112.
9. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 520 с.

10. Колоколов Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008–2009 гг. М.: Юрист, 2009. 368 с.

11. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе: монография. Самара: Самарский университет, 2000. 232 с.

12. Ласточкина Р. Н., Язева Е. Е., Кулев А. Г. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. 48 с.

13. Петрухин И. Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91–94.

14. Рыгалова К. А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 98–101.

15. Шаров А. Генпрокуратура смотрит в камеру. Юрий Чайка посетил худшее СИЗО страны // Российская газета. 2008. 5 сентября.

16. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. 143 с.

17. Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. 297 с.

18. Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 19 p.

Б. В. Варфоломеев
аспирант

Кубанского государственного
аграрного университета имени И. Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
bogdan.varfolomeev@gmail.com

**САЛЬДО-ВЗЫСКАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА
РЕСТИТУЦИОННЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ, ПРИМЕНЯЕМЫМ
ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОЗМЕЗДНЫХ
СДЕЛОК ДОЛЖНИКА, ПРИЗНАННОГО
НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)**

**BALANCE-RECOVERY AS AN ALTERNATIVE
TO THE RESTORATIVE CONSEQUENCES APPLIED
IN CASE OF INVALIDITY OF REIMBURSABLE TRANSACTIONS OF
A DEBTOR DECLARED INSOLVENT (BANKRUPT)**

В статье раскрыты проблемы применения реституции в качестве последствия недействительности сделок должника, признанного несостоятельным банкротом. Автором изложена собственная точка зрения относительно формализма в установлении факта недобросовестности контрагентов по подозрительным сделкам с должником. Ввиду этого возрастает

риск нарушения прав фактически добросовестных приобретателей, восстановленное требование которых впоследствии будет подлежать понижению очередности удовлетворения требования (субординированию), а значит, шанс на возврат переданного должнику по оспоренной сделке равен нулю. Данная проблема может быть решена путем применения альтернативного последствия недействительности сделки, так как действующие правила приводят к дестабилизации и непредсказуемости гражданского оборота. В целях решения выявленных проблем автор предлагает ввести практику «сальдо-взыскания» в качестве альтернативы реституции, как последствия недействительности сделок с должником-банкротом.

Ключевые слова: недействительность сделок, последствия недействительности, подозрительные сделки, добросовестность, реституция, сальдо-взыскание, приобретатель, банкротство, несостоятельность.

The article examines the challenges of applying restitution as a consequence of invalidating transactions involving a debtor declared bankrupt. The author presents their perspective on the formalism in establishing bad faith of counterparties in suspicious transactions with the debtor. This approach increases risks of infringing rights of bona fide purchasers, whose restored claims subsequently become subordinated, effectively eliminating any chance of recovering assets transferred to the debtor under challenged transactions. The author argues this problem could be resolved by introducing alternative consequences for transaction invalidity, as current rules create instability and unpredictability in civil commerce. As a solution, the author proposes implementing "net recovery" (сальдо-взыскание) practice as an alternative to restitution for invalid transactions in bankruptcy cases.

Keywords: transaction invalidity, consequences of invalidity, suspicious transactions, good faith, restitution, net recovery, purchaser, bankruptcy, insolvency.

В условиях развития в России рыночной экономики научный анализ законодательства о несостоятельности (банкротстве), практики его применения, теоретических взглядов относительно проблем правового регулирования

отношений банкротства видится актуальной задачей. Не вызывает сомнений тот факт, что развитие законодательства о банкротстве, начиная с 1992 г., оценивают противоречиво¹.

В современной юридической литературе вопросы правовой защиты кредиторов в процедуре банкротства подвергнуты глубокому теоретическому и практическому анализу². В отношениях в сфере несостоятельности (банкротства) ситуация, при которой должник, ранее активно занимавшийся экономической деятельностью, к моменту введения процедуры оказывается без имущества, стандартна.

Как правило, либо должник, либо контролирующие его лица в таких ситуациях осуществляют отдельные или целые цепочки сделок в целях прикрытия вывода активов во избежание юридической ответственности. Повсеместное противодействие такого рода злоупотреблениям и отличает сложность категории дел о несостоятельности (банкротстве), поскольку именно выявление, анализ и оспаривание таких сделок должника – наиболее сложные, время- и трудозатратные мероприятия. Несмотря на невысокую эффективность процедур банкротства в целом, отдельные мероприятия, проводимые в рамках дел о банкротстве, оказываются результативными, а именно: конкурсное оспаривание сделок³, известное с римских времен и с тех пор принципиально не изменившееся⁴.

Принцип соблюдения очередности погашения кредиторских требований проходит красной нитью почти через все отношения и мероприятия банкротства. Не обходит этот принцип и последствия признания сделок недействительными.

¹ Камышанский В. П., Коновалов А. И. Рецензия на книгу: Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 254.

² *Kamyshansky V. P., Leskova Y. G., Kamushin V. E., Rudenko E. Y. Economic and legal essens of consignee liabilities in cargo transportation agreement // Russia and the European Union. Contributions to Economics / eds. E. Popkova. Springer, Cham, 2017. P. 253; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 320.*

³ *Калугин В. Ю. Соотношение оснований для оспаривания сделок и оспаривания действий по исполнению сделок // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 4 (56). С. 34.*

⁴ *Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. С. 8.*

По общему правилу п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость. Речь идет о двусторонней реституции. Однако после введения процедуры банкротства все изменяется.

Согласно положениям ст. 61.6 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) кредиторы и иные лица, которым передано имущество или перед которыми должник исполнял обязательства либо обязанности по сделке, признанной недействительной, в случае возврата в конкурсную массу полученного по недействительной сделке имущества приобретают право требования к должнику. В зависимости от основания, по которому сделка оспорена, восстановленное требование будет удовлетворено либо в составе требований третьей очереди (на основании п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве), либо после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Такое понижение очередности называют «субординированием» требования, применяя в качестве санкции за недобросовестные действия участника сделки.

В. П. Камышанский считает, что, как и всякая юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность призвана служить укреплению законности и правопорядка¹. Меры ответственности направлены против правонарушителя. Они «не только связаны с принуждением, но по содержанию всегда представляют собой в гражданском праве либо некомпенсируемое лишение лица субъективного права (курсив мой. – В. К.), либо возложение на него без встречного эквивалента новой или дополнительной обязанности»².

¹ Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Некоторые особенности правоотношения гражданско-правовой ответственности публичных образований // Политематический сетевой электрон. научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. URL: <https://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/146.pdf?ysclid=mcuz3nr0nq988012874> (дата обращения: 20.02.2025).

² Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 38; Яковлев В. Ф. Гражданско-

САЛЬДО-ВЗЫСКАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА
РЕСТИТУЦИОННЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ, ПРИМЕНЯЕМЫМ
ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОЗМЕЗДНЫХ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА,
ПРИЗНАННОГО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ)

Следует иметь в виду, что действующее гражданское законодательство не запрещает оспаривать такие сделки вне специальных правил об оспаривании сделок в банкротстве, но по правилам об оспаривании сделок, предусмотренных общими положениями ГК РФ (например, по ст. 10, 168 и др.)¹. В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом представляет собой один из пределов осуществления гражданских прав, наряду с исключительным намерением причинения вреда другому лицу (шikanой) и действий в обход закона с противоправной целью, сущность которого сводится к заведомо недобросовестному осуществлению гражданских прав². Как показывает статистика, в 2023 г. доля удовлетворенных требований реестровых кредиторов у должников-организаций составила всего 9,7 %³. Исходя из этого, можно утверждать, что банкротная реституция, которая ввиду закона и теории предполагает двусторонний характер, фактически является односторонней, поскольку восстановленное право требования добросовестного контрагента имеет минимальные шансы на полное удовлетворение, а недобросовестного – не имеет их.

Банкротная реституция, защищая интересы должника и кредиторов, фактически ущемляет права добросовестного контрагента, который не имеет возможности ни сохранить приобретенное, ни вернуть себе то, что передано должнику. Судебной практикой ранее предприняты попытки преодолеть такую несправедливость с применением в качестве последствий недействительности сделки взыскания с контрагента суммы недополученного по сделке. Эти последствия названы Е. А. Остиной практикой «сальдо-взыскания»⁴. Однако такие

правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск, 1972. С. 125.

¹ Шеховцова А. С., Марухно В. М. К вопросу о возможности оспаривания сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 153–154.

² Шеховцова А. С. Злоупотребление правом субъектов предпринимательской деятельности на примере возбуждения процедуры банкротства должника // Власть Закона. 2021. № 4 (48). С. 88.

³ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. Итоги 2023 г. // Федресурс. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁴ Останина Е. А. Minima de malis: о реституции при банкротстве: комментарий к определениям Судебной коллегии по экономическим спорам

попытки пресечены¹. Верховный суд РФ определил, что последствия недействительности сделки в виде взыскания действительной стоимости имущества, за вычетом уплаченной контрагентом цены за его приобретение, приводят к преимущественному удовлетворению восстановленного в результате оспаривания сделки требования кредитора².

Одной из отличительных черт института банкротства служит постоянный поиск баланса интересов должника и кредиторов. Если речь идет об оспаривании сделок, то к делу еще присоединяют интересы контрагентов, то есть общественные интересы как неопределенного круга лиц, которые вступают в обязательственные отношения с будущими банкротами. Действующие реституционные правила при банкротстве вытекают из приоритета интересов конкурсных кредиторов над интересами контрагентов, что в определенной степени дестабилизирует гражданский оборот тем, что при заключении сделок добросовестный приобретатель, не являющийся профессиональным участником антикризисных отношений, может, ничего подозревая, заключить сделку с лицом, имеющим признаки банкротства, что влечет риск дальнейшего оспаривания.

Связано это также с формальным подходом к установлению факта недобросовестности контрагента по сделкам. Например, исходя из разъяснений, приведенных в п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда (ВАС) РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» (далее – постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63), доказывать наличие недобросовестности контрагента при признании сделки, совершенной в течение года до возбуждения дела о банкротстве, недействительной по п. 1 ст.

Верховного суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427 (1) и № 303-ЭС15-11427 (2) // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 3. С. 15.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427(1) по делу № А51-17166/2012; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427(2) по делу № А51-17166/2012 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427(2) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

61.2 Закона о банкротстве не требуется. Ввиду этого, даже если фактически контрагент был недобросовестным, он будет включен в реестр требований кредиторов, так как сделка с ним будет признана недействительной по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве и, исходя из положений п. 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве, будет включена в третью очередь реестра.

Обратная ситуация складывается из указанного п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63: если сделка заключена не позднее трех лет, но не ранее одного года с момента возбуждения дела о банкротстве, то она будет признана недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Это с учетом положений п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве приведет к субординированию требования такого кредитора. Жалеть недобросовестного контрагента в данном случае не следует. Однако по этому основанию сделку можно признать недействительной и с добросовестным контрагентом, недобросовестность которого установлена лишь из формальных признаков.

Например, в определениях от 22 декабря 2016 г. № 308-ЭС16-11018 и от 28 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-21196(2) по делу № А41-70837/2017 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ квалифицирует действия покупателя, приобретающего имущество по цене гораздо ниже рыночной, как неосторожные и неосмотрительные. Это означает, что он прямо или косвенно знает о противоправных целях должника или руководства, пытающегося вывести актив по заниженной (бросовой) цене¹. По сути, рациональное желание покупателя приобрести интересующее имущество по меньшей стоимости может расцениваться как подозрительное, а значит недобросовестное (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В ряде случаев такая трактовка может принести проблемы обычным гражданам. Например, в деле № А63-20014/2022 финансовый управляющий был вынужден направить 16 исков против физических лиц с требованием признать сделки по приобретению у должника квартир в многоквартирном жилом

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 декабря 2016 г. № 308-ЭС16-11018; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-21196(2) по делу № А41-70837/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

доме недействительными. Иски финансового управляющего основаны на факте приобретения недвижимости по стоимости ниже рыночной на 25-30 %, что с учетом вышеизложенной практики может стать основанием для признания сделок недействительными, так как судебная практика зачастую расходится во мнении относительно критерия нерыночности.

Хотя вероятность удовлетворения заявлений арбитражного управляющего в данном деле невелика, однако при разнице в 30 % и более от средней рыночной стоимости, ввиду сложившейся судебной практики¹ относительно критериев нерыночности, исход мог быть уже иным. Стоит учитывать и то, что рассматриваемые сделки заключены с физическими лицами, для которых приобретенные квартиры в большинстве случаев были единственным жильем. В последние полтора года в судебной практике по делам о банкротстве наблюдаются тенденции, направленные на создание условий сохранения единственного жилья как должника (за исключением роскошного²), так и граждан-контрагентов по сделкам с должником. Например, практика локального плана реструктуризации, допускающая сохранение единственного жилья должника, обремененного ипотекой³, получившая широкое распространение; поправки, принятые Федеральным законом от 24 июля 2023 № 372-ФЗ, которые ввели в действие новые нормы, посвященные последствиям недействительности сделок по приобретению гражданами у должника жилого помещения (ст. 61.6-1 Закона о банкротстве) и возможности заключения отдельного мирового соглашения между должником и кредитором по ипотеке (ст. 213.10-1 Закона о банкротстве).

Таким образом, если бы в ближайшем будущем контрагентами были не граждане, а организации, то даже

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 28 июня 2021 г. № 913/11; Определение Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. № 305-ЭС18-11736; Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2017 г. № 305-ЭС17-15301; Определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 306-ЭС17-11755; Определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2017 г. № 305-ЭС15-15737 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

разница в пределах 25-30 % могла стать основанием для признания сделки недействительной.

Банкротные реституционные последствия, выраженные во взыскании имущества с контрагента и восстановлении его права требования, направлены на максимальное пополнение конкурсной массы, что идет в соответствии с интересами кредиторов, но не контрагентов по сделкам, поскольку у них отсутствует возможность вернуть недополученное должником по возмездной сделке и последствием всегда будет возвращение должнику приобретенного в полном объеме по сделке, а ответчику – восстановленное право требования, которое с минимальной долей вероятности будет удовлетворено. Это становится актуальным как в случае с добросовестными приобретателями, сделки которых признаны недействительными с учетом п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, так и с приобретателями, в отношении которых факт недобросовестности установлен по формальным признакам и косвенным доказательствам согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Подводя итог, укажем, что в качестве последствия недействительности возмездных сделок должников-банкротов с добросовестными приобретателями необходимо внедрить механизм «сальдо-взыскания», заключающийся в сохранении за ответчиком приобретенного по сделке и возврате недополученного по сделке должнику.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23–41.
3. *Калугин В. Ю.* Соотношение оснований для оспаривания сделок и оспаривания действий по исполнению сделок // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 4 (56). С. 33–37.
4. *Камышанский В. П.* Некоторые особенности правоотношения гражданско-правовой ответственности публичных образований // Политематический сетевой электрон. научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. URL:

<https://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/146.pdf?ysclid=mcuz3nr0nq988012874> (дата обращения: 20.02.2025).

5. Камышанский В. П., Коновалов А. И. Рецензия на книгу: Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1 (300). С. 254–264.

6. Останина Е. А. *Minima de malis*: о реституции при банкротстве: комментарий к определениям Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427 (1) и № 303-ЭС15-11427 (2) // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 3. С. 12–16.

7. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 458 с.

8. Шеховцова А. С. Злоупотребление правом субъектов предпринимательской деятельности на примере возбуждения процедуры банкротства должника // Власть Закона. 2021. № 4 (48). С. 86–95.

9. Шеховцова А. С., Марухно В. М. К вопросу о возможности оспаривания сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 148–158.

10. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск, 1972. 210 с.

11. *Kamyshansky V. P., Leskova Y. G., Karnushin V. E., Rudenko E. Y.* Economic and legal essens of consignee liabilities in cargo transportation agreement // Russia and the European Union. Contributions to Economics / eds. E. Popkova. Springer, Cham, 2017. P. 253–259.

УДК 343.6
ББК 67.408.111.2

Э. Т. Волобуева

аспирант Южно-Российского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Ростов-на-Дону
Elvira-st24@rambler.ru

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СТАТЬЯХ 110–110.2
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE ANALYSIS OF
OBJECTIVE FEATURES IN ARTICLES 110-110.2 OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье утверждается, что самоубийство – одна из глобальных проблем современного мира. Такие преступные действия, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, негативно сказываются на системе уголовного права в целом. По мнению автора, законодатель, вводя указанные составы, не закрепил нормативно различия в них. Автором проанализированы статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), предусматривающие ответственность за участие в самоубийстве другого лица, а в целях облегчения понимания их в случаях применения сформулированы предложения по определению понятий к ст. 110–110.2 УК РФ.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, доведение до самоубийства, лексический разбор, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, разграничение понятий, ассистирование самоубийству, состав преступления.

The article argues that suicide represents one of the global challenges of the modern world. Criminal acts such as incitement to suicide (Art. 110 of the Criminal Code), coercion to commit suicide (Art. 110.1), assistance in suicide (Art. 110.2), and organization of

activities aimed at inducing suicide negatively impact the entire criminal justice system. The author demonstrates that the legislator failed to establish clear normative distinctions between these offenses when introducing them. The study provides a comprehensive analysis of relevant provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 110-110.2) establishing liability for involvement in another person's suicide. To facilitate legal interpretation and application, the author develops precise definitions for each statutory concept and proposes concrete amendments to improve terminological consistency in criminal legislation.

Keywords: suicide, suicidology, incitement to suicide, linguistic analysis, coercion to suicide, assistance in suicide, conceptual differentiation, suicide facilitation, elements of crime.

Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, в соответствии со ст. 110–110² Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). История становления ответственности за участие в самоубийстве другого лица подразумевает многовековое развитие, но нормы склонения и содействия самоубийству, а также об организации деятельности считают «молодыми». Основание криминализации заключалось в развитии ранее не свойственных общественных отношений¹. Однако законодатель не раскрыл понятия таких действий, вводя их. Такого рода недомолвки могут вызывать сложности при их применении ввиду отсутствия единых стандартов толкования признаков указанных преступлений².

В целях правильного применения исследуемых норм важно понять суть различий между ними с учетом разницы методов их совершения. Анализ проведем путем выполнения лексического разбора таких форм и способов преступного участия в самоубийстве другого человека, согласно Толковому словарю С. И.

¹ Пащенко Е. А. Нравственность и уголовный закон в криминализации действий субъекта преступного ассистирования самоубийству // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 144.

² Артамонова М. А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 25.

Ожегова, а также на основе общепризнанных представлений. Настоящее исследование позволит обеспечить уточнение норм уголовного закона, показать единство при трактовке понятий преступного участия в самоубийстве.

Рассмотрим понятие доведения до самоубийства. Довести кого-то до чего-то – значит привести в определенное состояние, вызвать, породить последствия¹. Так, в исследуемом контексте доведение до самоубийства подразумевает приведение в состояние, при котором человек хочет совершить самоубийство, порождение в человеке последствий в виде смерти, причиненной самому себе. Доведение до самоубийства совершается посредством угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Данный перечень закрыт, представляет собой физическое или психологическое насилие над личностью. Некоторые исследователи считают, что законодатель поступил опрометчиво, ограничивая способы совершения анализируемого преступления². Однако можно утверждать, что законодатель установил главные способы совершения доведения до самоубийства.

В целях подробного изучения нормы определим понимание способов совершения доведения до самоубийства. Угроза – это намерение нанести физический, материальный или иной вред. В диспозиции ст. 110 УК РФ такое понятие указано во множественном числе. Однако не отражено, что единичное действие в виде угроз не наказывается законом, а значит, в уголовном законе множественность определена разновидностью угроз. Это может быть как физическая угроза, так и психологическая. К тому же не имеет значения, в какой форме она высказана; важно, чтобы она была воспринята потерпевшим

¹ Довести // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

² Никонорова Ю. В. Некоторые вопросы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 148.

как реальная¹. Интересен тот факт, что угрозу считают самым распространенным способом доведения до самоубийства².

Жестокое обращение – действия, которые наносят физический или психический вред здоровью. Жестокое обращение может быть выражено как в форме действия, так и в форме бездействия, оно может проявляться, например, в издевательствах. В уголовном законе отсутствует указание на то, сколько раз должно быть совершено данное действие. По нашему мнению, оно должно быть длящимся и нести реальный вред потерпевшему.

При определении систематического унижения человеческого достоинства необходимо обратить внимание на гражданско-правовые науки, которые трактуют понятие человеческого достоинства как самоуважение личности, самооценку собственных качеств и способностей. Унижение возможно путем издевательства, насмешек, иных действий, посягающих на психологические свойства личности. Законодателем указано, что такое унижение должно быть совершено систематично, а значит, неоднократно. В науке продолжаются споры относительно систематичности: достаточно более одного раза или более трех раз. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, слово «систематически» означает «постоянно повторяющийся, непрекращающийся», то есть регулярный. С нашей точки зрения, данный вопрос требует внимания со стороны законодателя.

Далее рассмотрим понятие склонения к совершению самоубийства. Склонить – убедить в необходимости какого-нибудь поступка³. Значит, для понимания ч. 1 ст. 110¹ УК РФ склонение к совершению самоубийства – это убеждение человека в необходимости совершения самоубийства, то есть это процесс интеллектуального воздействия на человека. УК РФ также приводит открытый перечень способов такого склонения: уговор, предложение, подкуп, обман или иной способ при отсутствии

¹ Пучнина М. Ю. Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 110–110² УК РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 297.

² Буряковская Е. В. Угроза как один из способов реализации преступного замысла доведения до самоубийства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 153.

³ Склонить // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

состава доведения до самоубийства¹. Это позволяет учитывать все возможные варианты поведения виновного². Полагаем, что для применения такого состава не должно наступить последствий в виде смерти. Если деяния повлекли за собой самоубийство или покушение на самоубийство, то применяют ч. 4 ст. 110¹ УК РФ.

Переходим к способам совершения склонения к совершению самоубийства. Уговор – это советы, наставления, при которых человек соглашается после долгого воздействия на него, или это взаимное соглашение о чем-либо. Значит лицо, оказывающее содействие самоубийству, договаривается об этом с лицом, совершающим самоубийство. Предложить – значит потребовать, предписать что-то сделать. Предложением может выступать представление ряда вариантов, оказывающих психологический призыв лиц к совершению самоубийства³. Подкупить – склонить на свою сторону, расположить чем-нибудь, например подарками, деньгами. По нашему мнению, подкуп также возможен посредством выполнения обещанных действий. Обман – намеренное искажение истины. Обратим внимание на то, что указанные действия можно рассматривать как влияние на психику потерпевшего лица.

Попытаемся раскрыть суть понятия содействия совершению самоубийства. Для уголовного законодательства содействие совершению самоубийства – это деятельное участие в самоубийстве другого лица. Содействие в самоубийстве выражено в оказании интеллектуальной и физической помощи⁴. УК РФ, как и при склонении, выделяет методы содействия, а именно советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения самоубийства, устранение препятствий к его совершению, обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Так, при содействии у лица уже

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Акаева К. А. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 154.

³ Гримальская С. А. К вопросу о конструировании норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства // Право и управление. 2021. № 5. С. 77.

⁴ Попов А. Н. Краткий анализ составов преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством потерпевшего // Криминалист. 2018. № 1 (22). С. 11.

существует желание совершить самоубийство, а роль виновного сводится к тому, что помогает реализовать намерения этого лица¹.

Совет – это мнение, высказанное лицом, о том, как лучше поступить другому лицу. Указание – это наставление, разъяснение о том, как поступить.

Предоставление информации – действие, направленное на получение сведений, в данном случае о совершении самоубийства. По нашему мнению, такая информация должна иметь позитивный окрас для поддержания желания совершения самоубийства и включать в себя либо описание процесса самоубийства, либо его последствий.

Устранение препятствий и обещание скрыть средства или орудия. Данные способы не вызывают проблем при их понимании. Предполагается, что они обеспечивают возможность для совершения акта суицида, а сокрытие средств и орудий самоубийства затрудняют процесс расследования.

Анализируя составы, предусмотренные ст. 110¹ УК РФ, можно утверждать, что по своей сути они равны соучастию в преступлении (так называемое ассистированное самоубийство). Самоубийство не является уголовно наказуемым деянием. Тем не менее, поскольку оно представляет для общества и государства существенную проблему, его выделили в отдельную статью. Лицо, содействующее совершению самоубийства, отличается от лица, которое склоняет к совершению самоубийства тем, что представляет некую «помощь», а при содействии совершается акт воздействия на потерпевшего.

Статья 110² УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Побудить – склонить к какому-нибудь действию. Таким образом, побуждение к совершению самоубийства – это то же, что и склонение к совершению самоубийства. Прослеживается совпадение в понятиях. Побуждение к совершению самоубийства выполняется посредством закрытого перечня действий, при распространении информации о способах совершения самоубийства или призывов

¹ Сизова А. С. Особенности установления уголовной ответственности за содействие совершению самоубийства в российском уголовном законодательстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 41.

к совершению самоубийства. Но в данном составе значим факт организации деятельности.

Распространение информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц, например в сети Интернет или при организации каких-либо сообществ. Призыв – это обращение к другим лицам.

Подводя итог, обратим внимание на то, что законодатель вводил исследуемые статьи в целях противодействия преступного ассистирования самоубийству, затронув различные формы участия, которые не рассматривали ранее. Тем самым восполнен пробел в уголовном законодательстве. Вместе с тем законодатель оставил несовершенство в виде оценочных понятий, которые негативно сказываются на уголовном законе. По нашему мнению, необходимо в примечании к ст. 110–110² УК РФ установить легальные определения понятий способов совершения действий, направленных на участие в самоубийстве другого лица. Именно такие действия помогут и избежать ошибок в правоприменительной деятельности, и усилить УК РФ.

Библиографический список

1. Акаева К. А. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 153–157.
2. Артамонова М. А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 24–28.
3. Буряковская Е. В. Угроза как один из способов реализации преступного замысла доведения до самоубийства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 152–157.
4. Гримальская С. А. К вопросу о конструировании норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства // Право и управление. 2021. № 5. С. 76–81.
5. Никонорова Ю. В. Некоторые вопросы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 147–149.

6. *Пащенко Е. А.* Нравственность и уголовный закон в криминализации действий субъекта преступного ассистирования самоубийству // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 143–147.

7. *Попов А. Н.* Краткий анализ составов преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством потерпевшего // Криминалисть. 2018. № 1 (22). С. 8–12.

8. *Пучнина М. Ю.* Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 110–110² УК РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 296–300.

9. *Сизова А. С.* Особенности установления уголовной ответственности за содействие совершению самоубийства в российском уголовном законодательстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 39–46.

10. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

У. Д. Джакипов
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
Россия, г. Москва
ulan.dzhakyp@bk.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ**

**THE CIVIL LAW STATUS OF EMPLOYEES
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: PROBLEMS OF REGULATORY
LEGAL REGULATION AND WAYS OF THEIR RESOLUTION**

В статье проанализирован гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел, раскрыты проблемы его нормативного регулирования и реализации в правоприменительной практике. В результате исследования выявлен комплекс актуальных проблем, связанных в том числе с множественностью и несистематизированностью нормативных актов, регулирующих правовое положение сотрудников полиции. Указанные проблемы приводят к затруднениям в защите прав граждан и снижению эффективности правоприменения. На основе анализа предложены меры по совершенствованию законодательства и практики: развитие механизма возмещения вреда, причиненного законными действиями государственных органов; введение методики оценки морального вреда; устранение противоречий в вопросах ответственности сотрудников; систематизация нормативной базы службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: гражданско-правовой статус, сотрудники органов внутренних дел, возмещение вреда, моральный вред, юридическая ответственность, правомерное поведение, незаконное поведение.

The article analyses the civil-law status of employees of the internal affairs bodies, discloses the problems of its normative regulation and implementation in law-enforcement practice. As a

result of the research, a complex of current problems has been revealed, including the multiplicity and lack of systematisation of normative acts regulating the legal status of police officers. The indicated problems lead to difficulties in the protection of citizens' rights and to the decrease in the effectiveness of law enforcement. On the basis of the analysis, measures for the improvement of legislation and practice are proposed: development of the mechanism for compensation of harm caused by lawful actions of state bodies; introduction of the methodology for assessment of moral harm; elimination of contradictions in matters of employees' liability; systematisation of the normative framework of service in the internal affairs bodies.

Keywords: civil-law status, employees of internal affairs bodies, compensation of harm, moral harm, legal liability, lawful behaviour, unlawful behaviour.

Гражданская правоспособность представляет собой способность субъекта иметь гражданские права и нести обязанности¹. Гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) – это сложная правовая категория, определяющая их права, обязанности и ответственность как участников гражданско-правовых отношений. От четкости и полноты правового регулирования этого статуса зависит обеспечение баланса интересов государства и граждан, законность действий должностных лиц полиции и эффективность защиты прав человека. Неурегулированность отдельных вопросов (например, порядка возмещения вреда, причиненного законными действиями полиции) и несогласованность норм создают исследовательскую проблему, требующую глубокого анализа.

С научной точки зрения актуальность темы обусловлена необходимостью разрешения коллизий между общими принципами гражданского права и специальными нормативными актами, регламентирующими службу в ОВД. Выявленные противоречия (в частности, в вопросах привлечения сотрудников к юридической ответственности и компенсации причиненного вреда) актуализируют вопросы о согласованности

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 87.

правовой системы и реализации принципа равенства всех перед законом¹. Исследование гражданско-правового статуса сотрудников ОВД позволяет углубить понимание пределов имущественной ответственности государства, механизмов защиты прав потерпевших и правового положения должностных лиц, что имеет значимость для развития правовой науки.

Недостатки правового регулирования в рассматриваемой сфере приводят к затруднениям при возмещении гражданам вреда, причиненного в ходе выполнения сотрудниками ОВД служебных задач, к неоднородности судебной практики по компенсации морального вреда, а также к неопределенности в вопросах ответственности сотрудников ОВД. Это негативно отражается на уровне защиты прав граждан и правовой защищенности сотрудников ОВД, подрывая доверие населения к правоохранительной системе. Соответственно, исследование, направленное на выявление и преодоление проблем гражданско-правового статуса сотрудников ОВД, видится своевременным и социально значимым.

На современном этапе практика реализации гражданско-правового статуса сотрудников ОВД обнажает ряд проблем относительно неполноты и противоречивости нормативного регулирования, а также практики применения норм, включая обеспечение баланса интересов граждан и государства. Прежде всего рассмотрим вопросы юридической ответственности. Здесь и далее предлагаем понимать под гражданско-правовой ответственностью дополнительные неблагоприятные имущественные или иные последствия для причинителя вреда, обеспеченные законом или договором².

В качестве первой проблемы можно указать вопросы ответственности сотрудника ОВД за вред, *причиненный законными действиями сотрудников ОВД*. Действующее гражданское законодательство недостаточно урегулировало ситуацию, связанную с причинением вреда гражданину

¹ Волков А. В., Морозов С. Ю., Тужилова-Орданская Е. М. Принципы правового регулирования государственного надзора за исполнением законодательства в сфере трудовых отношений органами прокуратуры // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 28.

² Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 23.

действиями полиции, которые сами по себе законны¹. Например, при задержании опасного преступника сотрудники могут повредить имущество случайного гражданина (вскрыть дверь, разбить окно, повредить автомобиль), действуя в рамках своих полномочий и в интересах общественной безопасности. Формально такие действия не являются противоправными, и нормы ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) о возмещении вреда от незаконных действий при этом не применяются.

Для разрешения подобных случаев в 2012 г. введена ст. 16.1 ГК РФ, провозглашающая обязанность государства компенсировать вред, причиненный гражданину в результате законных действий государственных органов. В научной литературе справедливо утверждается, что в этом случае возникает не деликтное, а компенсаторное обязательство³. Однако эта норма носит отсылочный характер и прямо не действует без специального закона. По сути, законодатель объявил принцип, но не установил механизм его реализации. В результате граждане, ущерб у которых стал следствием правомерных действий полиции (например, в ходе антитеррористической операции), сталкиваются с проблемой: на практике получить компенсацию затруднительно по причине отсутствия подробных процедур и критериев. Указанный пробел нормативного регулирования признан учеными и практиками одним из существенных недостатков правового регулирования⁴.

С учетом указанной проблемы представляется необходимым совершенствование законодательства, а именно: принятие специального закона или внесение дополнений в ГК РФ, прямо предусматривающих порядок и основания возмещения вреда, причиненного гражданам в результате *правомерного* применения полицией мер принуждения. Такой закон мог бы установить, в

¹ Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 53.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Дерюгина Т. В. К проблеме выделения компенсаторных обязательств в системе гражданско-правовых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 74.

⁴ Степанов С. К. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе контртеррористической операции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 53.

каких случаях и в каком размере выплачивается компенсация за поврежденное при задержании имущество; за вред, причиненный при чрезвычайных мерах и т. д., что обеспечило бы реализацию конституционного принципа справедливости.

Вторая проблема – *занижение компенсации морального вреда*. В научной литературе содержится утверждение о том, что компенсация морального вреда – важный механизм защиты прав потерпевших от незаконных действий полиции¹. Однако в настоящее время отсутствуют четкие критерии определения размеров этой компенсации. В ст. 1101 ГК РФ указано, что размер определяется судом с учетом принципов разумности и справедливости, степени вины причинителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств. На практике это приводит к расширению дискреционных полномочий судей и, как следствие, необоснованно низким суммам выплат. По делам о незаконных действиях правоохранительных органов суды нередко присуждают символические суммы морального вреда, не соответствующие тяжести пережитых страданий². Отсутствие методики расчета морального вреда приводит к тому, что похожие по характеру случаи компенсируют по-разному, подрывая веру граждан в справедливость правосудия.

Представляется целесообразным разработать ориентировочные критерии (методику) оценки морального вреда в делах данной категории. Законодатель мог бы установить *минимальные размеры* компенсации при грубых нарушениях (например, неправомерное уголовное преследование, повлекшее лишение свободы невиновного, должно компенсироваться не ниже определенной суммы). Целесообразным считаем принятие

¹Александров К. Л. Компенсация морального вреда, причиненного правоохранительными органами // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 11 (109). С. 30.

²Решение Пермского районного суда № 2-113/2024 2-113/2024(2-3469/2023);~М-2848/2023 2-3469/2023 М-2848/2023 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-113/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/u7Z7kBYF6xY1/> (дата обращения: 17.05.2025); Решение Березовского городского суда Свердловской области № 2-1072/2021 2-1072/2021~М-642/2021 М-642/2021 от 28 июня 2021 г. по делу № 2-1072/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J2OlPfEQz4QX/?page=2> (дата обращения: 17.05.2025); Компенсация за незаконный обыск: кто имеет на нее право // *Право.Ру*. 2017. 11 июля. URL: <https://pravo.ru/review/view/142379/> (дата обращения: 17.05.2025).

постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором были бы даны разъяснения о применении критериев разумности и справедливости применительно к моральному вреду, причиненному незаконными действиями полиции. Такие меры позволили бы сократить субъективизм и унифицировать судебную практику, обеспечив потерпевшим более адекватную компенсацию.

В качестве третьей проблемы можно указать *определение надлежащего ответчика по искам о вреде*. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, требования о возмещении вреда, причиненного сотрудниками ОВД, предъявляют к РФ. Однако на практике у граждан зачастую возникает путаница в выборе ответчика. Многие пострадавшие, естественно, напрямую предъявляют иск к Министерству внутренних дел или определенному управлению МВД, полагая, что именно этот орган должен отвечать за своих сотрудников. Суды первой инстанции нередко вынуждены разъяснять истцам, что надлежащим ответчиком выступает казна РФ в лице Минфина или Казначейства России, и предлагать замену ответчика. Хотя в большинстве случаев истцы соглашались на замену, возникают ситуации, в которых граждане настаивают на привлечении именно МВД, подозревая, что их вводят в заблуждение. Если истец не согласен изменить ответчика, суд вынужден оставить иск без рассмотрения или отказать, что затягивает процесс и увеличивает издержки как для граждан, так и для государства.

Вместе с тем известны случаи, в которых особо осторожные истцы указывают в качестве ответчиков одновременно и МВД, и Минфин России, и территориальное Казначейство, стараясь «не промахнуться». Такой подход также усложняет процесс.

Данная проблема носит, скорее, процедурный характер, но она существенно влияет на реализацию права на судебную защиту. Для ее решения представляется нужным внести коррективы в гражданско-процессуальное законодательство или практику: например, прямо предусмотреть возможность автоматической замены судами ненадлежащего ответчика надлежащим в делах о возмещении вреда, причиненного публичными органами, без прекращения производства по делу. Кроме того, МВД целесообразно активнее разъяснять гражданам (через официальные разъяснения на своем сайте) порядок предъявления таких исков, чтобы уменьшить количество ошибок

при подаче заявлений. Это ускорит рассмотрение дел и снизит судебные издержки.

Четвертая проблема – *наличие противоречий в привлечении сотрудников к публичной юридической ответственности*. Особенность правового статуса сотрудников ОВД заключается в том, что за отдельные виды правонарушений они несут не административную ответственность, а дисциплинарную. Согласно ч. 1 ст. 2.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) и ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² сотрудники полиции за совершение административных правонарушений (за исключением случаев, прямо указанных в законе) подвергаются дисциплинарным взысканиям; меры административного наказания к ним не применяют. Данная норма означает, что если полицейский совершил проступок, подпадающий под состав административного правонарушения (например, мелкое хулиганство), то вместо штрафа в соответствии с КоАП РФ его деяние влечет дисциплинарное взыскание по службе. Исключение составляют ряд правонарушений, перечисленных в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ (в их числе – нарушение Правил дорожного движения), за которые сотрудники ОВД несут ответственность на общих основаниях.

С одной стороны, особый порядок освобождает сотрудника ОВД от «двойного наказания», то есть одновременного административного и дисциплинарного. С другой – в законодательстве возникло противоречие: формально деяния полицейских (кроме исключений ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ) не считают административными правонарушениями, что теоретически ставит таких лиц вне действия КоАП РФ. Это противоречит принципу равенства перед законом и может создавать почву для того, чтобы избежать ответственности, если дисциплинарные

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.04.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

меры окажутся мягче, чем общегражданские. В научной литературе отражена данная проблема, сделан акцент на необходимости ее решения¹.

В качестве меры законодательного реагирования можно предложить более четко разграничить случаи, в которых за правонарушение сотрудника ОВД применяют дисциплинарную и административную ответственность. Например, внеслужебные проступки, не связанные с исполнением обязанностей, логично подпадают под действие КоАП РФ, и сотрудник ОВД должен нести ответственность наравне с любым гражданином. Вместе с тем правонарушения, допущенные при исполнении служебных обязанностей, целесообразно относить к дисциплинарной плоскости (если они не достигают уровня уголовно наказуемых деяний).

Следует устранить коллизию между КоАП РФ и Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», чтобы достичь их согласованности. Это позволит обеспечить принцип неотвратимости наказания и предотвратить возможные злоупотребления, одновременно сохраняя дисциплинарную власть руководства ОВД над личным составом.

В качестве последней проблемы следует выделить множественность нормативных актов и несогласованность законодательства. Регламентация правового статуса сотрудников ОВД осуществляется рядом актов: Конституцией РФ², ГК РФ, специальными федеральными законами, подзаконными актами (указами Президента РФ о численности и оплате сотрудников, приказами МВД по вопросам прохождения службы, инструкциями и уставами). Постоянное реформирование системы МВД в течение последних лет привело к появлению множества новых актов, которые не всегда идеально согласуются между собой. Соответственно, существует проблема правовых

¹ Бялт В. С., Демидов А. В., Тялянин В. В. Институт государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Актуальные проблемы и пути решения // Закон и право. 2021. № 6. С. 155.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mcxdyjlphq455899723> (дата обращения: 17.05.2025).

коллизий и пробелов, несоответствия между федеральными и региональными нормативными актами, регулируемыми социальными гарантиями сотрудников, дублирования или расхождения отдельных положений приказов МВД с федеральными законами¹. Множественность актов затрудняет для сотрудников и правоприменителей понимание своих прав и обязанностей, что чревато ошибками и нарушениями.

Решение указанной проблемы видится в комплексе мер, направленных на систематизацию и унификацию нормативной базы службы в ОВД. Перспективным направлением служит постоянный мониторинг законодательства, задача которого – своевременно устранять коллизии (внесением изменений), отменять устаревшие нормы, обеспечивать соответствие ведомственных приказов требованиям федерального закона. В Концепции развития правового регулирования деятельности МВД на 2022–2026 гг. находит отражение задача совершенствования правового обеспечения государственной службы в ОВД и устранения пробелов в регулировании². Реализация этих планов должна повысить качество нормативной базы, а значит, и эффективность реализации правового статуса сотрудников ОВД.

Помимо изложенных вопросов, дискуссионными остаются и другие аспекты гражданско-правового статуса сотрудников ОВД. Например, объем и условия предоставления социально-экономических прав: право на жилище (обеспечение служебным жильем или жилищными субсидиями), пенсионное обеспечение, право на достойные условия труда и отдых. Эти права обеспечены специальными законами, и во многом они относятся к социальным гарантиям, примыкающим к гражданско-правовому статусу.

Не менее значима проблема защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников полиции. Как граждане, сотрудники ОВД вправе защищать свое доброе имя с учетом ст. 152 ГК РФ. В течение последних лет предъявлен ряд исков

¹ Михайлова Н. С. Правовое обеспечение государственной службы в органах внутренних дел // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 173.

² Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2022 по 2026 год: утв. МВД России генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольниковым 21 декабря 2021 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: https://10.xn--blaew.xn--plai/citizens/Pravovoe_prosveshchenie/ (дата обращения: 17.05.2025).

сотрудников полиции к средствам массовой информации о диффамации. В данном случае наблюдается пространство для совершенствования правоприменения (например, баланс свободы слова и защиты репутации полицейского).

В настоящей статье указанные вопросы не рассмотрены подробно ввиду ограничения объема, однако в дальнейшем они также требуют внимания законодателя и судебных органов. Выявленные проблемы указывают на необходимость совершенствования законодательства и практики с целью устранения противоречий и пробелов, повышения гарантий прав как граждан, так и сотрудников ОВД. Предложенные в работе меры, такие как развитие механизма возмещения вреда при законных действиях, введение методики оценки морального вреда, уточнение процедур ответственности и систематизация нормативных актов, направлены на укрепление законности и доверия в сфере отношений между обществом и полицией.

Проведенный анализ показал наличие актуальных проблем в реализации гражданско-правового статуса сотрудников ОВД. К ним относятся недостаточная регламентация возмещения вреда, причиненного законными действиями полиции; отсутствие единых критериев для установления размера компенсации морального вреда потерпевшим; сложности в определении надлежащего ответчика по искам к МВД; коллизии между нормами специального законодательства о службе и общими нормами права (например, в вопросах административной и дисциплинарной ответственности сотрудников); множественность и несистематизированность нормативных актов, регулирующих положение сотрудников полиции. Перечисленные проблемы ведут к затруднениям в правоприменении, могут нарушать принцип равенства перед законом и снижать эффективность защиты прав граждан.

Для решения этих проблем необходимо принять нормативные акты, устанавливающие четкий порядок компенсации ущерба, причиненного гражданам правомерными действиями ОВД, чтобы ни один пострадавший не остался без защиты. Требуется разработать рекомендации или законодательные ориентиры по определению размера морального вреда, что повысит справедливость и единообразие судебных решений. Следует устранить противоречия между КоАП РФ и специальным законом о службе в ОВД в аспекте ответственности сотрудников, обеспечив баланс между дисциплинарными мерами

и общими принципами юридической ответственности. В целях процессуальной экономии важно упростить для граждан выбор надлежащего ответчика по искам, а возможно, и законодательно позволить судам самостоятельно привлекать казну РФ вместо неверно указанного органа. Кроме того, требуется продолжить работу по консолидации нормативной базы, регулирующей статус сотрудников полиции: интегрировать разрозненные акты, отменить дублирующие и устаревшие нормы, тем самым создав прочную и понятную правовую основу.

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению законности и правопорядка. Четкое определение и обеспечение всех элементов гражданско-правового статуса сотрудников ОВД позволят с одной стороны, эффективнее защищать права граждан, привлекая государство к своевременному возмещению любого причиненного ущерба, с другой – обеспечить социальную защищенность сотрудников ОВД. Это позитивно отразится на их мотивации к добросовестной службе.

Совершенствование гражданско-правового статуса сотрудников ОВД отвечает задачам повышения доверия общества к правоохранительным органам и развития института государственной службы на принципах права и справедливости.

Библиографический список

1. Александров К. А. Компенсация морального вреда, причиненного правоохранительными органами // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 11 (109). С. 29–31.
2. Бялт В. С., Демидов А. В., Талянин В. В. Институт государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Актуальные проблемы и пути решения // *Закон и право*. 2021. № 6. С. 155–159.
3. Волков А. В., Морозов С. Ю., Тужилова-Орданская Е. М. Принципы правового регулирования государственного надзора за исполнением законодательства в сфере трудовых отношений органами прокуратуры // *Власть Закона*. 2024. № 3 (59). С. 22–39.
4. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // *Вестник Московского университета МВД России*. 2012. № 6. С. 52–54.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

6. Дерюгина Т. В. К проблеме выделения компенсаторных обязательств в системе гражданско-правовых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 74–78.

7. Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 23–41.

8. Компенсация за незаконный обыск: кто имеет на нее право // Право.Ru. 2017. 11 июля. URL: <https://pravo.ru/review/view/142379/> (дата обращения: 17.05.2025).

9. Михайлова Н. С. Правовое обеспечение государственной службы в органах внутренних дел // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 173–175.

10. Степанов С. К. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе контртеррористической операции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 43–55.

В. В. Душа

адвокат

Адвокатской палаты Краснодарского края
Россия, г. Краснодар
vitaliy.dusha@yandex.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ**

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF MODERN
THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM**

В статье, посвященной 102-й годовщине Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрены внутреннее содержание и особенности отечественной модели правосудия на современном историческом этапе. Подробно раскрыты конституционные основы российского правосудия, особое внимание уделено принципу независимости судебной власти. Утверждается, что самостоятельность судебных органов на практике неукоснительно соблюдается. Прослеживается историческая эволюция российского правосудия, в том числе обращено внимание на дискуссии и сложности, возникающие при принятии законов в области судостроительства и судопроизводства. Показан существенный вклад Верховного Суда Российской Федерации в формирование отечественной единой судебной системы и обеспечение стабильной работы судебной власти. Раскрыты направления совершенствования российской модели правосудия. В частности, в контексте перспективного пути развития сделан акцент на совершенствовании электронного правосудия.

Ключевые слова: Российская Федерация, Верховный Суд Российской Федерации, судебная власть, судебная система, судостроительство, судопроизводство, правосудие, конституционная основа, юридическая наука, научная доктрина.

The article examines the substantive characteristics and distinctive features of Russia's judicial model at the present historical stage, commemorating the 102nd anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation. It thoroughly analyzes the constitutional foundations of Russian judiciary, with particular emphasis on the principle of judicial independence, asserting its

consistent practical observance. The historical evolution of Russian justice system is traced, including discussions and challenges encountered in developing legislation on court organization and judicial procedure. The study highlights the Supreme Court's significant contribution to establishing Russia's unified judicial system and ensuring stable operation of the judiciary. Key directions for improving Russia's judicial model are identified, with special focus on advancing digital justice as a priority development pathway.

Keywords: Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, judicial power, judicial system, court organization, judicial procedure, administration of justice, constitutional foundation, legal science, legal doctrine.

В 2025 г. исполнилось 102 года с момента учреждения Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) – высшего судебного органа страны по делам, подсудным судам общей юрисдикции: гражданским, административным, уголовным. Формирование российской судебной системы проходило в течение нескольких этапов.

1 января 1923 г. вступило в силу Положение о судостроительстве Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), то есть государства, образованного в результате Октябрьской революции 1917 г. на части территории Российской империи. С 1922 г. – союзная республика в составе Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

РСФСР ликвидировала раздвоение советской юстиции на народные суды и революционные трибуналы (ревтрибуналы), то есть чрезвычайные судебные органы, существовавшие в Советской России и некоторых других советских республиках с 1917 г. до конца 1922 г., и установила единую систему судебных учреждений с высшей инстанцией – ВС РСФСР. 4 января 1923 г. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики и РСФСР до 1938 г., принял постановление о временном составе ВС РСФСР, который объявлен 10 января 1923 г. приказом № 1 по ВС. В этом приказе говорилось о том, что «Верховный трибунал ВЦИК именуется впредь с 1-го января, согласно «Положению о судостроительстве», – Верховный Суд РСФСР». ВС РСФСР стал первым в истории

России самостоятельным высшим судебным органом, а его деятельность была особенно значима для государства, общества, в том числе в период сложных исторических событий.

После образования Российской Федерации, как самостоятельного независимого государства, ВС РФ сыграл большую роль в формировании концепции судебной реформы, которая принята в 1991 г. и определила пути развития судебной власти как независимой и влиятельной силы в государственном устройстве России¹. ВС РФ и судейское сообщество активно включились в ее реализацию, а также последующих судебных реформ и сделали много для создания новой законодательной базы правосудия и укрепления гарантий независимости судей, состязательности и гласности судопроизводства, верховенства права в целом.

Судебная система РФ постоянно развивается. Этого требуют стремительные перемены в жизни государства и общества, ключевые события в государстве.

В научной доктрине российская модель правосудия определена как совокупность способов организации и принципов осуществления судами деятельности по рассмотрению и разрешению материально-правовых споров, установлению правоотношений сторон, восстановлению нарушенных и оспариваемых прав, свобод, законных интересов. Фундаментом российской модели правосудия служат положения, закрепленные в Конституции РФ, определяющие направления ее развития², а функциональными элементами – судоустройство, судопроизводство и правовой статус судей. Согласно ч. 1 ст. 118 действующей Конституции РФ «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», а в соответствии с ч. 3 ст. 118 Конституции РФ «судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается».

К числу особенностей российской модели правосудия относится принцип единства судебной системы, структура которой императивно установлена нормативными правовыми

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Справ.-правовая системы «КонсультантПлюс».

² Подробнее об этом см.: Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 17.

актами федерального уровня, а именно: Конституцией РФ и федеральным законодательством. Все суды общей юрисдикции и арбитражные суды – органы судебной власти федерального уровня, а мировые судьи, как судьи субъектов РФ, являются нижестоящими по отношению к федеральным судам. Федеральные суды и суды субъектов РФ образуют целостную модель судостроительства, соответствующую принципу единства публичной власти, закреплённому в Конституции РФ.

Устройство современной российской судебной системы имеет непростую историю. Ее научная основа впервые изложена в постановлении III (внеочередного) Всероссийского съезда судей от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы», которое предусматривало осуществление правосудия мировыми судьями, судами районного и областного уровня, федеральными окружными судами и ВС РФ. Проект Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», подготовленный при активном участии ВС РФ, внесен в Государственную Думу Президентом России Б. Н. Ельциным 17 апреля 1995 г. Члены Совета Федерации Федерального собрания РФ, руководители некоторых республик, краев и областей подвергли критике положения вышеуказанного законопроекта и выступили против предлагаемой процедуры назначения судей Президентом РФ, считая, что этот вопрос должен быть отнесен к компетенции региональных органов власти.

В большинстве стран именно глава государства назначает судей. Это повышает статус назначенных судей и служит дополнительной гарантией их независимости. Российские ученые, неоднократно принимавшие участие и выступавшие в пленарных заседаниях Совета Федерации, пытались убедить в правильности такой модели, но 3 октября 1995 г. законопроект отклонен и направлен на доработку.

Президент России Б. Н. Ельцин согласился с процедурой назначения судей, которую отстаивал и ВС РФ. В частности, он подготовил обращение, которое огласил председатель Совета Федерации Е. С. Строев при повторном рассмотрении данного законопроекта. Однако споры о предлагаемой процедуре назначения судей продолжались. Голосование проведено дважды, так как для одобрения законопроекта не хватало двух голосов членов Совета Федерации. С учетом того, что большинство голосов отсчитывали от списочного количества его членов, а

фактическое участие в голосовании принимали не все члены, был поставлен вопрос о процедуре голосования. Прозвучало предложение провести голосование опросным методом, чтобы каждый мог высказать свою субъективную позицию относительно такого важного закона. Принято решение о проведении голосования путем опроса всех членов Совета Федерации, в том числе отсутствующих в заседании, и соответствующий опрос состоялся уже на следующий день. Постановлением Совета Федерации от 26 декабря 1996 г. № 463 Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» одобрен, а 31 декабря 1996 г. подписан Президентом РФ и введен в действие с 1 января 1997 г.

Огромная роль судебной власти в государственном строительстве подтверждается не только учреждением единой судебной системы России, но и деятельностью ВС РФ в сфере обеспечения соответствия действующего законодательства субъектов РФ актам действующего федерального законодательства. Высшая судебная инстанция признала недействующими ряд региональных законов, которые противоречили нормативным правовым актам более высокой юридической силы. Таким образом, обеспечено единство правового пространства в России. Проведенная работа нашла отражение во всех отраслях законодательства, признаны недействующими положения свыше пятидесяти региональных законодательных актов, которые не соответствовали федеральному законодательству.

В настоящее время ВС РФ продолжает работу, направленную на совершенствование российской модели правосудия¹. Повышению качества российского правосудия способствовала законодательная инициатива ВС РФ, направленная на создание апелляционных судов общей юрисдикции и апелляционного военного суда, а также

¹ Мантул Г. А. Экономическое судопроизводство в условиях рыночной экономики // Юрист-Правоведъ. 2014. № 5 (66). С. 31; Рассказов О. А., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138; Рассказов А. П., Мантул Г. А. Специализированные суды по экономическим спорам в дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 65.

кассационных судов общей юрисдикции и кассационного военного суда, которые начали работу 1 октября 2019 г.

Апелляционные и кассационные суды осуществляют полномочия с соблюдением прежде всего принципа экстерриториальности правосудия, согласно которому юрисдикция судов не совпадает с административно-территориальным делением государства. Этим обеспечен основной стандарт судей (их независимость).

Еще одна особенность современной российской судебной системы – ее организационная и финансовая независимость от органов исполнительной власти, которая обеспечена принятыми по законодательной инициативе ВС РФ Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» и Федеральным законом от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов в Российской Федерации». Реализация вышеуказанных законодательных инициатив позволила исключить возможность сокращения финансирования судов без согласия органов судейского сообщества, прекращения или приостановления финансирования, а также передать вопросы материально-технического обеспечения судов в компетенцию российской судебной системы.

Основой правового статуса судей выступают конституционные положения об их независимости, несменяемости и неприкосновенности (ст. 120, 121 Конституции РФ). Первым нормативным правовым актом, предусматривающим правовой статус судьи как самостоятельного и независимого носителя судебной власти, устанавливающим несменяемость и неприкосновенность судей и закрепляющим социальные, организационные гарантии их статуса, стал Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Проект данного Закона внесен в Верховный Совет РФ тремя субъектами права законодательной инициативы: Президентом РФ, Верховным Судом РФ и Комитетом по законодательству Верховного Совета РФ.

В постановлении Пленума ВС РФ от 3 апреля 1992 г. № 3 «О внесении в порядке законодательной инициативы в Верховный Совет РФ проекта закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”» указано: «Одной из главных задач судебной реформы в Российской Федерации является утверждение судебной власти в государственном механизме как

самостоятельной властной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной. Выполнение этой задачи невозможно без определения статуса судьи как носителя судебной власти. В связи с этим возникла настоятельная необходимость подготовки соответствующего законопроекта, положения которого разработаны Советом судей Российской Федерации в соответствии с Концепцией судебной реформы, одобренной Верховным Советом Российской Федерации 24 октября 1991 г., и решениями I Съезда судей Российской Федерации». 12 июня 1992 г. проект Закона «О статусе судей в Российской Федерации» одобрен Верховным Советом РФ в первом чтении.

Принцип независимости судей издавна служит предметом исследования в юридической науке. Известный российский правовед И. Я. Фойницкий в 1902 г. писал о том, что независимость судебной власти характеризуется внешней самостоятельностью, под которой понимают «такое государственное положение ее, которое обеспечивает каждому суду отправлению судебных функций независимо от каких бы то ни было посторонних ведомств или лиц», и внутренней самостоятельностью, которая «есть плод твердого убеждения и высокой, безупречной нравственности»¹.

Современная российская юридическая наука рассматривает судебскую независимость в аспекте, предусматривающем независимость суда как государственного института, и в аспекте, предусматривающем независимость каждого судьи при осуществлении правосудия². Правовые гарантии, обеспечивающие независимость судей, традиционно служат предметом исследований ученых-правоведов³.

Отличительным качеством российской модели судопроизводства выступает закрепление цели правосудия в ст. 18 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. С. 170, 203.

² Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. С. 34–35.

³ Макарова О. В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 95; Гравина А. А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 79.

смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». К числу гарантий судебной защиты, согласно Конституции РФ, отнесены судебная защита прав и свобод каждого (ст. 46); обеспечение граждан квалифицированной юридической помощью (ст. 48); презумпция невиновности (ст. 49); недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50); право пересмотра приговора, помилование лица, осужденного за преступление (ч. 3 ст. 50); признание права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (ст. 51); право на защиту потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52); возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); недопустимость придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность (ст. 54).

Конституционную основу современной российской судебной системы также составляют положения ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, в соответствии с которыми судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. В сфере уголовного права и уголовного судопроизводства основными тенденциями совершенствования законодательства и правоприменительной практики выступают декриминализация деяний, не представляющих общественной опасности; индивидуализация наказаний; ограничение сферы применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Гуманизм, как основа государственной политики и правовой системы России, получил закрепление в ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью в государстве, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

В соответствии с принципами справедливости и гуманизма, предусмотренными ст. 6 и 7 Уголовного кодекса РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; они не

могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. На основании этих положений в России осуществляется системная и последовательная работа, направленная на гуманизацию уголовного законодательства и правоприменительной практики, одним из результатов которой стало сокращение судимости более чем в два раза за последние 20 лет.

Самостоятельным направлением совершенствования отечественной модели правосудия выступает расширение сферы применения судами цифровых технологий. ВС РФ уделяет внимание передовым научным разработкам в контексте вопросов цифровизации права¹, в том числе о защите прав человека в эпоху цифровой информации². Большое количество судебных заседаний проводят с использованием видео-конференц-связи и веб-конференции, значительно увеличился объем подачи судебных документов в электронном виде в суды.

В связи с востребованностью дистанционной формы подачи процессуальных судебных документов официально с 28 августа 2022 г. предусмотрена возможность обращения в суды через многофункциональные центры (МФЦ) предоставления государственных и муниципальных услуг, в соответствии с принципом одного окна. При этом стороны вправе подать через МФЦ как исковые заявления, так и дополнительные процессуальные документы по делам, находящимся в производстве судов, в том числе при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе (в соответствии со ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Сотрудники МФЦ помогают гражданам создать личный кабинет пользователя на портале ГАС

¹ См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 13; Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022; Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85.

² См.: Сидоренко А. И. Судебная защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 136; Жуков Д. В. Особенности защиты культурных прав в условиях развития цифровых технологий // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 44; Зайцев О. А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 91.

«Правосудие», отсканировать документы и загрузить нужные файлы в систему.

На совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов, состоявшемся 14 февраля 2023 г., Президент России В. В. Путин обратил внимание на следующее: «Абсолютно очевидно, что применение “цифры” в судопроизводстве будет только расширяться, и наша судебная система должна быть к этому полностью готова – и технически, и организационно, а главное, чтобы при этом неукоснительно соблюдались конституционные права граждан».

Библиографический список

1. Гравина А. А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 79–90.
2. Жуков Д. В. Особенности защиты культурных прав в условиях развития цифровых технологий // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 44–52.
3. Зайцев О. А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 91–108.
4. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.
5. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 13–16.
6. Макарова О. В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 95–105.
7. Мантул Г. А. Экономическое судопроизводство в условиях рыночной экономики // Юрист-Правовед. 2014. № 5 (66). С. 31–35.
8. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. 447 с.
9. Правовые модели и реальность: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М.: ИНФРА-М, 2014. 280 с.
10. Рассказов О. Л., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138–141.

11. *Рассказов А. П., Мантул Г. А.* Специализированные суды по экономическим спорам в дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 65–75.

12. *Сидоренко А. И.* Судебная защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 136–147.

13. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. 558 с.

14. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

15. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022. 376 с.

Ю. С. Еловикова

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Чувашского государственного университета
имени И. Н. Ульянова
Россия, г. Чебоксары
yulia_elovikova@mail.ru

**СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ
И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ**

**FAMILY AS A TRADITIONAL VALUE AND OBJECT
OF CRIMINAL LAW PROTECTION**

В статье исследована семья как традиционная духовно-нравственная ценность российского общества и как объект уголовно-правовой охраны. Актуальность темы исследования обусловлена кризисным состоянием института семьи. В исследовании утверждается, что сегодня защита семьи и традиционных семейных ценностей является приоритетной в государственной политике России. Сделан вывод о том, что существующую иерархию объектов уголовно-правовой охраны и последовательность институтов Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) нужно пересмотреть. Обоснована необходимость дополнения ч. 1 ст. 2 УК РФ таким объектом уголовно-правовой охраны, как «интересы семьи». Предлагается преступления против интересов семьи и несовершеннолетних в структуре Особенной части УК РФ выделить в отдельный раздел. Указано на необходимость легального закрепления понятия «семья» в отраслевом законодательстве. Методологическую основу исследования составили системный анализ, синтез, обобщение, сравнительно-правовой, индуктивный и дедуктивный методы.

Ключевые слова: семья, материнство, отцовство, детство, традиционные духовно-нравственные ценности, объект уголовно-правовой охраны, задачи Уголовного кодекса РФ.

The article examines the family as a traditional spiritual and moral value of Russian society and as an object of criminal law protection. The relevance of the research topic is determined by the

crisis state of the institution of the family. The study argues that the protection of the family and traditional family values is currently a priority in Russia's state policy. It is concluded that the existing hierarchy of objects of criminal law protection and the sequence of institutions in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) need to be revised. The necessity of supplementing Part 1 of Article 2 of the CC RF with such an object of criminal law protection as "interests of the family" is substantiated. It is proposed to single out crimes against the interests of the family and minors as a separate section in the structure of the Special Part of the CC RF. The need for legislative consolidation of the concept of "family" in sectoral legislation is indicated. The methodological basis of the research comprises systematic analysis, synthesis, generalisation, comparative legal, inductive and deductive methods.

Keywords: family, motherhood, fatherhood, childhood, traditional spiritual and moral values, object of criminal law protection, tasks of the Criminal Code of the Russian Federation.

В течение последних лет тема семьи и традиционных семейных ценностей стала предметом особого внимания со стороны государства. С одной стороны, это обусловлено признанием того, что «семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности»¹. С другой – это связано с наличием отдельных проблем функционирования института семьи, а также с необходимостью привлечь к ним внимание общественности. Тема семьи, традиционных семейных ценностей становится приоритетной в государственной политике, что подтверждается внесением соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации (РФ), принятием нормативных правовых актов, изменением стратегических документов и утверждением национальных проектов.

В Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 г. «крепкая семья» отнесена к традиционным российским духовно-

¹ Пленарное заседание XXV Всемирного Русского народного собора // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 27.02.2025).

нравственным ценностям (п. 91)¹. Защита «крепкой семьи» объявлена национальным приоритетом, задачей государственной политики как внутренней, так и внешней. В Стратегии предусмотрено, что решение этой задачи возможно посредством укрепления института семьи и «сохранения традиционных семейных ценностей» (п. 93)².

Кроме того, «крепкая семья» как одна из традиционных ценностей представлена и в п. 5 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. В нем утверждается, что традиционные ценности – основа российского общества и средство укрепления суверенитета государства (п. 7), обращено внимание на угрозы традиционным ценностям и меры по их защите (п. 12, 13)⁴.

Нормативное закрепление традиционных ценностей в представленных выше документах способствовало тому, что «крепкая семья» как традиционная ценность попала под правовую охрану со стороны государства, получила статус объекта правовой защиты. Государство акцентирует внимание на популяризации и продвижении традиционных семейных ценностей, поддержке и защите семьи: 2018–2027 гг. в России объявлены Десятилетием детства⁵, 8 июля официально установлен День семьи, любви и верности⁶, 2024 г. объявлен Годом семьи⁷, а с 1 января 2025 г. по 2030 г. запущен

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

² Там же.

³ Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴ Там же.

⁵ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 23 мая 2017 г. № 240 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.

⁶ О Дне семьи, любви и верности: указ Президента РФ от 28 июня 2022 г. № 411 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 27. Ст. 4811.

⁷ О проведении в Российской Федерации Года семьи: указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 48. Ст. 8560.

национальный проект «Семья»¹. Поддержка семьи признана национальной целью РФ на период до 2030 г. и далее, до 2036 г.² Концепция государственной семейной политики, утвержденная на период до 2025 г., среди приоритетов предусматривает «поддержку, укрепление и защиту семьи и ценностей семейной жизни»³. К задачам культурной политики на период до 2030 г. также отнесены сохранение устойчивых традиционных семейных ценностей и формирование высокого социального статуса семьи в массовом сознании⁴.

Конституция РФ устанавливает, что наше государство обеспечивает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7)⁵, «материнство и детства, семья находятся под защитой государства» (ч. 1 ст. 38). Ввиду подпункта «ж. 1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся <...> защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины». Правительство РФ обеспечивает проведение единой государственной политики, в том числе в области «поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей» (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Как справедливо пишет В. В. Гошуляк, данная норма не является декларативной, «цель принятой поправки к Конституции РФ состояла в том, чтобы поднять на

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁴ Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 38. Ст. 5715.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 26.02.2025).

конституционный уровень защиту традиционных семейных ценностей – семьи, материнства, отцовства, детства»¹.

На особую защиту со стороны государства конституционных ценностей «семья», «материнство», «детство» неоднократно указывал Конституционный Суд РФ (постановление Конституционного Суда от 23 сентября 2014 г. № 24-П, определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 382-О, постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П, определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 550-О). Поскольку Конституция РФ «имеет высшую юридическую силу и прямое действие» (ч. 1 ст. 15), конституционные положения о защите семьи должны быть раскрыты и конкретизированы в других законодательных актах. Сегодня интересы семьи и несовершеннолетних охраняются нормами различных отраслей права: семейного, гражданского, жилищного, трудового, административного, уголовного. Уголовный закон охраняет наиболее важные, обладающие повышенной социальной ценностью общественные отношения. Будучи самой «репрессивной отраслью», уголовное право в большей мере, чем остальные отрасли права, воздействует на общественные отношения средствами уголовно-правовой охраны.

Наиболее значимые объекты, которые подлежат охране от преступных посягательств, указаны в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса (УК) РФ. К ним относятся права и свободы человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ, обеспечение мира и безопасности человечества². Охрана этих объектов – задача УК РФ. Для ее решения законодатель устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, а также определяет, какие опасные деяния признают преступлениями, с указанием видов наказания и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Семья как объект уголовно-правовой охраны в ч. 1 ст. 2 УК РФ не указана. Приведенный перечень объектов является

¹ Гошуляк В. В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 31.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

исчерпывающим. Полагаем, что это существенное упущение законодателя.

Уголовная ответственность, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, установлена в том числе в целях защиты конституционно значимых ценностей (определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. № 2175-О, постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П, определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 591-О-О). Определив такие конституционно значимые ценности, как «семья», «материнство», «отцовство» и «детство», Конституция РФ тем самым задает приоритет для их уголовно-правовой охраны. Поэтому позицию законодателя, который в Основном Законе страны закрепил обязанность по защите «семьи», но не указал в качестве главных задач УК РФ «семью» как объект охраны от преступных посягательств, можно назвать непоследовательной.

Единого понимания общего объекта уголовно-правовой охраны в науке не сформировано. Одни исследователи под таким объектом понимают «правоотношение, возникающее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие»¹ (А. М. Герасимов), другие – «важнейшие классовые ценности, ради охраны которых создается уголовное право с его <...> жестокими репрессиями, свидетельствующими о том, что господствующий класс с их помощью защищает условия своего существования»² (Ю. А. Демидов), а третьи – «то, что охраняет государство уголовно-правовыми средствами»³ (С. Н. Титов), «общественный интерес, правовые блага, общественные отношения, на которые совершается посягательство и защиту которых осуществляет уголовное право»⁴ (Б. С. Никифоров), «общественное отношение,

¹ Герасимов А. М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // *Ex iure*. 2021. № 3. С. 180.

² Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. С. 32–33.

³ Титов С. Н. Объект преступления и объект уголовно-правовой охраны в сфере интеллектуальной собственности // *Юридические исследования*. 2019. № 12. С. 15.

⁴ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. С. 4.

поставленное под охрану уголовного закона и еще не подвергшееся преступному воздействию»¹ (В. Н. Винокуров).

Не углубляясь в суть научной дискуссии, укажем, что под объектом уголовно-правовой охраны понимают «охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред»², или «охраняемые уголовным законом общественные отношения и блага (интересы), которым причиняется ущерб в результате совершения преступления»³.

Роль семьи неопределима по сравнению с другими социальными институтами. В семье начинается жизнь человека. Семья – основа стабильности общества и государства. Именно поэтому защита института семьи должна быть одной из приоритетных задач УК РФ.

Кроме того, уголовный закон должны принимать с учетом разделяемых большинством членов общества социальных ценностей. Вместе с тем приведенный в ч. 1 ст. 2 УК РФ перечень объектов уголовно-правовой охраны (уголовно-правовых приоритетов) не соответствует сложившейся в обществе системе ценностей. Результаты социологических опросов показывают, что основное место в ценностной системе координат в российском обществе занимает «крепкая семья (67 %) <...> вне зависимости от уровня образования, места проживания, пола, возраста и материального положения»⁴; для большинства создание семьи «не просто важнейшая ценность, а жизненная цель (87 %)»⁵.

Институт семьи также выступает объектом международно-правовой защиты. Обязанность государства принять меры по защите института семьи предусмотрена п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., п. 1 ст. 10

¹ Винокуров В. Н. Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система Особенной части УК РФ. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 52.

² Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. С. 209.

³ Уголовное право России: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М.: Юрист, 2006. С. 111.

⁴ Семья как ценность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2024. 24 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 25.02.2025).

⁵ Там же.

Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., п. 1 ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г., замечаниями общего порядка № 19 «Статья 23 (семья)» Комитета ООН по правам человека.

Общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Соответственно, принятые на себя Россией обязательства по охране семьи должны быть выполнены в соответствии с условиями международных договоров. Исключение составляют случаи, в которых решения межгосударственных органов приняты на основании положений договоров «в их истолковании, противоречащем Конституции РФ» (ст. 79 Конституции РФ)¹.

Преступные деяния в сфере семейных отношений отражены в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ. В контексте главы 20 УК РФ представлены статьи:

1) о преступлениях, посягающих на интересы несовершеннолетних: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» (ст. 150), «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» (ст. 151), «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (ст. 151.1), «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» (ст. 151.2), «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» (ст. 156);

2) о преступлениях, посягающих на интересы семьи: «Подмена ребенка» (ст. 153), «Незаконное усыновление (удочерение)» (ст. 154), «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» (ст. 155), «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» (ст. 157).

Ориентируясь на количество составов преступлений, можно утверждать, что уголовно-правовые нормы главы 20 УК РФ в основном направлены на охрану интересов несовершеннолетних. Интересам семьи в ней должного внимания не уделено. Многие преступные деяния, широко распространенные на практике, не

¹ Грачев Н. И. Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 40.

нашли отражения в нормах действующего уголовного законодательства.

Глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» размещена в разделе VII «Преступления против личности» УК РФ, что видится не вполне удачным. Главы в Особенной части УК РФ построены по степени уменьшения ценности объектов уголовно-правовой охраны. Глава 20 в разделе VII УК РФ расположена на последнем месте. Такое ее расположение не в полной мере отражает общественную опасность входящих в главу 20 преступных деяний. Последовательность институтов Особенной части УК РФ необходимо пересмотреть. Очевиден тот факт, что общественная опасность деяний, входящих в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека» меньше, чем у преступлений против семьи и несовершеннолетних. На это также указывают санкции статей преступных деяний, входящих в главы 19 и 20. В связи с этим главы 19 и 20 УК РФ следовало бы поменять местами.

Спорным в науке уголовного права видится вопрос и о родовом (видовом) объекте главы 20 УК РФ, то есть выделения семьи и ее интересов в качестве самостоятельного объекта охраны. Р. А. Арби¹, А. В. Наумов² и Т. В. Абдульмянова³ полагают, что в главе 20 представлено два объекта: «интересы семьи» и «интересы несовершеннолетних». Ю. Е. Пудовочкин полагает, что в главе 20 УК РФ интересы семьи «являются дополнительным или факультативным объектом»⁴. Родовым объектом преступлений автор именует «общественные отношения, обеспечивающие физическое, духовное и социальное развитие несовершеннолетнего»⁵.

¹ Арби Р. А. Критерии классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних в уголовно-правовой и криминалистической доктрине // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 66.

² Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 156.

³ Абдульмянова Т. В. Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны института семьи и прав несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 85.

⁴ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 98.

⁵ Там же.

Представляется справедливой позиция Р. А. Арби, А. В. Наумова, Т. В. Абдульмянова о наличии в главе 20 УК РФ двух самостоятельных видовых объектов. В названии главы 20 законодатель указал два самостоятельных объекта уголовно-правовой охраны: семью и несовершеннолетних¹.

Структуру Особенной части УК РФ определяет классификация объекта преступления по вертикали: общий, родовой, видовой, непосредственный². Основой обособления группы преступных деяний в раздел или в главу Особенной части УК РФ служит родовой (видовой) объект преступления.

Родовой объект определяют с учетом наименования раздела кодекса; он входит в общий объект, представляет круг однородных (сходных) общественных отношений, которые охраняются взаимосвязанными нормами уголовного права. Преступления, посягающие на родовой объект, расположены в одном разделе УК РФ.

Видовой объект определяют исходя из наименования главы кодекса; он входит в родовой объект, представляет круг более узких однородных (сходных) общественных отношений, которые охраняются взаимосвязанными нормами уголовного права. Преступления, посягающие на видовой объект, расположены в одной главе Особенной части УК РФ.

Глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» представлена в разделе VII «Преступления против личности». Родовым объектом для всех преступлений раздела VII УК РФ выступает личность³. Видовой объект преступлений главы 20 – семья и несовершеннолетние.

Итак, понятие «личность» не является тождественным понятию «семья». Содержание и объем этих понятий значительно отличаются друг от друга. «Личность» есть конкретный человек, обладающий устойчивой системой социально значимых черт, характеризующих его как члена общества. Между тем «семья в социологическом аспекте – это союз лиц, основанный на браке, родстве (или только родстве), принятии детей на воспитание, а в юридическом – круг лиц, связанных взаимными правами и

¹ Арби Р. А. Указ. соч.

² Улезько С. И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 70–71.

³ Татарников В. Г., Никитин Ю. П. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 27.

обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание»¹. Семья как малая социальная группа обособлена, отделена от других общественных институтов, имеет структурный состав, функции (репродуктивную, воспитательную, экономическую, защитную, эмоционально-психологическую, рекреационную).

Отличаются эти категории и по объекту посягательства. Преступления против личности посягают на совокупность общественных отношений, направленных на охрану частного интереса конкретной личности. Преступления против семьи посягают на совокупность общественных отношений, направленных на охрану общего интереса всех членов семьи, порядок функционирования семьи как социального института, выполнение ее основных функций в рамках семейных отношений.

Нормы, направленные на охрану прав и интересов отдельной личности, по юридическому содержанию существенно отличаются от норм, направленных на охрану интересов семьи как малой социальной группы. Поэтому нормы об уголовной ответственности за преступления против семьи не могут быть составной частью норм об уголовной ответственности за преступления против личности.

Прослеживается также несоответствие названия главы 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» входящим в нее составам преступлений. Как справедливо пишут ряд исследователей, в главе 20 УК РФ объединены нормы об уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетнего, которые совершают родители, и за преступления против несовершеннолетнего, которые совершают другие лица, не состоящие с ним в кровном родстве² (педагогический работник, работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги и т. д.). Эти группы норм также различны по юридическому содержанию.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, Инфра-М, 2009. С. 78.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, Инфра-М, 2009. С. 52.

Учитывая социальную значимость института семьи, особый характер отношений между участниками семейных отношений, особый статус лица, совершившего общественно опасное деяние, и объект преступного посягательства, полагаем, что в структуре Особенной части УК РФ необходимо выделить интересы семьи и несовершеннолетних в качестве родового объекта, предусмотрев самостоятельный раздел под названием «Преступления в сфере семейных отношений». Указанный раздел может включать в себя главу о преступлениях, посягающих только на интересы семьи «О преступлениях против семьи и брачного союза». В нее могут входить статьи, предусматривающие ответственность за подмену ребенка; незаконное усыновление (удочерение); разглашение тайны усыновления (удочерения); за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей; а также статьи, не известные ранее действующему УК РФ: ответственность за фиктивный брак; за незаконный брак, заключенный при наличии нерасторгнутого брака; за фальсификацию актов гражданского состояния; за сожительство между кровными родственниками.

В новый раздел может быть включена глава «О преступлениях родителей против детей», в которую могут войти статьи, предусматривающие ответственность родителей за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий; а также новые статьи: за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в случаях, не сопряженных с жестоким обращением, но повлекших причинение вреда несовершеннолетнему или несовершеннолетним третьим лицам; за жестокое обращение с несовершеннолетним.

В новый раздел могут войти глава «О преступлениях детей против родителей» и, в частности, статьи, предусматривающие ответственность детей за жестокое обращение с родителями.

Раздел «О преступлениях против семейных отношений» в Особенной части УК РФ необходимо разместить после раздела о преступлениях против личности. Остальные преступления, посягающие на права и интересы несовершеннолетнего, которые совершают лица, не состоящие с ним в родстве, целесообразно разместить в разделе VII УК РФ, в виде отдельной главы «Преступления против несовершеннолетнего».

Полагаем, выделение отдельного раздела позволит правильно квалифицировать содеянное, отграничивать преступления против семьи и несовершеннолетних от смежных составов преступления. Ранее позицию о выделении в структуре Особенной части УК РФ отдельного раздела высказывали А. М. Прокументов¹, Ю. В. Николаева². Существует и другая точка зрения. Так, С. В. Тасаков, Ч. Ш. Купирова полагают это излишним³. М. В. Чугунова считает, что «отнесение гл. 20 УК РФ к разделу VII «Преступления против личности» представляется оправданным, поскольку входящие в нее преступления посягают на интересы членов семьи и несовершеннолетних, то есть непосредственно на права личности»⁴. Полагаем нецелесообразным рассматривать «интересы семьи» как разновидность интересов личности. В этом случае сужается круг общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона, без внимания остаются интересы семьи.

Обращаясь к истории правового регулирования интересов семьи, укажем, что том XV Свода законов Российской империи «Законы уголовные» (1832) содержал отдельный раздел VIII «О наказаниях за преступления против прав семейственного состояния», который включал в себя главу 1 «О превышении прав родительской власти» (ст. 653–654), главу 2 «О непослушании и оскорблении детьми родителей» (ст. 655–659), главу 3 «О принятии чужой фамилии» (ст. 660), главу 4 «О многобрачии» (ст. 661–662), главу 5 «О прелюбодеянии» (ст. 663–665)⁵.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845) также предусмотрен самостоятельный раздел XI «О

¹ Прокументов А. М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск: ИД Томского государственного университета, 2017. С. 41.

² Николаева Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 236.

³ Купирова Ч. Ш., Тасаков С. В. Преступления против несовершеннолетних: монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2016. С. 54.

⁴ Чугунова М. В. Определение понятия «семья» и несоблюдение единства терминологии в главе 20 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29. С. 83.

⁵ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб.: тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. С. 207–210.

преступлениях против прав семейственных», включающий в себя главу 1 «О преступлениях против союза брачного» (ст. 2040–2077), главу 2 «О злоупотреблении родительской власти и преступлениях детей против родителей» (ст. 2078–2086), главу 3 «О преступлениях против союза родственного» (ст. 2087–2090), главу 4 «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей» (ст. 2091–2093)¹.

Уголовное уложение (1903), как известно, не содержало разделов и состояло только из глав. В нем также выделена специальная глава 19 «О преступных деяниях против прав семейственных», в состав которой вошли ст. 408–426: принуждение к вступлению в брак (ч. 1 ст. 408); вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значения своих действий или руководить ими (ст. 409); вступление в брак посредством обмана (ст. 410); заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411) и иные статьи такого же характера (ст. 412–416); супружеская измена (ст. 418); отказ доставлять пропитание и содержание нуждающимся родителям (п. 1 ст. 419); неповиновение родительской власти (п. 2 ст. 419); грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419) и другие статьи². Обратим внимание на то, что глава 19 размещена в Уложении перед главой 22 «О лишении жизни» и главой 23 «О телесном повреждении и насилии над личностью»³. Такое расположение главы свидетельствует о приоритете интересов семьи.

Сегодня в уголовных законах большинства стран преступления против семьи и несовершеннолетних выделены в отдельный раздел. Уголовный кодекс Германии включает в себя самостоятельный раздел XII «Преступные деяния против гражданского состояния, брака и семьи»⁴, в который входят такие общественно опасные деяния, как фальсификация актов гражданского состояния (§ 169), нарушение обязанностей

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных. СПб.: тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 813–821.

² Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: изд. Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. С. 134–138.

³ Там же. С. 146–149.

⁴ Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 25.02.2025).

содержания или алиментирования (§ 170), нарушение обязанностей попечения и воспитания (§ 171), двоебрачие, двойной однополый брак (§ 172), половое сношение между родственниками (§ 173). В Уголовном кодексе Испании представлен раздел XII «Преступления против семейных отношений»¹, который включает в себя главу 1 «Незаконный брак» (ст. 218–220), главу 2 «Незаконное усыновление, нарушение родительских прав, нарушение статуса несовершеннолетнего (ст. 221–223), главу 3 «Преступления против семейных прав и обязанностей» (ст. 224–232).

Учитывая вышеизложенное, считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ таким объектом уголовно-правовой охраны, как «интересы семьи». Это определяется следующими факторами: закреплением за государством защиты института семьи на международном уровне; признанием этого объекта конституционной ценностью; отнесением семьи к традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, ценностью этого охраняемого объекта, его социальной значимостью для личности, общества и государства.

Полагаем, что нет необходимости упоминать в ч. 1 ст. 2 УК РФ охрану материнства, отцовства и детства от преступных посягательств в качестве отдельных задач. В Конституции РФ «материнство», «отцовство» и «детство» рассмотрены как одно целое, то есть как семья. Именно поэтому охрана и защита материнства, отцовства и детства возможна через охрану и защиту института семьи.

Дополним, что УК РФ не предусматривает дефиницию основных понятий, используя термины из других отраслей права. Сегодня единое определение понятия «семья» в законодательстве отсутствует. Институт семьи не представлен. В стратегических документах понятие традиционной духовно-нравственной ценности «крепкая семья» также не раскрыто. Ранее указано, что семья охраняется различными отраслями права, которые по-разному толкуют данный термин и вкладывают в него разное содержание, применимое исключительно для этих отраслей права (например, Федеральный закон «О прожиточном минимуме в

¹ Penal Code (Organic Law No. 10/1995 of November 23, 1995, as amended up to Organic Law No. 2/2019 of March 1, 2019) // Wipo. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18760> (дата обращения: 25.02.2025).

Российской Федерации» содержит определение понятия «семья», Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» – понятия «многодетная семья»).

Как справедливо утверждает В. П. Камышанский, юридическая наука не может успешно развиваться и решать поставленные перед ней обществом задачи без четкого представления об объекте правового регулирования, то есть общественных отношений, процессов, которые происходят в обществе и нуждаются в стабильности, устойчивости, охране и защите со стороны государства¹. Сегодня, согласно результатам социологических и демографических исследований, наблюдается устойчивая тенденция к снижению рождаемости, уменьшению количества зарегистрированных браков, росту количества разводов, увеличению доли внебрачных детей и незарегистрированных сожительства. Состояние института семьи оценивается как кризисное. В ситуации, ввиду которой морально-нравственные нормы оказались малоэффективны, особое внимание следует уделить правовому регулированию семейных отношений. Отсутствие легального определения термина «семья» приводит не к защите семьи, а к защите ее отдельных членов (детей, родителей, супругов, бабушек, дедушек) безотносительно к их семейному положению, а также к девальвации семейных ценностей, ослабляя важность института семьи и брака. Отсутствие четкого определения «семья» также способствует дезорганизации семейных отношений, распространению альтернативных форм брака, появлению многочисленных фактически «сожительствам» союзов («пробный» брак, «гостевой» брак, «студенческий» брак). Полагаем, что с учетом реализации государственной политики по укреплению и сохранению семьи, как традиционной духовно-нравственной ценности, требуется придать семье как правовой категории легальный статус. Легальное закрепление определения «семья» необходимо и с практической, и с теоретической точки

¹ Камышанский В. П. Проблемы современной юридической науки: взгляд из региона // Сборник тезисов по итогам профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы»: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. А. Громский. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2019. С. 51.

зрения. Аналогичную позицию занимают Т. В. Шершень¹, Н. Н. Тарусина², И. В. Воробьева³. Понятие «семья» должно быть универсальным, единым, трактоваться однозначно для всех отраслей права. Существуют и иные точки зрения в отношении этого вопроса. Так, И. А. Трофимец считает, что к участникам семейных правоотношений относятся члены семьи, поэтому «именно эту категорию лиц нужно детерминировать на законодательном уровне, закреплять правовой статус»⁴.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов. Ценность семьи, материнства, отцовства и детства утверждается на международном уровне и в Конституции РФ. Как наивысшая ценность, семья должна получить соответствующую степень уголовно-правовой охраны от преступных посягательств. Видится необходимым изложить ч. 1 ст. 2 УК РФ в следующей редакции: «1. Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, семьи, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Внесению изменений в УК РФ должно предшествовать определение понятия «семья» в отраслевом законодательстве. С учетом важности и актуальности рассматриваемой темы для российского общества укажем, что данный вопрос должен стать предметом исследования науки нескольких отраслей права

Библиографический список

1. *Абдульмянова Т. В.* Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны

¹ *Шершень Т. В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 16–17.

² *Тарусина Н. Н.* Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020. № 4. С. 21.

³ *Воробьева И. В.* Правовая защита семьи как основное направление реализации концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 1. С. 104.

⁴ *Трофимец И. А.* К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20.

института семьи и прав несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 82–88.

2. *Арби Р. А.* Критерии классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних в уголовно-правовой и криминалистической доктрине // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 64–70.

3. *Винокуров В. Н.* Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система Особенной части УК РФ. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. 344 с.

4. *Воробьева И. В.* Правовая защита семьи как основное направление реализации концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 1. С. 104–109.

5. *Герасимов А. М.* Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // *Ex jure*. 2021. № 3. С. 165–181.

6. *Гошуляк В. В.* Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 31–40.

7. *Грачев Н. И.* Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 40–60.

8. *Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 182 с.

9. *Камышанский В. П.* Проблемы современной юридической науки: взгляд из региона // Сборник тезисов по итогам профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы»: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. А. Громский. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2019. С. 51–53.

10. *Купирова Ч. Ш., Тасаков С. В.* Преступления против несовершеннолетних: монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2016. 164 с.

11. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.

12. *Наумов А. В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клаувер, 2007. 537 с.

13. *Никифоров Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
14. *Николаева Ю. В.* Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 436 с.
15. *Прозументов А. М.* Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск: ИД Томского государственного университета, 2017. 308 с.
16. *Пудовочкин Ю. Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 366 с.
17. *Тарусина Н. Н.* Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica. 2020. № 4. С. 21–33.
18. *Татарников В. Г., Никитин Ю. П.* Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 24–33.
19. *Титов С. Н.* Объект преступления и объект уголовно-правовой охраны в сфере интеллектуальной собственности // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 12–25.
20. *Трофимец И. А.* К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 20–23.
21. Уголовное право России: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М.: Юристъ, 2006. 540 с.
22. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, Инфра-М, 2009. 800 с.
23. *Улезько С. И.* Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 70–74.
24. *Чугунова М. В.* Определение понятия «семья» и несоблюдение единства терминологии в главе 20 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29. С. 81–84.
25. *Шершень Т. В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

Е. В. Ильин

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики
Россия, г. Санкт-Петербург
jopson007@yandex.ru

**ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ
ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТ ДЛЯ
ИНВЕСТИЦИЙ**

**ASSESSMENT OF THE PROSPECTS OF USING DIGITAL
FINANCIAL ASSETS AND CRYPTOCURRENCIES FOR
INVESTMENTS**

В статье рассмотрены особенности нормативного регулирования цифровых финансовых активов и криптовалют в Российской Федерации с точки зрения их возможного использования в качестве средств инвестиций и сбережений. Обращено внимание на основы действующего законодательного подхода к регулированию цифровых финансовых активов с выводом о необходимости его дальнейшего развития и совершенствования. Автор подробно анализирует существующие достоинства и недостатки криптовалют в качестве одной из форм инвестиций, формулируя вывод о начальном этапе развития их действующего регулирования с фактически стартовавшим циклом постепенной отмены установленных запретов и ограничений. Особый акцент сделан на анализе перспектив возможного слияния рынка цифровых финансовых активов и криптовалют, его использовании в качестве инновационного финансового инструмента для обеспечения бесперебойности международных расчетов, а также на нивелировании рисков в условиях санкционного давления и геополитической нестабильности.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, расчеты, инвестиции, квалифицированные инвесторы, инвестиционный рынок, биткоин, блокчейн, токенизация активов.

The article examines the specifics of regulatory framework for digital financial assets and cryptocurrencies in the Russian Federation regarding their potential use as investment and savings instruments. It highlights the foundations of the current legislative approach to regulating digital financial assets, concluding that further development and refinement of this framework are necessary. The author provides a detailed analysis of existing advantages and disadvantages of cryptocurrencies as an investment vehicle, noting that their current regulation is at an early stage of development, with a gradual lifting of existing bans and restrictions already underway. Special emphasis is placed on analyzing prospects for potential convergence of digital financial assets and cryptocurrency markets, their use as innovative financial instruments to ensure uninterrupted international settlements, and risk mitigation amid sanctions pressure and geopolitical instability.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, settlements, investments, qualified investors, investment market, Bitcoin, blockchain, asset tokenization.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации финансового сектора особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования и практического использования различных форм электронных денег и цифровых способов инвестирования. В России в настоящее время активно формируется многоуровневая система электронных платежных и инвестиционных инструментов, включающая в себя электронные денежные средства, цифровые валюты, криптовалюты и цифровые финансовые активы (далее – ЦФА)¹.

Каждый из указанных инструментов, в особенности криптовалюты и ЦФА, используемые в инвестиционных и сберегательных целях, имеет специфику правового регулирования и нюансы практического применения. Это требует комплексного научного анализа. В первую очередь представляется необходимым проанализировать и оценить

¹ Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13; Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 1. С. 14.

актуальное нормативное регулирование ЦФА, позволяющее использовать их в качестве инвестиций и сбережений.

Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹ устанавливает базовые принципы учета цифровых прав, закрепляет правовой статус цифровых активов как инвестиционного инструмента и формирует основу для использования цифровых активов в инвестиционных целях в рамках российской правовой системы (далее – № 39-ФЗ). Согласно ст. 7 № 39-ФЗ цифровые права учитывают на специальных депозитарных счетах, а депозитарий обязан вести их учет и отчитываться перед депонентом (владельцем). При этом депозитарий обязан обособить цифровые права клиентов от собственных активов, что исключает их смешение и делает невозможным обращение на них взыскания по обязательствам депозитария, защищая инвесторов от рисков, связанных с финансовым состоянием депозитария. Права владельца на цифровые активы подтверждаются выпиской депозитария.

Владелец ЦФА, удостоверяющих права на акции или облигации, может участвовать в голосовании на общих собраниях акционеров или владельцев облигаций, если ЦФА зачислены на его счет депо, эмитент получил информацию о владельцах и количестве ценных бумаг, а дивиденды и иные выплаты по акциям/облигациям, удостоверенным ЦФА, поступают на счет депо владельца.

Главная особенность выплат через цифровые активы и распоряжения ими заключается в том, что денежные средства, полученные представителем владельцев ЦФА, хранятся на отдельном банковском счете, и их используют только для исполнения обязательств эмитента и возмещения расходов, связанных с управлением активами. Депозитарий распоряжается цифровыми правами депонента исключительно по его указанию (например, передача в залог, обременение), а все операции осуществляются в информационной системе без привлечения третьих лиц, что ускоряет процесс и значительно снижает издержки.

Другим профильным основополагающим нормативным актом, системно регулирующим вопросы ЦФА как

¹ О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

инвестиционного инструмента, выступает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – № 259-ФЗ). Указанный закон, определяя условия выпуска и обращения ЦФА, в ст. 26 устанавливает возможность приобретения ЦФА через инвестиционные платформы наравне с утилитарными цифровыми правами, а также возможность совершения сделок с ЦФА (включая обмен и куплю-продажу) через оператора обмена ЦФА. Выпуск ЦФА может состояться исключительно при участии оператора выпуска ЦФА.

На подзаконном уровне регулирование вопросов инвестиций в ЦФА во многом сводится к актам Банка России, выступающего в качестве регулятора на рынке ЦФА, а также предоставляющего лицензии операторам и устанавливающего требования к ним. В частности, указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У² устанавливает ряд ограничений для инвесторов, разделяя их на квалифицированных и неквалифицированных.

Квалифицированные инвесторы имеют право приобретать ЦФА с особыми характеристиками: выпущенные за рубежом; удостоверяющие права по специализированным ценным бумагам; не содержащие срока исполнения обязательств эмитентом; с выплатами, зависящими от рыночных показателей (например, курса валют, индексов), за исключением ЦФА, привязанных к стоимости акций из котировальных списков российских бирж.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 25.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

² О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов: указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У (в ред. от 15.06.2022) (зарегистрировано в Минюсте России 21 декабря 2020 г. № 61622) // Вестник Банка России. 2020. 30 декабря.

Физические лица, не являющиеся квалифицированными инвесторами, могут вкладывать в ЦФА не более 600 тыс. руб. в год (лимит). Эта сумма включает в себя как денежные средства, так и стоимость других ЦФА, передаваемых в качестве встречного предоставления. Исключение составляют ЦФА, связанные с акциями из котировальных списков бирж (кроме облигаций), удостоверяющие права по облигациям федерального займа, а также обеспеченные облигациями эмитентов с кредитным рейтингом не ниже уровня, установленного Банком России.

Юридические лица, не имеющие статуса квалифицированных инвесторов, могут приобретать ЦФА без ограничений, если ЦФА не соответствуют признакам, запрещенным для неквалифицированных инвесторов. Корпоративные выплаты по ЦФА, удостоверяющим права на акции или дивиденды, должны быть обеспечены в срок не позднее 35 рабочих дней после определения круга получателей. Для защиты инвесторов дивиденды перечисляют на специальный залоговый счет в банке с высоким кредитным рейтингом.

Можно заключить, что инвестиционный аспект деятельности, связанной с оборотом цифровых активов в России, регулируется комплексом нормативно-правовых документов, образующих многоуровневую систему регулирования с № 39-ФЗ и № 259-ФЗ в ее основе, устанавливающими базовые принципы функционирования рынка цифровых активов, определяющими их правовой статус и полномочия регуляторов.

Вряд ли можно считать такое регулирование избыточным для успешного развития рынка ЦФА в Российской Федерации (РФ). Рынок ЦФА находится лишь в начале пути собственной эволюции, продиктованной объективными мировыми тенденциями развития цифровых технологий, проникающих во все большее количество сфер, затрагивающих и финансы хозяйствующих субъектов.

По состоянию на апрель 2025 г. в качестве операторов выпуска ЦФА в России зарегистрированы и функционируют 15 компаний, при этом за последний год их количество увеличилось сразу на пять новых участников¹. В научной среде перспективы развития инвестиций в ЦФА оценивают от их скромной оценки

¹ Цифровые финансовые активы и их операторы // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper (дата обращения: 09.04.2025).

как удобного способа для минимизации рисков в период экономической турбулентности и сильного санкционного давления¹ до революционных по сути призывов о создании единой общенациональной интернет-платформы ЦФА, эффективно функционирующей по унифицированным принципам собственной единой технологии блокчейн под регулятивным контролем Банка России².

Тем не менее даже в условиях действующего правового регулирования ЦФА в России можно говорить о существовании базы для создания принципиально новых возможностей в целях развития инвестиционных идей и инновационных инвестиционных цифровых инструментов³.

Далее, двигаясь по пути изучения альтернативных инновационно-технологических способов инвестиций, проанализируем инвестиционную привлекательность криптовалют. Предлагаем начать с описания их ключевых преимуществ.

Первое и наиболее значимое преимущество – потенциал высокой доходности. Сравнительный анализ показывает, что за пятилетний период до конца 2020 г. биткоин (BTC) продемонстрировал годовой рост в 131,5 %, значительно превысив показатели индекса S&P 500 (14,5 %)⁴. Такую динамику следовало бы охарактеризовать как привлекательную ввиду низкой доходности государственных облигаций. С 2021 по 2024 г. стоимость биткоина возросла еще в четыре раза, превысив в январе 2025 г. отметку в 100 тыс. долл. США.

Второе преимущество криптовалют – возможность диверсификации портфеля. Статистика показывает, что в периоды падения S&P 500 биткоин часто демонстрировал рост.

¹ Кушницренко М. Р. Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2023. № 02 (56). С. 6.

² Гончаров А. И., Садков А. Н., Садков В. А., Орлова А. А. О необходимости формирования национальной интернет-платформы цифровых финансовых активов // Вестник Института экономических исследований. 2024. № 2 (34). С. 123.

³ Тетюшин А. В. Классификация цифровых финансовых активов и их идентификация в финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 24.

⁴ Умаров Х. С. Криптовалюты как инвестиции: преимущества и риски // Дискуссия. 2022. № 1 (110). С. 52.

Портфель с 10 % распределением в биткойн и 90 % в S&P 500 показал годовую доходность 26,8 % при улучшенном соотношении риск/доходность (1,5 против 0,95 у чистого S&P 500)¹.

Третье преимущество – ограниченное предложение, особенно характерное для биткойна с его максимальной эмиссией в 21 млн монет. По состоянию на конец 2024 г. добыто около 19,783 млн монет (это более 94,25 % от их общего количества), а на добычу оставшихся 1,217 млн уйдет около 119 лет из-за механизма халвинга (сокращения вдвое награды майнерам каждые четыре года). Предыдущая награда составляла 6,25 BTC за блок, но в 2024 г. снизилась до 3,125 BTC. Следующий халвинг ожидается в 2028 г.² Ограниченное предложение при растущем спросе объективно создает потенциал для роста цены.

Таким образом, криптовалюты, особенно биткойн, рассматривают как защиту от обесценивания фиатных валют на фоне беспрецедентной, а в ряде случаев вызывающей обоснованную тревогу, монетарной политики центральных банков. После финансового кризиса 2008–2009 гг. в рамках реализации программ «количественного смягчения» балансы ФРС США, ЕЦБ и Банка Японии возросли примерно на 6 трлн долл. каждый (увеличение в 4–8 раз)³. Продолжительные периоды низких ключевых ставок, многократное наращивание денежной массы, скупка казначейских ценных бумаг вызывали и вызывают опасения повторения худших исторических сценариев гиперинфляции, подобных инфляции в Веймарской республике в 1921–1923 гг. Криптовалюты привлекательны отсутствием политического давления и ограниченной эмиссией, что теоретически защищает от инфляционных рисков⁴.

¹ Решетников Д. А. Инвестиции в криптовалюту как альтернативное направление финансовых вложений // Экономика строительства. 2023. № 8. С. 53.

² Гордышев О. «Биткойн заканчивается». Каково на самом деле предложение криптовалюты // РБК. 2024. 11 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675869659a79475cefb8ab8> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Катасонов В. Центробанк убытков // Завтра.ру. 2024. 25 августа. URL: https://zavtra.ru/blogs/panorama_tcentrobankov_natcional_nij_bank_shvejtcarii?ysclid=mckm4e6jl1352513805 (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Севрюгин Ю. В., Сошин В. А. Криптовалюты как новый инструмент для портфельных инвесторов // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 1. С. 42.

Наряду с признанием привлекательности криптовалют как инвестиционного инструмента стоит указать и их главные препятствия на этом пути. Ключевым риском является их экстремальная волатильность: годовые колебания цены биткоина достигают 90 %, что значительно превышает волатильность традиционных активов (S&P 500 – 15,3 %, золото – 13,4 %). Статистика показывает впечатляющий разброс месячной доходности биткоина: от +76,1 до -37,6 %, при этом в 20 % случаев месячные потери превышали 10 %. За аналогичный период S&P 500 показывал отрицательную доходность реже, чем биткоин (17 против 25 месяцев)¹. Высокая волатильность делает их непривлекательными для продавцов, которые сталкиваются с риском значительных колебаний стоимости полученной оплаты. Эта же нестабильность препятствует использованию криптовалют как средства инвестиций и сбережения, поскольку их стоимость может существенно изменяться даже в течение дня.

Кроме того, ограниченная практическая применимость криптовалют, связанная с частым запретом на их использование в качестве средства платежа (в том числе в России), создает ситуацию, в которой, несмотря на растущее признание, криптовалюты редко принимают и используют в повседневных транзакциях. Наконец, практически полное отсутствие официального надзора создает благоприятную среду для криминальной активности. Исследования показывают, что около четверти пользователей биткоина и 46 % транзакций с ним связаны с нелегальной деятельностью.

Это вызывает обоснованную обеспокоенность регуляторов и может привести к сохранению установившегося в настоящее время в России осторожного подхода к регулированию криптовалют, сохранению ограничений на их использование в качестве средства платежа², замедляя процессы их легализации и снижая их привлекательность как инвестиционного инструмента. Базовое нормативное регулирование криптовалют находится в

¹ Аганин А. Д., Маневич В. А., Пересецкий А. А., Погорелова П. В. Сравнение моделей прогноза волатильности криптовалют и фондового рынка // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2023. № 27 (1). С. 49.

² Камышанский В. П. Запрет майнинга и оборота криптовалюты в России: проблемы и тенденции // Власть Закона. 2021. № 4 (48). С. 12.

Перспективы развития инвестиционного рынка в России действительно тесно связаны с синергией ЦФА и криптовалют, что обусловлено рядом существенных факторов. С экономической точки зрения такой синтез предоставляет уникальные возможности для диверсификации инвестиционного портфеля в условиях ограниченного доступа к западным финансовым рынкам. ЦФА, будучи регулируемые цифровыми правами, обеспечивают легальный механизм для токенизации реальных активов, что позволяет привлекать инвестиции в реальный сектор экономики. Криптовалюты могут служить дополнительным инструментом для международных расчетов и хеджирования рисков в условиях санкционного давления.

Правовая база для такого развития заложена принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», который создает регулируемую среду для ЦФА. И, хотя статус криптовалют остается неоднозначным, считаем, что наблюдается осторожное движение к усилению детализации их регулирования. Об этом свидетельствуют последние законодательные изменения и инициативы Банка России последних лет, связанные с их постепенной легализацией¹.

Интеграция ЦФА и криптовалют может происходить через создание гибридных финансовых продуктов. При этом ЦФА обеспечивают юридическую защиту и прозрачность, а криптовалютные технологии предоставляют техническую инфраструктуру и возможности для трансграничных операций. Это особенно актуально для развития новых форм финансирования, таких как краудфандинг и токенизация активов.

Значимый аспект – возможность использования смарт-контрактов, которые могут автоматизировать процессы соблюдения регуляторных требований и одновременно обеспечивать эффективность транзакций. Это создает предпосылки для формирования новой финансовой экосистемы, при которой традиционные финансовые инструменты органично сочетаются с цифровыми инновациями.

<https://www.rbc.ru/crypto/news/652fd15a9a794748915228a1> (дата обращения: 15.04.2025).

¹ Ильин Е. В. Правовая природа и особенности регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 186.

Экономическая целесообразность такого подхода подкреплена потенциалом снижения транзакционных издержек, повышения ликвидности активов и расширения доступа к инвестиционным возможностям для широкого круга инвесторов. Технология распределенного реестра, находящаяся в основе ЦФА и криптовалют, обеспечивает прозрачность и безопасность операций.

С точки зрения регулирования синтез ЦФА и криптовалют позволяет создать сбалансированную систему, при которой инновационные финансовые инструменты развиваются в рамках правового поля, обеспечивая защиту прав инвесторов и соблюдение требований финансового мониторинга. Это особенно важно в контексте борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Полагаем, что развитие этого направления может способствовать также укреплению технологического суверенитета России в финансовой сфере, создавая альтернативные каналы для международных финансовых операций и снижая зависимость от западных финансовых систем. Перспективным представляется создание регулируемых платформ, на которых ЦФА и криптовалюты могут торговаться в рамках единой инфраструктуры, что повысит ликвидность рынка и создаст новые возможности для арбитража. Это может способствовать и развитию новых финансовых продуктов, таких как криптовалютные деривативы, обеспеченные реальными активами через ЦФА.

Таким образом, синтез ЦФА и криптовалют представляется нам одним из наиболее перспективных направлений развития инвестиционного рынка в России, поскольку позволяет сочетать инновационный потенциал цифровых технологий с необходимым уровнем регулирования и защиты прав инвесторов, создавая условия для устойчивого развития финансового рынка в новых экономических и геополитических реалиях.

Библиографический список

1. Аганин А. Д., Маневич В. А., Пересецкий А. А., Погорелова П. В. Сравнение моделей прогноза волатильности криптовалют и фондового рынка // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2023. № 27 (1). С. 49–77.
2. Гончаров А. И., Садков А. Н., Садков В. А., Орлова А. А. О необходимости формирования национальной интернет-

платформы цифровых финансовых активов // Вестник Института экономических исследований. 2024. № 2 (34). С. 123–132.

3. Гордышев О. «Биткоин заканчивается». Каково на самом деле предложение криптовалюты // РБК. 2024. 11 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675869659a79475cefbe8ab8> (дата обращения: 09.04.2025).

4. Ильин Е. В. Правовая природа и особенности регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 186–197.

5. Камышанский В. П. Запрет майнинга и оборота криптовалюты в России: проблемы и тенденции // Власть Закона. 2021. № 4 (48). С. 12–18.

6. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 1. С. 14–19.

7. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13–16.

8. Катасонов В. Центробанк убытков // Завтра.ру. 2024. 25 августа. URL: https://zavtra.ru/blogs/panorama_tcentrobankov_natcional_nij_bank_shvejtcarii?ysclid=mc6j1l352513805 (дата обращения: 10.04.2025).

9. Крохина Ю. А. Правовые модели включения криптовалюты в национальную платежную систему как способ противодействия экономическим санкциям // Банковское право. 2024. № 3. С. 56–64.

10. Кузьмичева А., Мордовина М. Минфин запланировал в 2025 году выпустить ЦФА на золото // РБК. 2024. 12 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675a9d8d9a7947af7bf47089> (дата обращения: 11.04.2025).

11. Кушниренко М. Р. Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2023. № 02 (56). С. 6–16.

12. Лузгин А. Минфин: для притока инвестиций в ЦФА нужно объединиться с «криптомиром» // РБК. 2023. 18 октября. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/652fd15a9a794748915228a1> (дата обращения: 15.04.2025).

13. Решетников Д. А. Инвестиции в криптовалюту как альтернативное направление финансовых вложений // Экономика строительства. 2023. № 8. С. 53–56.

14. Севрюгин Ю. В., Сошин В. А. Криптовалюты как новый инструмент для портфельных инвесторов // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 1. С. 42–48.

15. Тетюшин А. В. Классификация цифровых финансовых активов и их идентификация в финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 24–29.

16. Умаров Х. С. Криптовалюты как инвестиции: преимущества и риски // Дискуссия. 2022. № 1 (110). С. 52–60.

УДК 347.2/3.;
347.21
ББК 67.4

А. А. Карпенко

начальник отдела государственной регистрации
Управления Росреестра
по Краснодарскому краю
Россия, г. Краснодар
u19kaa@yandex.ru

**ПОНЯТИЯ «ТИПИЧНЫЙ» И «НЕТИПИЧНЫЙ»
КАК ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

**THE CONCEPTS OF «TYPICAL» AND «ATYPICAL»
AS EVALUATIVE CATEGORIES IN CIVIL LAW**

В статье содержится анализ понятия «нетипичный» как одной из оценочных категорий гражданского права. Дана общая классификация нетипичных правовых явлений в гражданском праве и законодательстве. Сформулировано авторское определение нетипичности как правового явления, раскрыты его основные признаки. Выделены элементы нетипичности применительно к отдельным институтам гражданского права. Утверждается, что при государственной регистрации нетипичных объектов недвижимости следует руководствоваться принципами добросовестности, разумности и экономической целесообразности, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов. Категории «типичный» и «нетипичный» в праве, их содержание, единство и взаимоисключаемость предлагается изучать с учетом их противопоставления.

Ключевые слова: типичный, нетипичный, оценочные категории, гражданское право, нетипичный объект гражданских прав, нетипичный объект недвижимости, объект гражданских прав, определенность и неопределенность.

The article analyzes the concept of "atypical" as one of the evaluative categories in civil law. It provides a general classification of atypical legal phenomena in civil legislation and jurisprudence. The author formulates an original definition of atypicality as a legal phenomenon and examines its key characteristics. The study identifies elements of atypicality in relation to specific civil law

institutions. The author argues that state registration of atypical real estate objects should be guided by principles of good faith, reasonableness and economic expediency to ensure a balance between public and private interests. The article proposes examining the legal categories of "typical" and "atypical" through the prism of their opposition, while considering their content, unity and mutual exclusivity.

Keywords: typical, atypical, evaluative categories, civil law, atypical object of civil rights, atypical real estate object, object of civil rights, certainty and uncertainty.

Оценочные категории прочно вошли в тексты источников новейшего российского гражданского законодательства. По мнению Г. А. Гаджиева, включенность оценочных понятий в содержание нормативных правовых актов выражает понимание законодателем своих ограниченных возможностей в аспекте формирования детально регламентирующих норм права, а также способность правоприменительного субъекта, исходя из соображений правовой справедливости, применять соответствующее правило поведения к конкретной жизненной ситуации¹. Гражданское законодательство содержит целый ряд оценочных понятий, применение которых на практике вызывает затруднения и нуждается в формировании правоприменителем определенной позиции, основанной на толковании норм действующего законодательства или сформированных учеными-юристами новых доктринальных подходов.

К числу оценочных категорий ввиду недостаточной определенности относятся также понятия «типичный» и «нетипичный». Понятия «типичный» и «нетипичный» – это парные категории права. Они отличаются тем, что одно из них вполне определено и получило законодательное закрепление, второе – несет в себе некую неопределенность, нуждающуюся в разрешении, в том числе путем толкования норм действующего законодательства с использованием разработанного наукой гражданского права целого ряда способов толкования².

¹ Гаджиев Г. А. Принцип правовой справедливости и роль судов в его обеспечении: качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 16.

² См., напр.: Камышанский В. П. За развитием учения Е. В. Васьковского – будущее цивилистической методологии // Методологические проблемы

Понятие «нетипичный» означает «лишенный типичности»¹, то есть не воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа предметов, лиц, явлений и не сочетающий в себе индивидуальные, своеобразные черты с признаками и свойствами, характерными для ряда лиц и явлений². В отношении нетипичных явлений возникают проблемы в определении их места при классификации по типам, в том числе при классификации объектов, обладающих отдельными признаками недвижимости. Среди них – нетипичный объект гражданских прав³, нетипичный объект земельных прав⁴, нетипичный объект наследования⁵, нетипичное завещание⁶, нетипичные работодатели⁷.

Следует иметь в виду, что действия гражданско-правовых норм, содержащих оценочные понятия, нельзя воспринимать лишь как деятельность по созданию новых норм гражданского права, поскольку ведущие направления действия права проявляются на уровне его функционирования как правовой действительности⁸, то есть в процессе его применения и осуществления. Любое оценочное понятие несет в себе некую

цивилистических исследований (по материалам XI Пермских чтений памяти профессора М. Ю. Чельшева, Пермь, 17–18 мая 2024 г.). 2025. Вып. 7. С. 70; Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2. С. 28; Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 18.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 486.

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 366.

³ Бевзенко Р. С. Как бороться с регистрацией в качестве недвижимого имущества объектов, таковым не являющихся? // Закон. 2008. № 6. С. 75.

⁴ Мисник Г. А. Нетипичные объекты земельных прав в сфере изменений земельного законодательства // Аграрное и земельное право. 2016. № 2 (134). С. 4.

⁵ Ходырева Е. А. Нетипичные объекты наследования // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 330.

⁶ См.: Портнова Е. В., Пчелякова Ю. Ю. Понятие и правовые предпосылки правовой регламентации нетипичной формы завещания // Наука. Общество. Государство: электрон. журнал. 2021. Т. 9. № 1 (33). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/portnova_ev_pchelyakova_yuyu_2021_1_16.pdf?ysclid=mc5ttms3kr972610528 (дата обращения: 21.06.2025).

⁷ Киселева Е. В., Цыбенко Д. А. Понятие «нетипичные работодатели» и их виды // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 62.

⁸ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 4.

неопределенность, которая нуждается в уяснении в процессе его применения в конкретной жизненной ситуации. В современной философии категории «определенность» и «неопределенность» используют при оценке свойств материи, находящейся в движении, осуществлении процесса познания и практической деятельности. Их необходимо применять при исследовании правовых явлений в качестве одного из средств познания¹. Определенность и неопределенность выступают свойствами любой материи, и правовая не является исключением.

По мнению представителя науки общей теории права, определенность и неопределенность, будучи свойствами правовой материи, ей объективно необходимы, поскольку обеспечивают гибкость, изменчивость, эластичность, а также возможность перехода явления от одного качественного состояния к другому². Полагаем, что неопределенность в праве следует рассматривать как его недостаток, а не как объективную необходимость.

В современных условиях правовую неопределенность целесообразно характеризовать как явление, свидетельствующее о несовершенстве права, его дефектности, выступающее технико-юридическим способом изложения правил поведения. При этом вызывает возражения изложенная в литературе позиция, согласно которой правовая неопределенность «эффективным образом сказывается на условиях динамизма общественных отношений, постоянной трансформации политической, экономической, социальной сфер государства, имеющегося многообразия вариантов поведения субъектов»³.

Для гражданского права неопределенность в некоторой степени свидетельствует о несовершенстве правового регулирования. Это явление говорит о том, что в отношении ряда фактических отношений отсутствуют прописанные в законе четкие правила поведения, либо содержание норм права носит противоречивый характер или дает основание для различного толкования в процессе осуществления судебского усмотрения. Неопределенность при наличии нескольких противоречащих норм

¹ Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. С. 18.

² Архипова Е. Ю. Позитивная правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 438.

³ Там же. С. 442.

приводит к тому, что правоприменитель в процессе их применения становится перед выбором относительно того, на какой из них остановиться.

Понятие «нетипичный» в контексте Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и других источников гражданского законодательства используют для обозначения объектов, договоров, формы завещания, которые не обладают характерными особенностями какого-либо типа. В отношении объектов понятие «нетипичный» уместно применять, если его правовая природа не вполне очевидна. Нетипичные объекты гражданских прав – это динамично развивающаяся правовая категория, возникающая в юридической науке и практике по мере развития отраслей реального сектора экономики, научно-технического прогресса и потребностей участников рыночных отношений. Вполне естественно, что закреплению в законодательстве новых объектов гражданских прав предшествуют их фактическое создание и определенный поиск на доктринальном уровне путей формирования и оптимизации содержания их правовых режимов. К таким объектам, например, могут быть отнесены заборы, асфальтовые площадки, теннисные корты, футбольные поля и волейбольные площадки¹.

К нетипичным объектам гражданских прав можно причислить линейные объекты, гидротехнические сооружения, имущественные комплексы. Нетипичность объекта следует отличать от непоименованности, поскольку понятия линейных объектов, гидротехнических сооружений и единого недвижимого комплекса получили закрепление в нормах федерального законодательства. Их нетипичность проявляется в определенных потребительских свойствах, многообразии объектов недвижимости и особенностях их правового режима.

В отношении договоров термин «нетипичный» может быть использован, если отдельные его признаки не получили закрепления в нормах гражданского законодательства, регламентирующих понятие и содержание поименованных договоров, либо содержатся элементы нескольких поименованных договоров (например, смешанный договор).

¹ Леднева М., Удальцова Н. Некоторые аспекты признания «нетипичных» объектов гражданского оборота недвижимым имуществом // Хозяйство и право. 2011. № 8. С. 99.

Библиографический список

1. *Архипова Е. Ю.* Позитивная правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 437–444.
2. *Бевзенко Р. С.* Как бороться с регистрацией в качестве недвижимого имущества объектов, таковым не являющихся? // Закон. 2008. № 6. С. 75–83.
3. *Власенко Н. А.* Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. 176 с.
4. *Гаджиев Г. А.* Принцип правовой справедливости и роль судов в его обеспечении: качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 16–28.
5. *Камышанский В. П.* За развитием учения Е. В. Васьковского – будущее цивилистической методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований (по материалам XI Пермских чтений памяти профессора М. Ю. Чельшева, Пермь, 17–18 мая 2024 г.). 2025. Вып. 7. С. 70–86.
6. *Камышанский В. П.* О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2. С. 28–41.
7. *Киселева Е. В., Цыбенко Д. А.* Понятие «нетипичные работодатели» и их виды // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 62–67.
8. *Леднева М., Удальцова Н.* Некоторые аспекты признания «нетипичных» объектов гражданского оборота недвижимым имуществом // Хозяйство и право. 2011. № 8. С. 99–105.
9. *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
10. *Мисник Г. А.* Нетипичные объекты земельных прав в сфере изменений земельного законодательства // Аграрное и земельное право. 2016. № 2 (134). С. 4–8.
11. *Портнова Е. В., Пчелякова Ю. Ю.* Понятие и правовые предпосылки правовой регламентации нетипичной формы завещания // Наука. Общество. Государство: электрон. журнал. 2021. Т. 9. № 1 (33). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/portnova_ev_pchelyakova_y

12. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 792 с.

13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. 736 с.

14. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

15. Ходырева Е. А. Нетипичные объекты наследования // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 330–343.

В. Е. Кортяев

соискатель

Ростовского государственного
университета путей сообщения

Россия, г. Ростов-на-Дону

vitaly.kortyaeff@yandex.ru

**СОВЕТСКОЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ДРЕВНЕЙ ТМУТАРАКАНИ**

**SOVIET HISTORICAL AND LEGAL SOURCE STUDIES OF
ANCIENT TMUTARAKAN**

Исследование посвящено советскому историко-правовому источниковедению древней Тмутаракани. Автор пытается решить фактически неразработанный вопрос о правовой природе такого малоизвестного государственного образования, как Тмутаракань. В связи с этим рассмотрен вопрос о том, что дал советский период для решения данной проблемы, что дали исследования советских археологов, историков, правоведов, что дали археологические находки советского периода, относящиеся к древнерусской Тмутаракани. Автором проанализирован максимально доступный объем источников и отобраны такие, которые имеют ценность с точки зрения историко-правовой науки. В результате сделан обоснованный вывод: период СССР является ключевым для археологии, которая получила мощный импульс развития и регулярно пополнялась новыми исследованиями. Утверждается, что работ юридического (историко-правового) характера в контексте темы Тмутаракани в СССР фактически не создано, поскольку советские исследователи считали данную тему малоперспективной для права.

Ключевые слова: Тмутаракань, княжество, Древняя Русь, государство, право, археология, исследование, источниковедение.

The study examines Soviet historico-legal source studies concerning ancient Tmutarakan. The author addresses the virtually unexplored question of the legal nature of this little-known political entity. Specifically, the research evaluates the Soviet period's contribution to resolving this problem through archaeological

discoveries and scholarly works by Soviet archaeologists, historians, and legal scholars related to Old Russian Tmutarakan. The author has analyzed all available sources, selecting those with particular value for legal-historical science. The study concludes that the Soviet era proved crucial for archaeology, providing strong developmental impetus and continuous scholarly contributions. However, it establishes that virtually no juridical (historical-legal) works about Tmutarakan were produced in the USSR, as Soviet researchers considered this topic unpromising for legal studies.

Keywords: Tmutarakan, principality, Ancient Rus', statehood, law, archaeology, research, source studies.

Революционные события 1917 г. погрузили государство в хаос и анархию. В такой ситуации проведение археологических исследований становилось крайне затруднительным. Среди работ, относящихся к начальному этапу, имеющих значение для нас, следует указать «Задачи русской нумизматики древнейшего периода» А. В. Орешникова¹. В этой публикации исследована чеканка монет в Тмутаракани, в частности Олегом Святославичем («Гориславичем») во время его нахождения в Тмутаракани в качестве князя. Интерес представляет и работа А. А. Ильина «Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода»², в которой также содержится характеристика монетного дела Тмутаракани по источникам, доступным и систематизированным на 1924 г.

В 30-е гг. XX в. отечественная археология начала пополняться новыми исследованиями. Напрямую это связано с деятельностью экспедиции А. А. Миллера (1875–1935). Ю. А. Виноградов, Е. Г. Застрожнова, М. В. Медведева пишут: «В сферу ее деятельности были включены исследования двух крупных городищ – Гермонассы (Тмутаракань) и Фанагории»³. Далее указанные авторы продолжают: «... в 1931 г. раскопки

¹ Орешников А. В. Задачи русской нумизматики древнейшего периода // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год тридцать первый). 1918. № 54. С. 29.

² Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л.: Российская государственная академическая типография, 1924. С. 32.

³ Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В. Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории // Боспорские исследования: сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, Керчь, 2021. Вып. 42. С. 271.

Тмутаракани были проведены в полном соответствии с намеченным планом¹. Информация о работе Таманской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) содержится в статьях-отчетах А. А. Миллера.

Далее исследования продолжены. Согласно Я. М. Паромову, «в те же годы (1938–1940) Таманским отрядом Боспорской экспедиции ГАИМК, базировавшейся в Керчи, были возобновлены раскопки Западного некрополя Гермонассы-Тмутаракани. Ими руководил заведующий Таманским музеем А. Г. Остроумов (экспедицию возглавлял В. Ф. Гайдукевич)»². Далее Я. М. Паромов характеризует найденные экспедицией погребения, как «весьма ценные для науки». Он пишет: «По ряду признаков исследованные погребения показывают, что “местная составляющая и местное влияние” на синкретическую по своему характеру культуру Боспора были достаточно велики. Большая часть средневековых погребений представляла собой безынвентарные или с самым малочисленным инвентарем захоронения ранневизантийского, хазарского, тмутараканского и турецко-татарского периодов. Следует отметить, что при исследованиях и при публикации этим погребениям было уделено явно недостаточное внимание»³. В этот же период И. И. Ляпушкин пишет работу «Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и на Тамани по археологическим памятникам», которая также представляет интерес для историко-правовой науки.

К. В. Голенко в своих трудах о нумизматике утверждает, что чеканка тмутараканских подражаний византийским монетам, ходившим в Тмутаракани в период Древнерусского государства, не оставляет сомнений в их русском происхождении⁴. Он говорит о том, что издаваемые им тмутараканские подражания являются памятником монетного дела и денежного обращения русской Тмутаракани, что в целом представляется верным.

¹ Там же.

² Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991) // Боспорские исследования: сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь, 2020. Вып. 40. С. 245.

³ Паромов Я. М. Указ. соч.

⁴ Голенко К. В. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // Византийский временник. 1953. Т. VII. С. 269; Голенко К. В. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 216.

В 1961 г. издана работа Е. Ч. Скржинской «Греческая надпись из Тмуторокани». В ней автор характеризует плиту и нанесенную на нее надпись на греческом языке. Предположение о том, что плита является надгробием, Е. Ч. Скржинская отвергает на основании того, что небольшие размеры при значительной толщине и очевидные следы строительного раствора по бокам плиты свидетельствуют о вмонтировании этой плиты в стену здания. Наиболее логична версия о том, что указанная плита с аккуратно вырезанной надписью на греческом языке «Иоанникия» служит частью поминального памятника¹. Е. Ч. Скржинская отвергает наличие массовой постройки в Тмутаракани христианских церквей. Вместе с тем она допускает взаимосвязь упомянутой плиты с монастырем, основанным Никоном Печерским в Тмутаракани.

А. В. Гадло, опубликовавший множество ценных работ об историко-правовой историографии Таманского полуострова, внес вклад и в источниковедение, будучи руководителем Приазовского археологического отряда Ленинградского государственного университета в 1962 г. Поставленная перед ним задача предусматривала изучение раннесредневековых памятников в районах, примыкающих к Азовскому морю с севера и юга. План работ включал в себя обследование известных и выявление новых памятников салтово-маяцкой культуры, поиск хронологически и генетически предшествующих им памятников, а также памятников эпохи Тмутараканского княжества². Отрядом с 9 сентября по 5 октября 1962 г. исследованы район крепости Ени-Кале, поселение Войково, поселение Золотой курган, поселение Новониколаевка, поселение Репьевка, поселение Приозерное, поселение Пташкино, Плитовый могильник Пташкино, поселения на юго-западной окраине и к югу от пос. Эльтиген, плитово-грунтовый могильник на поселении Героевка-2, поселение Ченгелек (Костырино-I), поселение Заветное (Яныш-Такиль I). Характеристике и тщательному анализу подвергнуты находки из этих мест.

¹Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Тмуторокани // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 74.

²Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // Боспорские исследования: сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, Керчь, 2013. Вып. 28. С. 435.

Промежуточным итогом деятельности уже Таманской археологической экспедиции стало издание работы под названием «Керамика и стекло древней Тмутаракани». Для историко-правовой науки эта работа имеет огромную ценность, поскольку в ней систематизированы археологические данные. Это обогатило источниковедение по предмету и позволяет реконструировать общественный строй, государственный строй и правовую систему Тмутаракани. Б. А. Рыбаков предполагает: «По всей вероятности, Тмутаракань была разгромлена войсками Чингисхана в 1223 г. В XV–XVIII хозяевами города являлись турки»¹. Вместе с тем ни письменные, ни археологические источники, доступные нам, не свидетельствуют о принятии населением Тмутаракани или (принимая гипотезу Б. А. Рыбакова) после ее разгрома иным административно-территориальным образованием на ее территории общественного строя Золотой Орды либо Османской империи. Б. А. Рыбаков пишет: «Археологически изучались слои от VI в. до н. э. и до конца XVIII в. В процессе раскопок найдено много жилых и производственных сооружений, улиц и переулков, сырцовая крепостная стена X века и известная по летописи церковь 1023 г., построенная князем Мстиславом Тмутараканским»². Распространение православной веры, в свою очередь, служило основой для построения правоотношений между церковью с одной стороны и государством (обществом) – с другой.

Далее в работе «Керамика и стекло древней Тмутаракани» рассмотрены изделия, найденные по итогам работы экспедиции: кухонная посуда, лепная кухонная керамика, миски и кувшины. Кроме того, большое внимание уделено развитию стекольного производства, чеканки монет. С точки зрения историко-правовой науки данная работа обнаруживает уровень развития ремесел выше среднего: в период «русской Тмутаракани» один из самых высоких среди административно-территориальных образований Древней Руси. На страницах этого издания прослеживается мысль об утрате русской Тмутараканью статуса крупного экономического центра в сравнении с хазарским периодом: «...разница между богатым торговым городом Таматархой времен

¹ Керамика и стекло древней Тмутаракани / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 3.

² Керамика и стекло древней Тмутаракани / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 4.

Хазарского каганата и запустевшей Тмутараканью – бросается в глаза даже при анализе только керамического материала. Объясняется это разницей требований, которые предъявлялись к этому городу хазарскими и русскими властями. Хазарский каган всячески поддерживал торговлю, поскольку она была крупнейшим источником дохода. Русские князья, оторванные от русской земли десятками дней пути, стремились создать из захваченной ими Тмутаракани крупный военный пост»¹. Далее утверждается: «С начала XII до середины XIII вв. длился половецкий период в истории Тмутаракани»². Иными словами, русское влияние в Тмутаракани к XII в., по мнению Б. А. Рыбакова, постепенно стремится к нулю.

Большую ценность для историко-правового источниковедения Тмутаракани представляет работа Т. И. Макаровой «Поливная керамика Древней Руси» (1972). Автор пишет о том, что в IX–X вв. Северное Причерноморье становится местом оживленной торговли Руси с Византией. При этом важное место в этом процессе отведено Корсуню. Иными словами, корсунские купцы доставляли в Константинополь товары Руси: кожу, воск, меха; оттуда шли в основном предметы роскоши, в том числе ткани, драгоценности, пряности и др. Вместе с перечисленными товарами вывозили и посуду, немалое количество которой впоследствии найдено на раскопках в Херсоне. Из Херсона торговый путь проходил на Таматарху и Саркел. Т. И. Макарова дает подробную характеристику посуде и керамике, делая акцент на том, что византийская керамика в массе своей попадала на территорию Тмутаракани, а затем – в Белую Вежу. В Тмутаракани и Белой Веже были известны блюда и чаши с рисунками, нанесенными на глину резцом. В Тмутаракани пользовались большой популярностью глубокие чаши с поливой желтого цвета. Население Тмутаракани было знакомо с самыми передовыми в исследуемый период способами нанесения рисунков на керамику. В отличие от образцов из Византии, посуда и керамика производства восточных народов в Тмутаракани не найдена³.

¹ Керамика и стекло древней Тмутаракани / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси. М.: Наука, 1972. С. 18.

В. Ф. Гайдукевич (1904–1966) в своих трудах, в частности в публикации «Некрополи некоторых боспорских городов» (1959), составил подробнейшее описание археологических находок на территории Таманского полуострова. Им описаны погребения, керамика, в том числе Тмутараканского периода¹. А. К. Коровина (1918–2000), будучи на протяжении двадцати лет (1968–1988) руководителем Гермонасской археологической экспедиции, в исследованиях об археологии Таманского полуострова большое внимание уделила русскому периоду в истории Тмутаракани. К. В. Кострин (1901–1974) в публикации «Исследование смолистого вещества из “черносмолёных” кувшинов средневековой Тмутаракани»² проанализировал состав остатков нефти из кувшинов, найденных на территории Тмутаракани, и доказал, что Тмутаракань была важным центром добычи и торговли нефтью.

С. А. Плетнева (1926–2008) внесла бесценный вклад в археологическое изучение Таманского полуострова. Для историко-правовой науки работы С. А. Плетневой также имеют огромное значение. В исследовании под названием «Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани» (1987) она дает характеристику личине, найденной «в отвале средневекового слоя Таманского городища»³. Кроме того, С. А. Плетнева высказывает интересное предположение: «В настоящее время, как нам кажется, удалось найти почти точную аналогию данной личине. Это часть конского начельника, входившего в сбруйный убор богатых аланских всадников»⁴. Таким образом, принадлежность данной находки к периоду «русской Тмутаракани» получает подтверждение. Развитие ремесленного производства и умение работать с металлом (бронза) указывает на высокое развитие ремесел и обширные торговые связи. С. А. Плетнева обращает внимание на связи Тмутаракани и Алании: «... материал, позолота, размеры, общий абрис и стиль изделия являются

¹Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 69. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 154.

²Кострин К. В. Исследование смолистого вещества из «черносмолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани // Советская археология. 1967. № 1. С. 285.

³Плетнева С. А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // Советская археология. 1987. № 1. С. 260.

⁴Там же. С. 261.

неоспоримыми доказательствами принадлежности таманской находки начальнику, аналогичному змейскому»¹. Кроме того, совпадения настолько выразительны, что создают впечатление тождества. Видимо, речь идет об изготовлении обоих начальников в одной мастерской или даже одним мастером. Но не вполне понятно, где находилась мастерская: в Тмутаракани или Алании.

Находка двух аналогичных, при этом уникальных вещей в памятниках, разделенных сотнями километров, свидетельствует о тесных связях обеих областей. О постоянном общении населения Северного Кавказа с Причерноморьем, в частности с русской Тмутараканью в XI в., неоднократно писал, опираясь на различные источники, В. А. Кузнецов². Об этом свидетельствует, как указано выше, изучение керамических материалов: аланское присутствие в Тмутаракани фиксируется благодаря ему вплоть до середины XI в. Обломок великолепного начальника, принадлежавшего, очевидно, аланскому феодалу, свидетельствует о том, что не только рядовое население Алании, но и крупные феодальные владельцы этого государства посещали столицу (а возможно, и жили в ней) русского Тмутараканского княжества³.

А. А. Молчанов в работе «Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича» (1982) говорит о том, что монеты Олега-Михаила Святославича – редчайший памятник древнерусской нумизматики⁴. Он характеризует найденную монету с надписью «Господи, помоги Михаилу», делает отсылку к предшествующим работам Е. Е. Люценко, который в 1870-х гг. определил подобную монету как относящуюся к чеканке Олега Святославича во время его нахождения в Тмутаракани. А. А. Молчанов приводит разные мнения досоветских исследователей о происхождении этих монет и их принадлежности. Факт

¹ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг.: материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1961. С. 82–87.

² Там же. С. 134, 135; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1984. С. 126–135.

³ Плетнева С. А. Указ. соч. С. 261.

⁴ Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // Советская археология. 1982. № 1. С. 251.

принадлежности собственной монеты князю Олегу Святославичу, по мнению А. А. Молчанова, говорит о стремлении к обособлению и противопоставлению «княжества» остальной Руси, что косвенно подтверждает заключение им союза с кочевниками. Вместе с тем антирусская направленность политики князя-изгоя не смогла нарушить тесные экономические и торговые связи Тмутаракани и остальной Руси.

В период до 1991 г. также следует включить работу экспедиции О. В. и И. Н. Богословских. Раскопанные в указанный период слои городища были подготовлены их экспедицией к созданию музея под открытым небом. На площади раскопок более 2,5 тыс. кв. м эти же раскопанные слои, в том числе относящиеся к тмутараканскому периоду, всесторонне исследованы. Найденные строительные и керамические материалы позволили ученым выдвинуть версию о том, что салтово-маяцкая культура в Приазовье была основной культурой до времен татаро-монгольского нашествия. В научных трудах по истории и археологии Тамани подробно исследован каждый из периодов: греческий, хазарский, тмутараканский. В частности, изучены надписи, архитектура, рельефы, керамика, монеты, браслеты и др. Кроме того, большое развитие в целом получили подводные исследования.

В завершение статьи обратим внимание на следующее. Если говорить о значении советского историко-правового источниковедения Тмутаракани для развития темы в целом, то следует разделить собственно археологию и историко-правовую науку. Период СССР стал ключевым для археологии, которая получила мощный импульс развития и регулярно пополнялась новыми исследованиями. Количество собранных материалов тмутараканского периода непрерывно росло. Относительно публикаций юридического характера укажем, что советские исследователи не считали данное направление перспективным в юридической науке. Поэтому работ юридического (историко-правового) характера, посвященных рассматриваемому вопросу, не было создано, источники в контексте этой темы систематизации не подвергались. Изложенный подход создал большой пробел в отечественной историко-правовой науке, в восполнении которого мы видим для себя главную задачу.

Библиографический список

1. Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В. Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории // Боспорские исследования, сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, 2021. Вып. 42. С. 271–301.
2. Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 69. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 154–238.
3. Голенко К. В. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 216–225.
4. Голенко К. В. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // Византийский временник. 1953. Т. VII. С. 269–275.
5. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // Боспорские исследования: сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, Керчь, 2013. Вып. 28. С. 435–471.
6. Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л.: Российская государственная академическая типография, 1924. 59 с.
7. Керамика и стекло древней Тмутаракани / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 187 с.
8. Кострин К. В. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани // Советская археология. 1967. № 1. С. 285–289.
9. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг.: материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1961. С. 62–135.
10. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Сев.-Осетинск. кн. изд-во, 1984. 302 с.
11. Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси. М.: Наука, 1972. 20 с.
12. Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // Советская археология. 1982. № 1. С. 251–254.

13. *Орешников А. В.* Задачи русской нумизматики древнейшего периода // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год тридцать первый). 1918. № 54. С. 29–31.

14. *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991) // Боспорские исследования: сб. / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь, 2020. Вып. 40. С. 239–305.

15. *Плетнева С. А.* Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // Советская археология. 1987. № 1. С. 258–262.

16. *Скржинская Е. Ч.* Греческая надпись из Тмуторокани // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 74–84.

Я. В. Милентенкова

преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
Россия, г. Саратов
yanamilentenkova97@gmail.com

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МЕР ЗАЩИТЫ
И МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ**

**ON THE ISSUE OF THE DIFFERENTIATION OF PROTECTIVE
MEASURES AND MEASURES OF RESPONSIBILITY IN THE CIVIL
LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье утверждается, что защита прав и законных интересов субъектов гражданского права от неправомерных действий других лиц, а также компенсация причиненного вреда такими действиями полностью обеспечена комплексом охранительных мер. Однако действующее законодательство не позволяет выделить признаки для того, чтобы провести четкую грань между мерами защиты и ответственности. Автором статьи проведен углубленный анализ соотношения мер ответственности и мер защиты. Сформулированы предложения о систематизации критериев разграничения указанных мер с учетом цели применения меры, функций, процедурных особенностей и обстоятельств дела. Исследование построено на анализе действующего законодательства Российской Федерации, судебной практики, а также на изучении научных трудов ведущих цивилистов и теоретиков в сфере права.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, защита прав, способ защиты гражданских прав, меры юридической ответственности, меры защиты, гражданско-правовая санкция, правонарушение, вина.

The article asserts that the protection of rights and legitimate interests of civil law subjects against unlawful actions of other parties, as well as compensation for harm caused by such actions, is fully ensured by a comprehensive set of protective measures. However, current legislation does not provide clear criteria to distinctly differentiate between protective measures and liability

measures. The author conducts an in-depth analysis of the correlation between liability measures and protective measures. The study formulates proposals for systematizing criteria to distinguish between these measures, taking into account: the purpose of applying the measure, its functions, procedural specifics, and case circumstances. The research is based on analysis of current legislation of the Russian Federation, judicial practice, as well as examination of scholarly works by leading civil law experts and legal theorists.

Keywords: civil liability, rights protection, means of civil rights protection, legal liability measures, protective measures, civil law sanction, wrongful act, fault.

Российская Федерация (РФ), как правовое государство, обязуется защищать права и свободы человека и гражданина с помощью разнообразных правовых инструментов. Участники гражданских правоотношений, стремясь удовлетворить свои имущественные интересы, часто нарушают законодательные нормы и условия договоров, что приводит к возникновению юридических споров и указывает на необходимость эффективных механизмов защиты прав и законных интересов в имущественном обороте. Проблема разграничения мер защиты и мер ответственности, несмотря на значительное количество научных работ в контексте этого вопроса, остается актуальной и сложной.

Гражданский кодекс (ГК) РФ не предлагает исчерпывающих критериев для четкого разделения этих категорий, что создает неоднозначности в судебной практике. Отсутствие четких законодательных дефиниций приводит к тому, что суды при разрешении споров часто игнорируют теоретические аспекты, сосредоточившись в основном на фактических обстоятельствах дела. Тем не менее теоретический аспект данного вопроса имеет важное значение, способствует формированию более обоснованных и справедливых решений. Для разграничения мер защиты и ответственности необходимым видится глубокое изучение их характерных признаков.

Сегодня универсальных критериев для разграничения гражданско-правовых санкций нет. Однако предпринято множество попыток для их выделения и систематизации. Например, Д. Н. Кархалев выделил 12 критериев различия рассматриваемых мер. По его мнению, «реализация мер

ответственности всегда направлена на восстановление правового положения потерпевшего, а также связана с возложением на нарушителя внеэквивалентных имущественных лишений, поэтому данные меры выполняют компенсационную, штрафную и другие функции. Меры защиты также имеют своей целью защиту нарушенного субъективного права, но их использование не сопровождается возложением имущественных обременений»¹. Это мнение можно признать вполне справедливым.

С. С. Алексеев называет критерием разграничения указанных мер основание их применения. Он пишет о том, что «основанием для применения мер юридической ответственности является совершение правонарушения, а применение мер защиты возможно при объективно противоправном поведении»². Р. А. Хачатуров считает, что «меры защиты и меры ответственности следует отличать по характеру последствий, отсутствие отрицательных последствий и государственного осуждения характерно для мер защиты и этим отличает их от юридической ответственности»³. Тем не менее традиционный подход, основанный на анализе отдельных характеристик мер ответственности и их сравнении с мерами защиты, не является исчерпывающим.

Как справедливо утверждает В. П. Камышанский, «применение гражданско-правовой ответственности, выраженной в санкции нормы права, осуществляется в рамках охранительного правоотношения. При этом не любую санкцию можно считать мерой гражданско-правовой ответственности»⁴. Система охранительных мер обеспечивает всестороннюю защиту интересов участников правоотношений. Это достигается благодаря тому, что охранительная функция гражданского права включает в себя восстановительные, пресекательные, обеспечительные и компенсационные функции различных мер.

¹ Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 146–147.

² Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 182.

³ Хачатуров Р. А., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Междунар. акад. бизнеса и банковского дела, 1995. С. 110–111.

⁴ Камышанский В. П. Понятие и сущность юридической ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 32.

Статьей 12 ГК РФ¹ предусмотрены способы защиты прав, которые, в свою очередь, составляют комплексы охранительных мер, такие как признание права, восстановление положения существовавшего до нарушения права, присуждение к исполнению обязанности в натуре, прекращение или изменение правоотношения, возмещение ущерба и т. д.

С учетом анализа структурных элементов охранительных мер можно выделить два их вида: меры защиты и меры ответственности. А. В. Прокаев и О. Г. Строкова пишут: «Меры защиты (пресекательные, эквивалентно-компенсационные, восстановительные и обеспечительные) и меры ответственности, которые объединены общей направленностью на ограничение правовых возможностей правонарушителя (пресекаательно-поражающие, штрафные, компенсационные)»².

Применение мер с аналогичными целями и функциями возможно только в случае противоправного и виновного поведения, которое привело к причинению вреда. Зачастую возникают ситуации, в которых в действиях лица присутствуют не все элементы состава гражданского правонарушения. Т. И. Илларионова пишет о том, что «гражданско-правовая охранительная система представляет собой совокупность особых мер правового понуждения, обладающих восстановительным (компенсационным) и пресекаательно-поражающим действием. Базовым звеном системы, содержащим одну или несколько мер охранительной направленности, является норма предписывающего характера, состоящая из двух частей: гипотезы и санкции»³.

Гипотеза нормы права – фундаментальная часть правовой нормы, определяющая условия ее действия. Она не просто указывает на состав правонарушения, но и детально описывает обстоятельства, при которых данная норма становится применимой. Санкция нормы права – это не менее значимая составляющая правовой нормы, которая описывает меры

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Прокаев А. В., Строкова О. Г. Методологическое исследование внедоговорной ответственности и внедоговорного обязательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 127.

³ Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск: Изд-во Томского университета, 1982. С. 46–48.

государственного принуждения, применяемые к лицу, совершившему правонарушение. Санкция не ограничена перечнем мер, она раскрывает характер и объем охранительного воздействия, стремящегося восстановить правопорядок и предупредить дальнейшие нарушения. В гражданском праве санкции носят преимущественно компенсаторный характер. Они направлены на восстановление нарушенных прав и интересов потерпевшего. Однако гражданско-правовая санкция может иметь превентивный характер (например, в виде запретительных мер, предотвращающих дальнейшие правонарушения).

Для разграничения анализируемых мер необходимо рассмотреть целый комплекс критериев, поскольку «меры защиты отграничиваются от мер юридической ответственности на базе нескольких характеристик»¹. Меры защиты нацелены на предотвращение нарушений прав или восстановление нарушенных прав в их изначальном состоянии, что позволяет вернуть положение лица, существовавшее до его нарушения. Меры ответственности, напротив, ориентированы на возмещение ущерба и компенсацию убытков, понесенных потерпевшим в результате нарушения прав. Но границы между этими категориями нередко размыты. Например, признание сделки недействительной может выступать как мерой защиты, так и мерой ответственности, если наступают потери материального характера. Поэтому справедливо в юридической науке высказано мнение и о нецелесообразности полного отграничения мер защиты от мер ответственности. В частности, А. А. Кондрашев утверждает: «Полное отграничение мер защиты от ответственности неправомерно, иначе возможны реальные проблемы в процессе правоприменения. Особенно очевиден этот факт при анализе оснований и условий привлечения к ответственности и использования мер защиты, т.к. их жесткая дифференциация способна породить (и уже порождает) случаи произвольного толкования судами и иными правоприменительными органами норм закона, предусматривающих применение принудительных мер»².

¹ Липинский Д. А., Бессолицын А. Г. О разграничении мер защиты и мер ответственности // Современное право. 2013. № 4. С. 13.

² Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность и иные правовые средства в механизме охраны конституционного строя (меры защиты, контроля и надзора) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10. С. 395.

В практическом применении критерии для разграничения мер защиты и ответственности зачастую дополняют соображениями целесообразности и эффективности. Суд при вынесении решения должен учитывать множество факторов: характер и степень нарушения прав, степень вины правонарушителя, возможность восстановления нарушенного права в натуре, имущественное положение сторон, иные обстоятельства. Освобождение от ответственности может быть предусмотрено законодательством или договором при наличии ряда условий, таких как крайняя необходимость или непреодолимая сила.

Дополнительные обременения, налагаемые на правонарушителя в рамках мер ответственности, также имеют большое значение. Для потерпевшего различия между мерами защиты и мерами ответственности зачастую не имеют принципиального значения, поскольку его главной целью служат восстановление правового положения и возмещение убытков. Однако для правонарушителя это различие становится критически значимым, так как оно напрямую влияет на степень его ответственности и возможные имущественные лишения. В случае применения мер защиты правонарушитель может избежать дополнительных материальных затрат, исполнив предписанные обязанности. Между тем меры ответственности всегда предполагают возмещение вреда потерпевшему.

Действительно, отсутствие у мер защиты некоторых признаков, свойственных мерам ответственности, является лишь одним из аспектов их различия и не может служить единственным критерием. Более глубокий анализ требует изучения целей, функций и, что не менее важно, процедурных особенностей применения и тех, и других мер. Как известно, гражданское право как система, призванная защищать нарушенные права субъектов, использует широкий спектр охранительных мер. Эти меры, как указано ранее, различаются по функциональной направленности (восстановительные, пресекательные, обеспечительные, компенсационные), но объединены такой общей целью, как охрана правопорядка и восстановление нарушенного правового статуса. Охранительная функция гражданского права не ограничена лишь наказанием нарушителя; она включает в себя профилактику правонарушений, восстановление существующих прав, предотвращение будущих нарушений и компенсацию ущерба.

Справедливым считаем мнение В. Ф. Яковлева о том, что «меры защиты отличаются от мер ответственности тем, что не обладают признаками гражданско-правовой ответственности»¹. Вопрос ответственности в праве представляет собой одну из самых сложных и многогранных тем вследствие множества ее форм и видов. До сих пор ученые-правоведы не пришли к единому определению юридической ответственности, что подтверждает сложность этого вопроса. Юридическая ответственность возникает при полноценном правонарушении, то есть деянии, которое нарушает нормы права и влечет за собой негативные последствия. При этом «у правонарушителя всегда возникают дополнительные имущественные обременения в виде лишения субъективных гражданских прав, возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»². Для применения мер защиты достаточно факта нарушения закона или условий договора, что делает защитные меры более гибкими и оперативными. Г. Я. Стоякин, размышляя о разграничении рассматриваемых мер, опирается еще на один признак: «применение мер защиты направлено на восстановление имущественных и неимущественных субъективных прав в том же объеме, как до нарушения субъективного права; а для мер ответственности характерно восстановление только имущественных прав»³. Меры юридической ответственности в основном направлены на наказание правонарушителя и предупреждение повторных правонарушений. В этой связи меры защиты и меры ответственности «различаются между собой по основаниям применения, социальному назначению и выполняемым функциям, принципам реализации и некоторым другим моментам»⁴.

Таким образом, разграничение мер ответственности и мер защиты должно происходить при использовании ряда критериев, с учетом целей применения мер, функций, процедурных

¹ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 105.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. С. 72–73.

³ Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 66.

⁴ Сергеев А. П. Защита гражданских прав // Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2012. С. 546–547.

особенностей и обстоятельств дела. Несмотря на отсутствие четких регламентированных законодателем критериев разграничения мер ответственности и защиты, необходимым видится четкое понимание природы этих мер, чтобы суд как орган судебной власти мог принимать справедливые и обоснованные решения, обеспечивая тем самым защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота. Современное развитие законодательства и судебной практики должно стремиться к уточнению критериев для разграничения мер защиты и ответственности. Это позволит уменьшить неопределенность и обеспечить справедливый процесс правоприменения.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 359 с.
2. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. 447 с.
3. *Илларионова Т. И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск: Изд-во Томского университета, 1982. 168 с.
4. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность юридической ответственности // *Власть Закона.* 2024. № 4. С. 23–41.
5. *Кархалев Д. Н.* Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 180 с.
6. *Кондрашев А. А.* Конституционно-правовая ответственность и иные правовые средства в механизме охраны конституционного строя (меры защиты, контроля и надзора) // *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН.* 2010. Вып. 10. С. 394–416.
7. *Липинский А. Г., Бессолицын А. П.* О разграничении мер защиты и мер ответственности // *Современное право.* 2013. № 4. С. 12–24.
8. *Прокаев А. В., Строкова О. Г.* Методологическое исследование внедоговорной ответственности и внедоговорного обязательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2019. № 6. С. 118–135.

9. *Сергеев А. П.* Защита гражданских прав // Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2012. 1006 с.

10. *Стойкин Г. Я.* Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 197 с.

11. *Хачатуров Р. А., Ягутян Р. Г.* Юридическая ответственность. Тольятти: Междунар. акад. бизнеса и банковского дела, 1995. 200 с.

12. *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 212 с.

И. В. Морозова

аспирант, преподаватель
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Нижний Новгород
Moro.irina2015@yandex.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АППАРАТА
ПРАВИТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE
GOVERNMENT APPARATUS OF A CONSTITUENT
ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проведен анализ конституционно-правового статуса аппарата Правительства субъекта Российской Федерации, выявлены правовые и организационные проблемы в этой сфере. Автором обосновано утверждение о том, что, несмотря на отсутствие самостоятельных властных полномочий, аппарат выполняет ключевую роль в обеспечении деятельности органов исполнительной власти региона. Особое внимание уделено проблеме размытости полномочий аппарата регионального Правительства, что влечет за собой дублирование функций с отраслевыми органами, нечеткость при распределении ответственности и, как следствие, снижение качества принятия управленческих решений. Сделан вывод о том, что отсутствие четкого разграничения между структурами аппарата и профильными ведомствами приводит к снижению эффективности публичного управления. Предложен ряд правовых решений: разработка и внедрение типового федерального регламента с адаптацией на региональном уровне, нормативное закрепление функционального перечня задач аппарата, а также введение механизма регулярного мониторинга дублирующих функций.

Ключевые слова: Правительство РФ, аппарат, аппарат Правительства РФ, субъект РФ, конституционно-правовой статус, орган государственной власти, государственный орган.

The article analyzes the constitutional-legal status of the apparatus of the Government of a constituent entity of the Russian Federation, identifying legal and organizational problems in this sphere. The author substantiates the proposition that, despite lacking independent authority, the apparatus plays a pivotal role in supporting the activities of regional executive bodies. Particular attention is given to the problem of ambiguous delineation of powers of regional Government apparatuses, which leads to duplication of functions with sectoral bodies, unclear distribution of responsibility, and consequently, diminished quality of administrative decision-making. The study concludes that the absence of clear demarcation between apparatus structures and specialized agencies reduces the effectiveness of public administration. Several legal solutions are proposed: development and implementation of a federal model regulation adaptable at regional levels, normative codification of the apparatus's functional task list, and introduction of a mechanism for regular monitoring of duplicated functions.

Keywords: Government of the Russian Federation, apparatus, Government apparatus of the Russian Federation, constituent entity of the Russian Federation, constitutional-legal status, state authority body, state organ.

Конституционная реформа 2020 г. послужила основанием для пересмотра и трансформации конституционно-правового статуса государственных органов Российской Федерации (РФ), действующих на всех уровнях публичной власти. Но правовое положение отдельных государственных органов, формируемых при федеральных и региональных органах власти, осталось неизменным. Недостаточная проработка организационно-правовых основ его функционирования отражается на общей эффективности регионального управления. К числу основных признаков органов государственной власти относятся наличие специальной компетенции, наличие права издавать юридические акты правоприменения, наличие властных полномочий, имущественная обособленность, собственная структура, финансирование за счет средств бюджета¹.

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 156.

В юридической науке тема конституционно-правового статуса аппарата Правительства субъекта РФ остается малоизученной. В большей мере ученые сосредоточили внимание на анализе роли и места органов публичной власти, решающих федеральные, региональные и местные задачи. Интерес со стороны публичных наук к конституционно-правовому статусу аппарата федерального Правительства также незначителен (об этом речь идет только в комплексной работе Т. В. Закупень, написанной еще в конце 90-х гг. XX в.)¹. Тенденция ограниченного внимания к данному виду государственного органа не изменилась и в настоящее время. В начале XXI в. опубликовано несколько исследований, посвященных анализируемой теме. Например, К. В. Черкасов рассматривает отдельные аспекты правового регулирования состава и структуры аппарата федерального Правительства², А. М. Волков размышляет о правовом статусе аппарата Правительства субъекта РФ как органа публичной администрации³.

Следует обратить внимание на работу Е. А. Кравцовой, обосновывающей выделение «вспомогательных государственных органов, не наделенных властными полномочиями»⁴, «предусмотренными ст. 10 Конституции Российской Федерации»⁵. При этом в качестве примера приведен именно аппарат Правительства РФ.

В условиях текущих реформ особую актуальность приобретают вопросы о правовой природе, функциях и порядке формирования аппарата Правительства субъекта РФ. Их решение

¹ *Закупень Т. В.* Информационное обеспечение деятельности аппарата Правительства Российской Федерации: организационно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 17.

² *Черкасов К. В.* Аппарат Правительства Российской Федерации: некоторые аспекты правового регулирования его состава и структуры // *Административное и муниципальное право*. 2010. № 1. С. 29.

³ *Волков А. М., Лютягина Е. А.* Аппарат Правительства Российской Федерации как орган публичной администрации // *Административное право и процесс*. 2011. № 8. С. 20.

⁴ *Кравцова Е. А.* Система органов исполнительной власти субъектов РФ и обеспечение их деятельности вспомогательными органами // *Вестник Белгородского юридического института МВД России*. 2014. № 1. С. 75.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=md0489pit9981770340> (дата обращения: 14.06.2025).

осложняется отсутствием официальной позиции федеральных органов и пробелами в нормативном регулировании. Для установления правового статуса аппарата необходимо проанализировать правовые основания его создания и деятельности, а также определить его компетенцию и роль в системе органов власти региона.

Вопрос о нормативно-правовом регулировании конституционно-правового статуса вспомогательных государственных органов связан с определением пределов правотворчества субъектов РФ в этой сфере. Федеральный законодатель ограничился лишь базовым регулированием создания и функционирования аппарата Правительства РФ, оставив вопросы деятельности аппаратов региональных правительств в компетенции субъектов. Правовое положение данного государственного органа – вопрос исключительного ведения субъекта РФ. Следовательно, именно 89 регионов России обладают исключительными правами на принятие соответствующих нормативно-правовых актов в данной сфере правотворчества.

Как правило, именно орган исполнительной власти, для обеспечения деятельности которого создают аппарат, и утверждает положение об этом вспомогательном органе, в котором определен его конституционно-правовой статус (компетенция, механизм формирования и функционирования). В научной среде существует мнение, ставящее под вопрос целесообразность предоставления субъектам полной свободы в организации системы исполнительной власти. Ряд исследователей настаивают на необходимости принятия федерального закона, который бы устанавливал правовой статус и классификацию исполнительных органов и на уровне РФ, и в ее субъектах¹.

В сложившихся внутриполитических отношениях государства и его субъектов необходимо сохранить за национально-территориальными образованиями самостоятельность в формировании вспомогательных (обслуживающих) государственных органов (с учетом финансово-экономических и организационно-политических особенностей конкретного субъекта РФ). Данная позиция в настоящее время

¹ Ордина О. Н. О принятии Федерального закона «Об органах исполнительной власти и иных административных органах в Российской Федерации» // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 16.

доминирует в науке конституционного права (например, отражена в работах М. В. Демидова, А. В. Зуйкова, Е. А. Кравцовой, Ф. Г. Хуснутдинова). Так, М. В. Демидов, характеризуя конституционно-правовой статус органов государственной власти субъектов РФ, обосновывает «суверенитет регионов в формировании государственных органов данного уровня»¹. В своем исследовании Ф. Г. Хуснутдинов указывает на самостоятельность субъектов РФ в определении правового статуса государственных органов, лишенных властных конституционных полномочий (например, «таких как аппарат правительства»)².

Компетенцию Правительства субъекта РФ и его аппарата следует различать, исключив дуализм в правовом положении последнего. Функционирование вспомогательного органа (аппарата) не должна подменять деятельность регионального Правительства и дублировать его полномочия, функции.

Вспомогательные функции аппарата Правительства субъекта РФ проявляются в выполнении ряда ключевых задач. В их числе – организационное сопровождение заседаний регионального Правительства, контроль за соблюдением положений регламента, подготовка экспертных заключений и аналитических материалов по профильным направлениям. Кроме того, аппарат осуществляет надзор за исполнением решений Правительства и поручений высшего должностного лица субъекта, а также обеспечивает рассмотрение обращений граждан и организаций, поступающих в адрес Правительства. Аппарат Правительства субъекта РФ выполняет вспомогательную и контрольную функции, обеспечивая работу исполнительных органов региона³. Как и аппарат на федеральном уровне, он не реализует властные полномочия напрямую, а содействует их выполнению⁴.

¹ Демидов М. В. Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса и организации деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 35.

² Хуснутдинов Ф. Г. Полномочие субъекта Российской Федерации по созданию государственных органов // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 39.

³ Попов А. А., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 244.

⁴ Кравцова Е. А. Указ. соч. С. 74.

Несмотря на это, в ряде регионов (например, Нижегородской¹ и Оренбургской областях², Чукотском АО³) аппарат формально отнесен к исполнительной власти. Однако с учетом его функций более обоснованной представляется классификация аппарата как государственного органа без включения в структуру исполнительной ветви. Мы поддерживаем подход, согласно которому следует различать «государственные органы» и «органы государственной власти»⁴.

Изложенная позиция отражена и в Конституции РФ, в которой для описания процессов механизма российского государства использованы различные юридические категории, в частности «государственные органы», «органы местного самоуправления». Они располагаются в одном категорийном ряду, при этом в качестве отдельной разновидности выделены «органы государственной власти» («органы законодательной, исполнительной и судебной власти»). Применительно к аппарату Правительства и администрации Президента РФ целесообразно использовать обобщающий термин «государственный орган»⁵.

Это вспомогательный обеспечительный и контролирующий государственный орган, лишенный самостоятельной властной составляющей. В современной практике аппарат Правительства субъекта РФ может быть оформлен как самостоятельный орган либо единая структура, обслуживающая одновременно и Правительство, и главу региона. Первый подход реализован, например, в Башкортостане⁶, Татарстане⁷ и Нижегородской

¹ Функции и задачи аппарата // Аппарат Правительства Нижегородской области. URL: <https://ap.nobl.ru/about/funkcii-i-zadachi-apparata/> (дата обращения: 29.01.2024).

² Положение об Аппарате Губернатора и Правительства Оренбургской области: утв. Указом Губернатора Оренбургской области от 30 апреля 2009 г. № 81-ук // Аппарат Губернатора и Правительства Оренбургской области. URL: <https://gov-office.orb.ru/about/> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Об утверждении Положения об Аппарате Губернатора и Правительства Чукотского автономного округа: постановление Губернатора Чукотского автономного округа от 4 октября 2013 г. № 80 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460186296> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ Зуйков А. В., Валуева О. М. О природе Администрации Президента Российской Федерации и ее правовом статусе // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 54.

⁵ Волков А. М., Лютягина Е. А. Указ. соч.

⁶ Об утверждении положения об аппарате Правительства Республики Башкортостан: постановление Правительства Республики Башкортостан от 13

области¹. Второй – закреплён нормативно в Удмуртии, Пермском крае, ряде областей и Чукотском автономном округе. В рамках субординации государственных органов аппарат находится в прямом подчинении у Правительства (в отдельных субъектах РФ – у главы субъектов РФ).

В российских регионах по-прежнему существует проблема размытости полномочий аппарата регионального Правительства, что приводит к неоправданному дублированию функций, нечеткости ответственности и снижению качества принятия управленческих решений. Так, в научной литературе утверждается, что, несмотря на формальные разграничения сфер ведения по Конституции РФ, на практике отсутствует четкая регламентация взаимодействия между аппаратом и министерствами. Это порождает хаос информационных потоков и неопределенность в юридической ответственности. Аналитики административной реформы также считают, что ввиду отсутствия законодательно закрепленных процедур согласования и распределения задач аппарат Правительства «усиливается», часто принимая на себя роли, присущие заместителям губернатора или министрам, что искажает баланс в исполнительной ветви власти.

В российских регионах эта проблема проявляется особенно четко: зачастую отраслевые департаменты и секретариаты вице-премьеров аппарата регионального Правительства параллельно выполняют одни и те же функции. Так, в Правительстве Красноярского края отсутствует единый подход к разграничению полномочий между секретариатом и профильными департаментами, что ведет к внутреннему дублированию задач².

В частности, можно обнаружить примеры того, как отраслевые департаменты и секретариаты вице-премьеров

мая 2003 г. № 116 // Правительство Республики Башкортостан. URL: <https://pravitelstvorb.ru/activity/725/> (дата обращения: 29.04.2024).

⁷ Аппарат Кабинета министров Республики Татарстан // Правительство Республики Татарстан. URL: <https://prav.tatarstan.ru/about/apparat/structure> (дата обращения: 29.01.2024).

¹ Деятельность // Аппарат Правительства Нижегородской области. URL: <https://ap.nobl.ru/activity/> (дата обращения: 29.01.2024).

² Распределение должностных обязанностей между членами Правительства Красноярского края // Красноярский край: офиц. портал. URL: <http://красноярский-край.рф/government/members/gosobyzanosti> (дата обращения: 15.06.2025).

фактически дублируют друг друга: поручения, например, сначала получают секретариаты вице-премьеров, а затем сразу министерства, минуя региональные ведомства, что приводит к хаосу и замедлению процессов согласования¹. Дублирование становится очевидным: аппарат региона разрабатывает, согласовывает и мониторит законопроекты и программы, затем такой же объем работы выполняют профильные ведомства. Все это требует лишнего времени, ресурсов и вызывает задержки в принятии управленческих решений. В результате растет нагрузка на бюджет, руководители сталкиваются с противоречивыми поручениями, а реализация региональных инициатив теряет оперативность.

В итоге одну и ту же функцию – анализ проектов законодательства, подготовку управленческих решений, мониторинг их исполнения – выполняют и аппарат, и профильные ведомства. Это приводит к замедлению процессов, перерасходу бюджетных средств и снижению оперативности работы. Для устранения указанной проблемы необходим системный подход. Во-первых, следует выделить четкие юридические рамки и функциональный перечень задач аппарата регионального Правительства (например, аналитика, координация межведомственных взаимодействий и контроль исполнения решений). Во-вторых, нужно разработать и внедрить типовой регламент, утвержденный на федеральном уровне (например, совместным постановлением Правительства РФ и Минюста России), который обяжет субъекты самостоятельно адаптировать его с учетом региональных особенностей. В-третьих, стоит ввести регулярный мониторинг функций аппарата посредством Счетной палаты или внешних аудиторских организаций для идентификации перекрестных задач и оперативного внесения уточняющих поправок. Только четкое распределение полномочий и правовое закрепление ролей аппарата могут сделать его деятельность эффективной, прозрачной и действительно полезной для реализации государственной политики.

¹ Перепланировка в Доме правительства: почему понадобилась реформа аппарата // РБК. 2019. 22 января. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2019/5c46fe6a9a79470c51fbdb31> (дата обращения: 14.06.2025).

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Официально в рамках федеральных нормативно-правовых актов не определен конституционно-правовой статус аппарата Правительства субъекта РФ. В системе государственных органов субъектов РФ можно выделить исполнительные органы, наделенные властью в рамках ст. 10 Конституции РФ, и государственные органы, лишенные таких полномочий. Именно ко второму виду по конституционно-правовому статусу относится аппарат Правительства. Статус аппарата Правительства субъекта РФ определен его вспомогательной функцией, то есть обеспечением условий для эффективной работы исполнительной власти. Его деятельность направлена на поддержку органов власти региона, включая взаимодействие с федеральными и муниципальными структурами. Формирование правового статуса аппарата относится к исключительной компетенции субъекта и осуществляется органом, при котором он создан.

Библиографический список

1. Волков А. М., Лютягина Е. А. Аппарат Правительства Российской Федерации как орган публичной администрации // Административное право и процесс. 2011. № 8. С. 19–22.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. Демидов М. В. Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса и организации деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 32–36.
4. Закупень Т. В. Информационное обеспечение деятельности аппарата Правительства Российской Федерации: организационно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 22 с.
5. Зуйков А. В., Валуева О. М. О природе Администрации Президента Российской Федерации и ее правовом статусе // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 53–57.
6. Кравцова Е. А. Система органов исполнительной власти субъектов РФ и обеспечение их деятельности вспомогательными органами // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 73–79.

7. Ордина О. Н. О принятии Федерального закона «Об органах исполнительной власти и иных административных органах в Российской Федерации» // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 15–18.

8. Попов А. А., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 544 с.

9. Хуснутдинов Ф. Г. Полномочие субъекта Российской Федерации по созданию государственных органов // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 37–41.

10. Черкасов К. В. Аппарат Правительства Российской Федерации: некоторые аспекты правового регулирования его состава и структуры // Административное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 27–30.

11. Морковкина В. М. Категория конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации: понятие и структура // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 314–316.

А. В. Хохлов

аспирант

Тольяттинского государственного университета

Россия, г. Тольятти

alex.and.r8@mail.ru

**ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

**THE IMPORTANCE OF LIMITS IN THE IMPLEMENTATION OF
THE MECHANISM OF CRIMINAL LEGAL IMPACT**

В статье исследованы вопросы понятия и сущности механизма уголовно-правового воздействия как наиболее важной категории в теории уголовного права. Приведена авторская трактовка исследуемой правовой категории. Показано значение пределов уголовно-правового воздействия в регулировании наиболее важных, обладающих высокой степенью репрессивности правоотношений, единой уголовной политике государства, обеспечении эффективного противодействия и профилактике преступности. Автором сделаны выводы о том, что под механизмом уголовно-правового воздействия следует понимать единую систему правовых и организационных средств, позволяющих максимально эффективно использовать нормы права, регулирующие и способствующие реализации уголовно-правового воздействия, с воплощением в жизнь возможности защиты прав и законных интересов, через привлечение к уголовной ответственности лиц – нарушителей таких прав и законных интересов, с целью достижения справедливости. Механизм уголовно-правового воздействия содержит совокупность правовых состояний и процессов, в отношении которых законодателем выработан ряд мер воздействия на субъектов правоотношений, что находит отражение в исследуемом феномене. Данный механизм в совокупности с его пределами обладает комплексом взаимосвязанных правовых элементов, объединенных в систему в целях воздействия на общественные отношения.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, эффективное противодействие преступности, уголовная ответственность, механизм уголовно-правового воздействия, правовое регулирование, правоотношения, регулятивная и охранительная функция, пределы уголовно-правового воздействия.

The article examines the issues of the concept and essence of the mechanism of criminal legal influence as the most important category in the theory of criminal law. The author's interpretation of the legal category under study is given. The importance of the limits of criminal legal influence in regulating the most important, highly repressive legal relations, the unified criminal policy of the state, ensuring effective counteraction and prevention of crime is shown. The author concludes that the mechanism of criminal legal impact should be understood as a unified system of legal and organizational means that make it possible to maximize the use of legal norms that regulate and promote the implementation of criminal legal impact, with the realization of the possibility of protecting rights and legitimate interests, through bringing to criminal responsibility persons who violate such rights and legitimate interests, in order to achieve justice. The mechanism of criminal legal impact contains a set of legal conditions and processes, in relation to which the legislator has developed a number of measures of influence on subjects of legal relations, which is reflected in the phenomenon under study. This mechanism, together with its limits, has a set of interrelated legal elements combined into a system in order to influence public relations.

Keywords: criminal law impact, effective crime prevention, criminal liability, mechanism of criminal law impact, legal regulation, legal relations, regulatory and protective function, limits of criminal law impact.

Определение значения пределов представляется невозможным без уточнения одной из базовых, но все еще недостаточно исследованных категорий уголовного права, в частности механизма уголовно-правового воздействия.

Внимание научного сообщества к понятию механизма во всевозможных правовых аспектах начинает проявляться еще в

70-е гг. прошлого столетия¹. Полагаем, это в первую очередь обусловлено тем, что именно с понятием «механизм» тесно связано понятие правового регулирования. Ряд исследований провели М. И. Авдеева, А. В. Агеев, М. В. Бавсун, К. А. Барышева, М. Д. Беляев, Г. Е. Беседин, Г. Г. Босхомджиева, С. Н. Братусь, В. В. Бутнев, Н. А. Власенко, Я. И. Гишинский, О. А. Егорова, Г. А. Есакова, Р. Иеринг, В. Н. Кудрявцев, Н. А. Лопашенко, В. Д. Малков, А. В. Малько, И. И. Мушкет, В. С. Нерсисянц, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. Л. Ременсон, Ю. А. Тихомиров, О. В. Филимонов, А. П. Фирсова, А. И. Чучаев и др².

Одним из первых и, как нам представляется, чуть ли не единственным ученым в настоящее время, комплексно исследовавшим рассматриваемое явление, стал В. К. Дуюнов³. Термин «механизм» у современников обычно ассоциируется через систему, которая определяет порядок деятельности, структурно состоит из отдельных элементов (звеньев) и приводится в действие при наличии ряда условий⁴.

Данный термин широко распространен в точных науках⁵, применим к социальной и правовой сфере, но имеет существенное отличие, заключающееся в том, что в правовом аспекте «механизм» как понятие используют для обобщения характеристики системы правового регулирования деятельности, относящейся к праву, основанному на законе. Категория «механизм» в юридической литературе упоминается не всегда оправданно или обоснованно. Например, И. И. Мушкет⁶ указывает на «техническое» значение понятия (в основе механизма находится «совокупность искусственных подвижно

¹ См., напр.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 17; Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 29.

² См., напр.: Зайцев В. В. Механизм правового регулирования оборота цифровых активов // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 89.

³ Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 17.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. С. 459.

⁵ и иных науках гуманитарной направленности, например в психологии и т. д.

⁶ Мушкет И. И. Полиция в механизме Российского государства (историко-теоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 26 с.

соединенных тел (звеньев), совершающих заданные движения»)¹, в дальнейшем переходя по аналогии к механизму, действующему в социальной системе. Это в большей степени не является безупречным, так как данный подход не следует переносить на социальную среду, а тем более на право, поскольку он не только малоэффективен, но и вносит сумятицу в понятийный аппарат, обобщая механическое взаимодействие с социальным.

Для наиболее полного осознания механизма уголовно-правового воздействия, имеющего значение не только в контексте исследования пределов рассматриваемого феномена, но и понимания его в целом, обратим внимание на то, что понятие «механизм» упоминается в юриспруденции также в различных аспектах². Поэтому для обоснования понятия механизма уголовно-правового воздействия нужно определить его сущность, место в правовом регулировании. По нашему мнению,

¹ Там же.

² Например: «механизм реализации конституционных прав и свобод» или «механизм реализации личных конституционных прав граждан», «механизм правотворчества», «механизм действия правовой системы», «социально-психологический механизм поступка», «социально-психологический механизм перевода прав и обязанностей личности в реальное поведение», «механизм укрепления законности», «механизм обеспечения законности», «механизм защиты субъективных прав» и т. д. См., напр.: *Босхонджиева Г. Г.* Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 14; *Толкачев К. Б., Хабибуллин А. Г.* Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан: монография. Уфа: Уфим. ВШ МВД РСФСР, 1991. С. 41; *Нурпеисов Е. К.* Механизм формирования правомерного поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 62; *Дюрягин И. Я.* Право и управление. М.: Юрид. лит., 1981. С. 71; *Лебедев В. М.* Воспитательная функция советского трудового права. М.: Юрид. лит., 1981. С. 58; *Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 2. Функционирование и развитие* / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1987. С. 21; *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Норма: ИНФРА-М, 1986. С. 17; *Лукашева Е. А.* Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1973. С. 34; *Лукашева Е. А.* Социалистическое право и личность. М.: Наука, 1987. С. 52; *Бутнев В. В.* К понятию механизма защиты субъективных прав // *Субъективное право: проблемы осуществления и защиты: сб. ст.* Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 9; *Богатина Ю. Г.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. С. 28; *Жильцова Н. А.* Доступность правосудия: теория и практика // *Российский юридический журнал.* 2011. № 2. С. 39.

правовое регулирование упорядочивает общественные отношения, происходит это за счет уголовно-правового воздействия на сознание индивидуума, отдельной социальной группы и общества в целом. Таким образом, воздействие видится первичным, а регулирование, то есть упорядочивание правоотношений, достигается посредством влияния информационного ядра совокупности норм права с использованием юридических средств в формах и объемах, необходимых и достаточных для воспроизведения социального эффекта.

Правоотношения между участниками, связанными друг с другом определенными правилами, обязанностями, а также юридической ответственностью сторон, возникают в случае нарушений установленных законодателем, взятых ими на себя обязательств (ограничений), основанных на правовых нормах. Механизму уголовно-правового воздействия в юридической науке не уделено должного внимания, что представляется неверным, так как именно развитие исследуемого явления в динамике, его отдельных элементов, позволяет наиболее полно определить характер, объем и временные границы (пределы) уголовно-правового воздействия. В целом категории правового регулирования и механизм уголовно-правового воздействия восходят к писаному праву¹.

Именно нормы письменного права представляют собой акты, отражающие правовую основу и общественные отношения, формировавшиеся на Руси², а также порядок реализации установленных правил. С этими нормами и связано возникновение древнерусского права. Основанные на правовых обычаях, они были отражением реалий древнерусского общества и устанавливали правило поведения, которое на протяжении

¹На возникновение письменного права указывают такие источники, как Русская Правда и Псковская судная грамота, связанные также с рождением древнерусской государственности. См.: Русская Правда по спискам: Академическому, Карамзинскому и Троицкому / под ред. Б. Д. Грекова. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 51; Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. А. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 271.

² Введение к законодательству Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. А. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 24.

истории человечества выступает постоянным спутником развития правовых норм и механизма уголовно-правового воздействия.

Таким образом, если обычай укоренялся, что обусловлено значимыми интересами в действительности и санкционировано государственной властью, он приобретал обязывающее значение, за которым стоял принудительный авторитет власти. Это говорит об образовании механизма уголовно-правового воздействия в исследуемый период. В дальнейшем, с развитием правового регулирования, механизм уголовно-правового воздействия приобрел по содержанию и направленности различное значение, основанное на восприятии общественных отношений, которые подлежали регуляции посредством правовых норм.

Отличительной чертой древнейшего периода¹, отражающего его, было значительное влияние общины при неразвитости государственных структур. Данное обстоятельство определяло особенности правовых устоев Древнерусского государства, в котором господствовали обычаи в системе источников².

Важность обычая определена его сферой применения и функцией. Поскольку обществу нужны регуляторы, то оно их и формирует, поэтому обычай заполняет неурегулированный пробел в правилах поведения людей. С рождением Древнерусского государства связано возникновение древнерусского права, которое отражало общественные отношения, сложившиеся на Руси, а также порядок, обусловленный природой древнерусского феодального общества³.

И, хотя концептуальные понятия на данных этапах развития общественных отношений отсутствовали (как и сегодня), это не мешало государству осуществлять уголовно-правовое воздействие с применением механизма его реализации. При этом возникновение такого источника, как Русская Правда⁴, основанная на правовых обычаях, служит отражением реалий древнерусского общества. Исходя из его трактования, можно утверждать, что в целом преступления понимали как причинение

¹ IX–XV вв.

² В летописях и документах обычаи фигурируют как «старина» или «пошлина».

³ Введение к законодательству Древней Руси... Указ. соч.

⁴ Русская Правда... Указ. соч.

«обиды»¹, которая в Древнерусском государстве расценивалась как противоправное деяние, то есть преступление. Наказание в механизме уголовно-правового воздействия пока носит сословный денежно-компенсационный характер². Таким образом, в данный и последующие периоды, вплоть до Октябрьской революции 1917 г., прослеживаются сословно-классовые разграничения в механизме исследуемого правового явления.

В дальнейшем механизм уголовно-правового воздействия приобретает новые характерные черты, которые не должны противоречить «правосознанию трудящихся классов». Рассматривая теоретические аспекты механизма уголовно-правового воздействия, также следует упомянуть о его влиянии на правоотношения в обществе. В рамках регулятивного правоотношения, образующегося из правомерных действий субъектов, происходит нормальное осуществление регулятивных субъективных прав³. Иными словами, субъект правоотношения отличается поведением, построенным на соблюдении норм законодательства. Действия субъекта правомерны, а осуществление⁴ норм позитивного права происходит обычным путем⁵.

Регулятивные правоотношения в данном случае связаны с реализацией установленного законодателем порядка, дальнейшим осуществлением деятельности с учетом норм действующего законодательства. В свою очередь, охранительное правоотношение появляется как следствие правонарушения обязанного лица. Такое правоотношение направлено на защиту нарушенных прав, и оно призвано обеспечить последнее путем

¹ А не как нарушение законодательных установлений (либо нарушений княжеской воли).

² Так, к примеру, за изнасилование было предусмотрено наложение денежного штрафа. Его размер зависел от сословия, к которому принадлежала особа, являющаяся потерпевшей стороной. Штраф возрастал при покушении на лицо привилегированного слоя.

³ Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. С. 78.

⁴ Существует четыре формы реализации права: 1) соблюдение; 2) исполнение; 3) использование; 4) применение. См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2005. С. 273.

⁵ См., напр.: Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 18; Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 48–49.

пресечения противозаконных действий нарушителя, привлечения его к ответственности, устранения возможных или возникших на момент установления правонарушения отрицательных последствий.

К правонарушителю (преступнику) в случае нарушения им законодательства применяют меры принуждения. Целью охранительных правоотношений, возникающих при осуществлении механизма уголовно-правового воздействия, служит защита существующего правопорядка в сфере, в которой их применяют.

Осознание субъектом прав, установленных правовыми нормами, законности своих действий позволяет ему прибегнуть к защите своих законных интересов, а осознание того, что им произведено нарушение правовых норм, дает осознание того, что он будет подвержен юридической (уголовной) ответственности. Поэтому механизм уголовно-правового воздействия позволяет выработать самостоятельное и добровольное решение о законопослушном поведении субъекта правоотношений либо о нарушении им правоустанавливающих норм правоотношений.

Возможность привлечения субъекта правоотношений к уголовной ответственности во многом служит стимулирующим фактором, ведущим его к правомерному поведению. Значение механизма уголовно-правового воздействия заключается в том, что без него невозможны не только правовая охрана и защита, но и уголовная ответственность субъекта в случае нарушения им установленных общезначимых норм. Это продиктовано тем, что охранительная функция данного механизма обусловлена правовым воздействием, которое направлено на охрану наиболее важных отношений и, значит, призвано их защищать, используя меры уголовной ответственности, установленные законодателем для субъектов при совершении ими преступлений, а соответственно, норм и правил.

Из приведенного выше следует, что механизм уголовно-правового воздействия, оказывая влияние на публичные отношения, при выполнении регулятивной функции способствуют позитивному поведению субъектов уголовно-правового воздействия. Однако его охранительное воздействие уже направлено на поведение субъектов, совершивших преступление.

В механизме уголовно-правового регулирования регулятивная и охранительная функции находятся в устойчивой

связи, так как охранительная призвана защищать (охранять) регулятивные нормы. Поэтому без такой устойчивой связи охранительная функция исследуемого механизма утрачивает значение. В механизме уголовно-правового регулирования она выражена в возможности привлечения к уголовной ответственности.

Соответственно, неотвратимость наказания обеспечена посредством взаимодействия регулятивной и охранительной функций, а при совершении преступления применение мер государственного принуждения вызвано наличием правовых и фактических оснований, указывающих на преступление. Только при таком взаимодействии рассмотренных функций станет возможным использование иных функций уголовной ответственности, а именно предупредительной и воспитательной. Механизм уголовно-правового воздействия призван регулировать реализацию законных и юридически значимых интересов.

Вышеизложенное позволяет нам сформулировать авторское понятие механизма уголовно-правового воздействия: *это система правовых норм и средств, воздействующих на сознание индивидуума, отдельной социальной группы и общества в целом в связи с совершением уголовно-правового деликта, а также в качестве превентивных мер, по формам и объемам необходимых и достаточных для воспроизведения социального эффекта.* При этом пределы уголовно-правового воздействия в исследуемом механизме приобретают особое значение. Исследование значения пределов в механизме уголовно-правового воздействия считаем необходимым начать с определения нашего отношения к рассматриваемому явлению в целом и понятию пределов в частности.

В широком смысле уголовно-правовое воздействие – это влияние, оказываемое государством на общество в целом посредством совокупности норм уголовного закона (информационное влияние) и на сознание, формирующее правомерное поведение. Пределы воздействия – границы начала и окончания явления, определяемые по кругу лиц, территориальному признаку, сроку действия, а также объему и содержанию. В данном случае – с момента вступления в законную силу уголовного закона и до его отмены ввиду смены политического режима, конституционного строя и т. д. Уголовно-правовое воздействие – влияние, оказываемое на определенные социальные группы: субъекты экономической деятельности,

органы власти и управления, военнослужащих, медицинских работников и т. д.

Начало воздействия совпадает с первым случаем, а предел окончания мы связываем с процессами криминализации (декриминализации). В узком смысле уголовно-правовое воздействие – влияние, оказываемое на конкретного субъекта с момента получения уполномоченными органами информации о совершенном преступлении до момента погашения или снятия судимости. На пределы уголовно-правового воздействия во временном и содержательном аспектах будет влиять наличие ряда обстоятельств: амнистии, примирения с потерпевшим, возмещения ущерба, судебный штраф, досудебное соглашение и т. д.

Законодатель обязан учитывать интересы общества в целом. Ввиду этого при разработке правовых норм вырабатывают комплексные меры, учитывающие и формирующие требования к правоотношениям. Однако в случае нарушения правовых норм ответственность наступает перед государством. При этом, хотя публичные интересы обеспечены принудительной властью государства¹, а их публичность отражает интересы большинства членов общества, нельзя не указать, что значение прав человека как индивида значительно возросло. Особую роль выполняет соблюдение баланса интересов гражданина и в целом общества в области прав и свобод человека.

Как пишет А. В. Агеев, правом ограничивают независимость². Поскольку свобода – возможность делать то, что не наносит вред другому лицу, то свобода не может быть рассмотрена как абсолютной.

Таким образом, пределы уголовно-правового воздействия в исследуемом механизме обусловлены государственным вмешательством в жизнь индивидуума. Следовательно, процесс реализации частных интересов и прав человека объективно ограничен интересами общества.

Р. Иеринг утверждал, что цель закона состоит в том, чтобы сбалансировать интересы в обществе, найти компромисс между ними. Он писал: «Жизнь закона – это борьба: все великие

¹ Тихомиров Ю. А. Право и публичный интерес // Законодательство и экономика. 2002. № 3 (215). С. 17.

² Агеев А. В. Ограничение прав и свобод граждан по Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 52–56.

завоевания, уничтожение рабства, крепостное право, свобода собственности, религия и т. д. – все это нужно было получить через борьбу»¹. Часто общественный интерес признан государством и обеспечивается законом как интерес социального сообщества, удовлетворение которого служит условием и гарантией существования сообщества людей и их развития. Соответственно, сила и характер интереса зависят от ценностей социума. Решимость отстаивать свое право, проявлять свое правовое чувство измеряется «по масштабу... интереса»².

Права человека – высшая ценность, возрастание значимости которых показывает, что они представляют собой необходимое условие для развития гражданского общества, его правовых основ и демократических институтов. С учетом многогранности рассматриваемого явления в научной литературе, исходя из различных аспектов данного сложного и многомерного понятия, укажем, что существуют различные его определения, которые сформированы на основе концептуальных подходов (речь идет об определении прав человека).

Первоосновой определения прав человека стала классическая теория естественных прав, для которой также характерно обновление содержания посредством дополнительных новых положений. Именно концепция естественных³ прав человека стала основой Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, декларирующих идею равенства прав людей. Поэтому значение пределов в реализации механизма уголовно-правового воздействия обусловлено именно соблюдением баланса интересов. В связи с этим государство разрабатывает комплексные меры, связанные с пределами уголовно-правового воздействия.

К сожалению, следует констатировать, что действия, предпринимаемые законодателем по внесению изменений в уголовный закон, имеют «хаотичный», неконцептуальный характер, не только не повышая авторитет закона, но и внося противоречия по отношению к теории права и положениям закона. Характерным примером могут служить нормы уголовного закона, уголовная противоправность которых определена законодателем по принципу неоднократности, в период до того

¹ *Иеринг Р.* Цель в праве: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. С. 221–222.

² *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб.: тип. Я. Трей, 1895. С. 23.

³ Прирожденных, неотчуждаемых, неотменяемых прав.

момента, пока лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1, 158.1, 212.1 Уголовного кодекса (УК) РФ), так называемая административная преюдиция. По нашему мнению, в данном случае законодателем неверно применен принцип криминализации деяний, определена общественная опасность, а также подвергнут забвению задекларированный государством принцип гуманизации законодательства, реализуемый в уголовной политике.

Указанные обстоятельства приводят к «размытости» пределов уголовно-правового воздействия, что выражено в отсутствии четко сформулированных критериев, разделяющих административную и уголовную противоправность деяний. Изложенное свидетельствует о значимости и актуальности исследования пределов уголовно-правового воздействия, поскольку именно посредством их установления государство, прежде всего на правовом уровне, устанавливает разумный баланс публичных и частных интересов. Сочетание последних находит выражение в комплексной реализации механизма уголовно-правового воздействия, обеспечивающего эффективное противодействие и профилактику преступности.

Библиографический список

1. Агеев А. В. Ограничение прав и свобод граждан по Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 176 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
3. Богатина Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с.
4. Босхомджиева Г. Г. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
5. Бутнев В. В. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты: сб. ст. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 9–11.
6. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 416 с.

7. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

8. Введение к законодательству Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. А. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.

9. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 414 с.

10. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.

11. Дюрягин И. Я. Право и управление. М.: Юрид. лит., 1981. 168 с.

12. Жильцова Н. А. Доступность правосудия: теория и практика // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 39–44.

13. Иеринг Р. Борьба за право. СПб.: тип. Я. Трей, 1895. 90 с.

14. Иеринг Р. Цель в праве: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. 412 с.

15. Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. 222 с.

16. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Норма: ИНФРА-М, 1986. 452 с.

17. Лебедев В. М. Воспитательная функция советского трудового права. М.: Юрид. лит., 1981. 167 с.

18. Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М.: Наука, 1987. 158 с.

19. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1973. 342 с.

20. Мушкет И. И. Полиция в механизме Российского государства (историко-теоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 180 с.

21. Нурпеисов Е. К. Механизм формирования правомерного поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 15 с.

22. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 748 с.

23. Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 2. Функционирование и развитие / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1987. 168 с.

24. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. А. Янин. М.: Юрид. лит., 1984. С. 321–343.

25. Русская Правда по спискам: Академическому, Карамзинскому и Троицкому / под ред. Б. Д. Грекова. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 860 с.

26. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2005. 776 с.

27. Тихомиров Ю. А. Право и публичный интерес // Законодательство и экономика. 2002. № 3 (215). С. 17–22.

28. Толкачев К. Б., Хабибуллин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан: монография. Уфа: Уфим. ВШ МВД РСФСР, 1991. 168 с.

29. Зайцев В. В. Механизм правового регулирования оборота цифровых активов // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 89–103.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.

E-mail: prhouse2016@mail.ru

